

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 3 (73) 2025

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Су Юй-ци.** «Плачущая Формоза»: жизнь острова в ранний период японского колониального правления по материалам газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1895–1898 гг.)5
- Мальцев С.А.** Риссё Косэй-кай на Сахалине: история и современность японской буддийской общины16

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Шаламова С.А.** Влияние городской среды областных и губернских центров Восточной Сибири на нормы поведения молодежи в конце XIX – начале XX вв.23
- Позняк Т.З.** Борьба за нравственный облик города: регулирование проституции и перенос публичных домов на окраины Владивостока в начале XX в.33
- Кискидосова Т.А.** Трудоустройство и социальная поддержка инвалидов Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. (на материалах Хакасии)45
- Котляров М.В.** Стратегии и результаты этнической мобилизации в Сибири и на Дальнем Востоке в конце 1980-х – начале 1990-х гг.55
- Воронцов Н.С.** «Воздушные замки» Приморья: планы открытия новых международных аэропортов в 1990-е гг.65

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Кшевин Н.В.** Антагонизм или сродство? Соотношение античного *techné* и современного концепта техники75
- Левенец А.А., Уваров Ф.М.** Дискурс о технике в немецком культуркритицизме начала XX в.81
- Криман А.И.** Феномен творчества в эпоху искусственного интеллекта91
- Грановская О.Л., Беспалов И.Г.** Диалектика разрыва: концепт пластичности К. Малабу как ресурс для переосмысления гегелевской телеологии100
- Сокольчик В.Н.** Реализация привлечения общества к научным исследованиям в парадигме открытой науки (на материалах биомедицинских исследований)108

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского, г. София, Болгария
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо, г. Саппоро, Япония
Н.Н. КРАДИН	академик РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия
Д. ЛИВЕН	академик Британской академии наук, PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, г. Кембридж, Великобритания
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера, г. Ванкувер, Канада
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Россия
Е.Н. НАЗЕМЦЕВА	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН, г. Москва, Россия
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии», г. Москва, Россия
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН, г. Тюмень, Россия
ЧЖАН БАЙЧУНЬ	иностраный член РАН, доктор философии, профессор Института гуманитарных наук Университета Хайнань, г. Хайкоу, Китайская Народная Республика
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия
П.А. ЩЕРБИНА	кандидат исторических наук, директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ, г. Владивосток, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии
Школы искусств и гуманитарных наук, г. Владивосток, Россия

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/scientific-journalist/the-archive-of-the-journal/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 10.09.2025. Дата выхода в свет 30.09.2025
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 15,44. Тираж 30 экз. Заказ 260.
Свободная цена

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ:
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology

and Mass Media

PI № FS 77 73382

of 17.08.2018

№ 3 (73) 2025

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3>

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Su Yuchi** «Weeping Formosa»: the island's struggle during the early years of Japanese colonial rule in the coverage of Sankt-Peterburgskie Vedomosti, 1895–18985
- Maltsev S.A.** Risshō Kōsei Kai on Sakhalin: the history and present day of a Japanese Buddhist community16

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Shalamova S.A.** Shaping youth morals: the impact of the urban environment in Eastern Siberian cities at the turn of the XXth century23
- Poznyak T.Z.** The struggle for the moral image of the city: regulating prostitution and relocating brothels to the outskirts of Vladivostok in the early XXth century33
- Kiskidosova T.A.** Employment and social support for disabled veterans of the Great Patriotic War (1941–1945): a case study of Khakassia45
- Kotlyarov M.V.** Ethnic mobilization in Siberia and the Russian Far East (late 1980s – early 1990s): strategies and outcomes55
- Vorontsov N.S.** «Castles in the air» of Primorye: plans for the new international airports in the 1990s65

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Kshevin N.V.** Marxism and religion in Ernst Bloch's social philosophy75
- Levenets A.A., Uvarov F.M.** The discourse on technology in the early XXth-century German cultural criticism81
- Kriman A.I.** Creativity in the age of artificial intelligence91
- Granovskaya O.L., Bepalov I.G.** The dialectics of rupture: Malabou's plasticity and the rethinking of Hegelian teleology100
- Sokolchik V.N.** Implementing public engagement in scientific research within the open science paradigm: evidence from biomedical studies108

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow, Russia; professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University, Sapporo, Japan
NIKOLAY N. KRADIN	full member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
DOMINIC LIEVEN	fellow of the British Academy, PhD (History), Trinity College, Cambridge University, Cambridge, Great Britain
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University, Vancouver, Canada
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ELENA N. NAZEMTSEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia
ZHANG BAICHUN	PhD, School of Humanities, Hainan University, Haikou, China
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
POLINA A. SHCHERBINA	Candidate of Sc. (History), Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Kseniya S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Editorial office address:

F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922

Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)

E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:

DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/scientific-journalist/the-archive-of-the-journal/

E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 94(510.2)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/5-15>

Су Юй-ци*

«ПЛАЧУЩАЯ ФОРМОЗА»: ЖИЗНЬ ОСТРОВА В РАННИЙ ПЕРИОД ЯПОНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1895–1898 гг.)

В статье анализируются публикации газеты «Санкт-Петербургские ведомости», посвященные первым годам японского колониального правления на Тайване. Автор подчеркивает, что издание под редакцией Э.Э. Ухтомского активно расширяло освещение восточных вопросов, что отражало растущий интерес Российской империи к региону. Источниковая база газеты отличалась широтой и разнообразием: ее редакция демонстрировала высокий уровень владения материалами японской и британской прессы. В качестве ключевых тем, которые освещались в сообщениях о Формозе в этот период, выделяются: 1) кадровая политика Японии, в т.ч. назначения генерал-губернаторов и их роль в управлении островом; 2) гражданские беспорядки и сопротивление местного населения; 3) эпидемии и их влияние на боеспособность японской армии. Отдельное внимание в статье уделено тому, как воспринимались причины кризиса колониальной администрации Формозы в Японии и в России в контексте соперничества двух держав в Восточной Азии.

Ключевые слова: Формоза, Тайвань, Японская империя, колонизация, русская печать, «Санкт-Петербургские ведомости»

«Weeping Formosa»: the island's struggle during the early years of Japanese colonial rule in the coverage of *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, 1895–1898.
SU YUCHI (National Yang Ming Chiao Tung University, Hsinchu, Taiwan)

The article analyzes publications in the newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* dedicated to the first years of Japanese colonial rule in Taiwan. It emphasizes how the publication, under the editorship of E.E. Ukhtomsky, actively expanded its coverage of Eastern affairs, reflecting the growing interest of the Russian Empire in the region. The newspaper's source base was broad and diverse: its editorial team demonstrated a strong command of materials from the Japanese and British press. The key themes highlighted in its reports on Formosa were: 1) Japan's personnel policy, including the appointments of Governors-General and their role in governing the island; 2) civil unrest and resistance by the local population; and 3) epidemics and their impact on the combat readiness of the Japanese army. Special attention is paid to how the perceived causes of the crisis in the Formosan colonial administration were viewed in Japan and Russia within the context of their rivalry in East Asia.

Keywords: Formosa, Taiwan, Japanese Empire, colonization, Russian press, *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*

* СУ Юй-ци, соискатель степени кандидата наук, лаборант-исследователь Центра гуманитарных наук Национального университета Ян Мин Цзяотун, г. Синьчжу, Тайвань, yuchiisu@gmail.com

© Су Юй-ци, 2025

Введение

После завершения Японо-китайской войны 1894–1895 гг. китайские представители Ли Хунчжан и Ли Цзинфан, а также японские представители Ито Хиробуми и Муцу Мунэмицу подписали Симоносекский договор. В соответствии с его условиями, побежденная династия Цин уступила Японии остров Формоза, острова Пэнху и полуостров Ляодун. С этого момента началось пятидесятилетнее японское колониальное правление на Формозе.

История японской колонизации Формозы широко изучалась как в Японии, так и на Тайване. Японский экономист Янайхара Тадао в своей критической монографии «Тайвань при империализме» всесторонне проанализировал политику Японской империи в отношении колониальной администрации острова [23]. Тайваньский историк Чжан Яньсянь отмечает, что формализация японского контроля над Тайванем осуществлялась путем подавления антияпонского сопротивления, введения колониального законодательства и создания полицейской системы [21, р. 6–9].

Что касается российской историографии, следует отметить монографию Ф.А. Тодера, в которой рассматриваются события XIX в. – от соперничества держав за остров до его оккупации Японией в 1895 г. В главах, посвященных 1895–1905 гг., анализируются первые шаги японской колониальной администрации, сопровождавшиеся экономическими трудностями и внутренними беспорядками [11, с. 249–256]. Значительный вклад в изучение российских источников, связанных с японским правлением на Тайване, внесли В.Ц. Головачев и В.Э. Молодяков. В.Ц. Головачев отмечает, что после Японо-китайской войны Формоза стал объектом международного внимания, о чем свидетельствует рост числа публикаций в российских журналах, хотя большинство из них носили беглый и описательный характер [2, с. 24–26]. В.Э. Молодяков сравнивает имперские и советские наблюдения за Тайванем, подчеркивая, что с момента Японо-китайской войны и до конца Русско-японской войны внимание к его военному и экономическому потенциалу возросло [16, р. 110].

В последние годы фокус внимания российских исследователей сместился на изучение политики Японской империи на среднем и позднем этапах колониального периода. В.Э. Молодяков рассматривает вопросы модернизации и экономической политики, тогда как В.А. Перминова анализирует

процессы ассимиляции и империализации [6; 8; 9]. Что касается изучения истории первых лет японского правления на Формозе, особого упоминания заслуживают работы В.Э. Молодякова и В.Ц. Головачева. В.Э. Молодяков использует дневник французского офицера, майора Клода де Пимодана, посетившего Тайвань в составе японской инспекционной группы в 1896 г. Этот источник раскрывает особенности первых лет японского правления на острове, включая партизанскую войну между местными жителями и японской армией, производство опиума, распространенные эндемические заболевания, а также процесс внедрения в сознание и быт населения элементов японской культуры [7]. В.Ц. Головачев анализирует русскоязычный перевод статьи 1895 г. из японской официальной газеты «Ничи-Ничи», включенной в донесение российского полковника К.И. Вогака, с целью изучения этнической политики Японии на острове в первые годы колониального правления [3]. В целом мы можем заключить, что современные российские исследования по истории японского правления на Тайване становятся все более разнообразными и содержательными.

Многие российские исследователи соглашались с тем, что интерес Российской империи к Тайваню усилился после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. [2, с. 24; 5, с. 410; 16, р. 104]. В центре внимания данной статьи в качестве исторического источника находятся публикации о Формозе за 1895–1898 гг. в одной из старейших российских газет – «Санкт-Петербургских ведомостях». В 1896 г. ее редактором-издателем стал князь Э.Э. Ухтомский, сторонник активной восточной политики Российской империи. Восточничество князя Ухтомского представляло собой на рубеже XIX–XX вв. весьма заманчивую доктрину, предлагавшую альтернативу спорам между западниками и славянофилами. Эта концепция подчеркивала азиатские корни России и служила теоретической основой для ее деятельности в Азии. Князь регулярно публиковал комментарии о развитии России в Азии на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» [10, с. 93–94]. По сравнению с публикациями «Санкт-Петербургских ведомостей» до 1896 г., издание под его редакцией не только сохраняет прежнее внимание к событиям в странах Европы и Америки, но и расширяет освещение новостей, связанных со странами Востока.

До 1897 г. большинство публикуемых в «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщений о Формозе поступало по телеграфу из Лондона и

Гонконга и размещалось в разделе «Телеграммы». С 1897 г. корреспонденты газеты начали использовать и другие источники: британское агентство «Рейтер», японские газеты «Чжи-чжи» (時事新報), «Ёмиури Симбун» (読売新聞), а также британские издания «Japan Weekly Mail», «North China Herald» (北華捷報) и «Shanghai Mercury» (文匯報). В этот период новости о Формозе размещались преимущественно в разделе «Внешние известия» под отдельным заголовком «Формоза». После 1898 г. количество сообщений о Формозе резко сократилось, и они стали появляться под заголовком «Япония».

Цель данной статьи – выделить и проанализировать ключевые темы, которые освещались в сообщениях о Формозе на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в период становления японского колониального правления на острове.

Назначение генерал-губернатора Формозы

После подписания Симоносекского договора японская власть 10 мая 1895 г. учредила Канцелярию генерал-губернатора Тайваня (台湾總督府) для контроля над своей первой колонией, островом Формоза, и официально приступила к управлению 17 июня. Это учреждение являлось высшим органом власти острова в период японского правления, а главой администрации был генерал-губернатор Тайваня (台湾總督).

Анализ материалов «Санкт-Петербургских ведомостей» показывает, что сообщения о кадровых назначениях на острове появлялись в газете регулярно. После захвата острова генерал Такасима (高島鞆之助, 1844–1916) был назначен вице-губернатором и командующим войсками на Формозе (СПбВ. 1895. 11 августа)¹. Упоминания же о назначениях первых генерал-губернаторов, Кабаяма Сукэнори (1837–1922) и Кацура Таро (1848–1913), практически отсутствуют, вероятно, в связи с краткостью их пребывания в должности.

7 февраля 1897 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» процитировали японские источники, подтвердившие слухи о назначении генерал-лейтенанта, барона Ноги Марэсукэ (1849–1912) генерал-губернатором Формозы (СПбВ. 1897. 7 февраля). На самом деле он вступил в должность еще 14 октября 1896 г.

В октябре того же года газета вновь процитировала известие японского издания: «Генерал-губернатор Формозы барон Ноги вынужден был подать в отставку. На его место прочат морского министра маркиза Сайго. Таким образом менее чем в два года на Формозе сменились четыре генерал-губернатора, а вместе с ними и четыре системы управления островом» (СПбВ. 1897. 20 октября). В этом сообщении в качестве возможного преемника упоминается маркиз Сайго Цугумити (1843–1902), однако в итоге этот пост занял генерал-лейтенант Кодама Гэнтаро (1852–1906), ставший четвертым генерал-губернатором Тайваня. Несмотря на неточность прогноза, можно заметить, что корреспонденты «Санкт-Петербургских ведомостей» проявляли активный интерес к кадровым назначениям японской администрации на Тайване, опираясь на сообщения японской прессы.

Хотя должность генерал-губернатора была учреждена в 1895 г., ее правовой статус был закреплён лишь в 1897 г. Особого внимания заслуживает «Организационная структура Канцелярии генерал-губернатора Тайваня» (Приказ № 362) (台灣總督府官制), опубликованная 21 октября 1897 г. Первая статья документа гласит: «В Канцелярии генерал-губернатора Тайваня учреждается должность генерал-губернатора Тайваня». Генерал-губернатор наделялся юрисдикцией над островами Тайвань и Пэнху. Вторая статья указывает, что генерал-губернатор является должностным лицом, назначаемым непосредственно Императором, и должен иметь звание генерала, адмирала, генерал-лейтенанта или вице-адмирала (Taiwan Historica. № 0071010187a002).

13 декабря 1897 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» процитировала сообщение британской «Japan Weekly Mail», подробно рассмотрев содержание вышеупомянутого Приказа № 362: «Недавно издан новый закон об управлении Формозой... В ведении наместника будут находиться военные и гражданские дела острова. В вопросах военных он подчинен военному и морскому министрам, в вопросах гражданских он будет пользоваться полной самостоятельностью» (СПбВ. 1897. 13 декабря). Британская газета «Japan Weekly Mail» издавалась в Иокогаме и служила важным источником информации о внешней и внутренней политике Японии. Ссылки на это издание в «Санкт-Петербургских ведомостях» свидетельствуют о зависимости российской прессы от британских источников при освещении событий в Восточной Азии.

¹ Здесь и далее ссылки на материалы «Санкт-Петербургских ведомостей» приводятся в круглых скобках с указанием года и числа публикации (по старому стилю).

Цитируемое сообщение «Japan Weekly Mail» в целом соответствует содержанию Приказа № 362 и подробно характеризует обязанности и полномочия генерал-губернатора Тайваня, а также его подчиненное положение по отношению к императору и центральным японским властям. Тот факт, что назначенные японским правительством генерал-губернаторы действительно имели военные звания, отражает специфику первого этапа японского управления Тайванем – этапа, характеризовавшегося привлечением высших военных чинов. Японские власти ожидали, что генерал-губернаторы с военным опытом смогут эффективно подавлять гражданские волнения на Формозе.

Историк Ф.А. Тодер отмечала, что кадровая политика на Тайване отражала соперничество между военными фракциями Японии: представители клана Сацума (薩摩藩) доминировали во флоте, тогда как выходцы из Тесю (長州藩) – в армии [11, с. 249]. Первый генерал-губернатор Тайваня, адмирал Кабаяма, представлял Сацуму, а его преемники – Кацура, Ноги и Кодама – были генерал-лейтенантами из Тёсю. Таким образом, назначения на Тайване можно рассматривать как продолжение внутренней борьбы элит Мэйдзи.

Стоит также отметить, что третий и четвертый генерал-губернаторы, Ноги и Кодама, сыграли важную роль в Русско-японской войне. Ноги командовал 3-й армией при осаде Порт-Артура и участвовал в Мукденском сражении. Кодама в 1906 г. был назначен начальником Генерального штаба и одновременно возглавил Южно-Маньчжурскую железнодорожную компанию, став ключевой фигурой в новом этапе японо-русского соперничества в Маньчжурии.

Гражданские беспорядки

Несмотря на официальную аннексию острова, японское правительство сталкивалось с серьезными трудностями, прежде всего – с продолжающимся партизанским сопротивлением местного населения. Характерными чертами этого сопротивления были высокая мобильность, численность участников от сотен до тысяч человек и повсеместное распространение по острову. Партизанские отряды использовали в качестве своих баз труднодоступные для японской армии районы, горные массивы, глубокие долины и другие природные укрытия. Они появлялись и исчезали по своему усмотрению, что значительно затрудняло

действия японских войск. В своей статье В.Э. Молодяков подтвердил характер подобных партизанских войн на основе анализа дневника французского офицера, майора Клода де Пимодана, посетившего Тайвань в 1896 г. [7, с. 182] Тайваньский историк Хуан Чжаотан даже утверждал, что в период правления первых трех генерал-губернаторов подавление антияпонских партизанских выступлений происходило практически ежедневно [20, р. 72].

В 1897–1898 гг. газета «Санкт-Петербургские ведомости» активно освещала события на Формозе, формируя представления о колониальной политике Японии в русскоязычном дискурсе. Согласно сообщению от 7 февраля 1897 г., японцы на Формозе действовали с крайней жестокостью, что вызвало ответные насильственные действия со стороны местных жителей: «Инсurreкция не подавлена... не слушаясь офицеров, солдаты собираются бандами и бродят по соседним селам, где предаются грабежу и различным излишествам... Рассказывают, что где появляется японский отряд, там тотчас же производится смотр женщинам и девушкам, после чего красивейшие отводятся к офицерам. Этого достаточно, чтобы понять, какой страшный произвол царит на острове. Где появятся японцы, там тотчас же образуется пустыня: население бежит в горы, спасая себя, жен, детей и имущество. Со своей стороны, где и когда возможно, оно мстит японцам. Случаи убийства беспрестанны, столь же часты случаи исчезновения японских солдат. Это значит, японец попался в руки туземцев и, вероятно, погиб страшной смертью» (СПбВ. 1897. 7 февраля).

В сообщении содержится информация о трудностях, с которыми столкнулась Японская империя в первые дни своего правления на Формозе: о нарушениях военной дисциплины со стороны представителей японских войск, сопротивлении местного населения, вспышках эпидемий и других проблемах. Корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» прокомментировал ситуацию следующим образом: «Вообще образ действий японцев непонятен, – они не делают никаких приготовлений к походу внутрь острова, между тем без серьезной борьбы с инсургентами им все же не обойтись, медлительность в этом случае одинаково пагубна как для местного населения, так и для самих японцев» (СПбВ. 1897. 7 февраля).

Похожую точку зрения представляет сообщение, опубликованное в газете «North China

Herald»² и процитированное газетой «Санкт-Петербургские ведомости» 21 марта 1897 г. В нем описывается ожесточенный вооруженный конфликт между японской армией и местной милицией: «Битва продолжалась целый день. Инсургенты дрались отчаянно, но в конце концов должны были бросить свою крепкую позицию и отступить еще далее внутрь острова. Думают, что их было более тысячи человек. До какой же степени битва была упорна, видно из того, что японские потери составляют сто человек убитых и раненых. Потери инсургентов в точности неизвестны, но, по-видимому, очень значительны» (СПбВ. 1897. 21 марта).

В мае «Санкт-Петербургские ведомости» вновь сослались на сообщение «North China Herald», отметив: «Проживающие на Формозе китайцы до сих пор испытывают неприятности, связанные с далеко еще не установившимся порядком вещей на острове. Японцы утверждают, что инсurreкционное движение там подавлено, но это положительно не верно» (СПбВ. 1897. 4 мая).

Рассматривая упомянутые публикации, можно отметить, что определение конкретных руководителей гражданского сопротивления для корреспондентов в большинстве случаев представлялось затруднительным. Но одно имя упоминается неоднократно: Сен-Син (詹振, ?–1897). Он происходил из крестьянской семьи и после начала японской оккупации Формозы в 1895 г. неоднократно собирал в Тайбэе антияпонски настроенных активистов, включая Линь Личэна (林李成, 1854–1899), Цзянь Даши (簡大獅, 1870–1900) и других, для организации протестных акций.

8 мая 1897 г. в Тайбэе вспыхнуло крупномасштабное гражданское восстание под предводительством Сен-Сина, Цзянь Даши и др. Повстанцы собрали свыше тысячи человек с намерением вернуть контроль над городом Тайбэй [14, р. 646]. В июле газета «Санкт-Петербургские ведомости» процитировала слова корреспондента «North China Herald», подробно описав причины и последствия беспорядков: «Накануне в Туатуцзя (大稻埕) давалось театральное пред-

ставление, привлекавшее необычайную по многолюдству толпу.

Впоследствии оказалось, что эта толпа состояла почти исключительно из инсургентов... Начавшаяся в темноте перестрелка ускорила соединение другого отряда инсургентов, шедшего через железнодорожный мост, с главным корпусом, успевшим уже ранее пробраться в предместье, после чего некоторые бросились грабить богатые дома китайцев: большая же часть инсургентов направилась к городу, чему не могли помешать японские полицейские. Но в это время подоспели войска и в жаркой схватке, длившейся около двух часов, китаец Сен-Син был смертельно ранен. Это незаменимая потеря для инсургентов, которые, оставив на месте 124 трупа, покинули, наконец, с рассветом поле сражения... Японцы, по официальным данным, потеряли всего лишь 3 человека убитыми и 7 ранеными, из коих двое тяжело. Столь незначительные потери японцев объясняются как темнотой, так и неумением инсургентов стрелять из своих ружей системы Маузера» (СПбВ. 1897. 6 июля).

В сообщениях подчеркивалось, что сражения между повстанцами и японскими войсками были ожесточенными, однако, согласно официальным данным, японская сторона понесла незначительные потери.

Следует отметить, что еще в 1896 г. Сен-Син и Линь Личэн опубликовали воззвание к тайваньскому народу, в котором утверждали, что сопротивление японской оккупации обусловлено совершением японцами десяти тяжких преступлений. Они считали, что генерал-губернатор подобен нищему, а полицейские и административные органы погрязли в коррупции и репрессиях против местного населения, что, по их мнению, вынудило народ к вооруженному сопротивлению [12, р. 31].

Позднее Г.Е. Грумм-Гржимайло прокомментировал произошедшее следующим образом: «Будем надеяться, что смелое предприятие Сен-Сина, чуть не приведшее к катастрофе, поубавило японцам гордыни и раскрыло им глаза на существующие прорехи» (СПбВ. 1897. 14 сентября). Он оценивал поведение Сен-Сина как проявление мужества и подчеркивал наличие системных изъянов в японской административной политике на Тайване. Ф.А. Тодер отмечала, что это нападение и последовавшие вспышки насилия продемонстрировали неспособность японских властей сломить силу народного сопротивления одними лишь репрессиями [11, с. 255]. Хотя восстание и закончилось неудачей, Линь Личэн в 1897 г. отправился в Пекин для того, чтобы

² Газета «North China Herald», основанная британцем Генри Ширманом (1813–1856) в 1850 г., стала первым англоязычным изданием в Шанхае. В 1864 г. она была преобразована в ежедневную «North China Daily News» (字林西報), а первоначальный еженедельник стал ее приложением. Издание освещало торговлю, культуру и политику в Китае, отражая интересы Британской империи, и долгое время сохраняло доминирующее положение среди иностранной прессы в Китае [13, р. 174–175].

передать послание князю Э.Э. Ухтомскому, надеясь заручиться поддержкой Российской империи в борьбе против Японии. Однако Санкт-Петербург не отреагировал на эту инициативу [11, с. 240]. А.В. Лукин также отмечает, что обращения с Тайваня и из симпатизировавших ему районов Китая были доставлены частыми, и российское правительство имело хорошее представление о положении на острове и в его окрестностях. Тем не менее, начиная с Муданьского инцидента в 1874 г. и до Русско-японской войны, официальная позиция России заключалась в стремлении не вступать в прямую конфронтацию с Японией из-за Тайваня, т.к. это могло поставить под угрозу стратегические интересы Российской империи в Маньчжурии [5, с. 411].

Остров болезней: малярия, холера и чума

Помимо постоянных гражданских беспорядков, в первые годы своего правления на Формозе Японская империя столкнулась с масштабными эпидемиями и распространением инфекционных заболеваний. Остров расположен в субтропической зоне с жарким и влажным климатом, гористым рельефом и густыми лесами, что представляет благоприятную среду для размножения комаров и болезнетворных микроорганизмов. Еще до начала японского колониального управления на острове были широко распространены такие болезни, как чума, холера, брюшной тиф и оспа, что закрепило за Тайванем репутацию острова болезней [17, р. 199]. Армии династии Цин, а также французские и японские войска несли значительные потери от эндемичных инфекций во время своих военных кампаний на острове. Японская армия дважды столкнулась с эпидемиями, приведшими к массовой заболеваемости и смертности.

Первый случай относится к Тайваньскому походу (台湾出兵) в мае–июне 1874 г. Во время этой экспедиции японские войска понесли большие потери не в бою, а от инфекций, таких как дизентерия и малярия. По официальным данным, общее число жертв составило 590 человек, из которых 12 погибли в бою, а 561 умер от болезней (Национальный архив Японии. № 単00594100). Второй случай произошел во время Японского завоевания Тайваня (乙未戦争) в 1895 г. Хотя боевые потери были сравнительно невелики, эпидемии вновь нанесли армии сокрушительный удар. Из-за непривычных климатических и санитарных условий значительное число солдат заразилось малярией и скончалось. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» со

ссылкой на агентство «Рейтер» сообщала: «В войсках свирепствуют лихорадка и дизентерия» (СПбВ. 1895. 8 июля).

Согласно статистическим подсчетам японских ученых, к концу 1895 г. в сражениях погибло 164 японских солдата, 515 были ранены, 4 624 умерли от болезней, а 26 094 заразились. Таким образом, более половины численности мобилизованных войск пострадало от инфекций, причем смертность в 28 раз превышала боевые потери [18, р. 60]. Согласно статистике, значительна доля погибших страдала от лихорадки и малярии, а наибольшее число смертей было вызвано холерой [19, р. 70]. Эти сведения подтверждаются и приведенными выше сообщениями. Очевидно, что японская армия понесла серьезные потери от эпидемических заболеваний на Формозе, что существенно снизило ее боеспособность [22, р. 115]. Согласно дневнику Клода де Пимодана, чума вновь свирепствовала в Тайбэе в октябре 1896 г. Он также указывал, что эпидемии чумы, холеры, тифа, малярии оставались настоящим бичом острова [7, с. 184].

Эти случаи массовых заражений убедили японские власти в необходимости санитарных реформ. В октябре 1896 г. Канцелярия генерал-губернатора опубликовала «Правила профилактики инфекционных заболеваний на Тайване», в которых восемь болезней были классифицированы как инфекционные. Документ предусматривал карантин, изоляцию, дезинфекцию, контроль за перемещениями и отчетность врачей, став основой для дальнейших санитарных мероприятий. Однако в 1897 г. эпидемиологическая ситуация оставалась тяжелой. В сообщении газеты от 7 февраля подчеркивалось, что чума продолжала беспокоить японцев: «Инсurreкция не подавлена, дезорганизация японского оккупационного отряда, страдающего от различных болезней, – в особенности же от дизентерии, – достигла крайних пределов» (СПбВ. 1897. 7 февраля).

В марте 1897 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» приводила сообщение известной японской газеты «Ёмиури Симбун», сообщая, что эпидемия стала одной из причин неспособности армии подавить беспорядки: «К тому же припомните: болезни среди наших солдат, чума у туземцев» (СПбВ. 1897. 7 марта).

Из этих сообщений следует, что японская армия оказалась в крайне неблагоприятных санитарных условиях, что значительно снижало ее эффективность в борьбе с восстаниями. Российский корреспондент резюмировал: «Победители-японцы сильно пострадали, в особенности от заразных болезней, свирепствовавших среди них, так что в настоящее

время численность японских войск, по сравнению с численностью враждебного им населения, составляет не более 1 проц» (СПбВ. 1897. 23 июля).

Кроме того, газета «Санкт-Петербургские ведомости» со ссылкой на британскую «Shanghai Mercury», ранее имевшую значительное влияние в Шанхае, сообщала о вспышке чумы на острове, завезенной из Фуцзяня: «Японские солдаты утомлены этими бесцельными маршами и истощены непрекращающимися эпидемическими болезнями, к коим присоединилась теперь еще и страшная гостья – бубонная чума, занесенная сюда из Фуцзянской провинции Китая. Китайское прибрежное население (туземцы) объято паническим страхом, который тем более понятен, что японские власти не предпринимают ровно ничего для локализации пораженных эпидемией местностей» (СПбВ. 1898. 27 февраля).

Хотя пресса сообщала об отсутствии реакции со стороны японских властей, архивные данные свидетельствуют об обратном. Уже в мае 1896 г. в порту Тайнаня был введен карантин из-за подозрения на чуму, вспышки которой ранее фиксировались в южном Китае. Власти проводили сбор образцов, дезинфекцию и изоляцию больных, однако сопротивление со стороны населения привело к масштабной вспышке в 1897 г. [18, р. 61–62].

В 1898 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» процитировала публикацию из «Чжи-чжи», одной из пяти крупнейших японских газет в период накануне Второй мировой войны. В публикации резко критиковались потери японских солдат из-за плохих санитарных условий. Отмечалось, что победа японской армии в Японо-китайской войне 1894–1895 гг. обернулась катастрофическим поражением на Формозе, что стало позором для Японии: «Известия, которые мы получаем с острова, позорят нас и выставляют нас в глазах Европы не только немелкими администраторами, но и плохими воинами. Неужели правительство наше не видит, что лавры, увенчавшие наши войска в 1894–1895 гг., вынут в формозских горах, где эти войска деморализуются и гибнут массами, но только не от вражеских пуль, а от плохих санитарных условий, в коих находятся?» (СПбВ. 1898. 17 марта).

Таким образом, в годы завоевания Тайваня японская армия оказалась практически беспомощной перед лицом тропических болезней. Несмотря на издание нормативных актов и санитарные меры в 1896 г., сообщения в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1896–1898 гг. указывают на продолжавшиеся значительные потери. Это свидетельствует о

низкой эффективности ранних противоэпидемических инициатив. Лишь после назначения Кодама генерал-губернатором, а Гото Симпэй (1857–1929) гражданским губернатором ситуация начала меняться: санитарная политика приобрела научные основы, что позволило взять под контроль распространение инфекций.

Оценка причин кризиса управления Формозой

Следует отметить, что инцидент с восстанием Сен-Сина вызвал широкий резонанс в японских изданиях. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» активно транслировала критические оценки деятельности Канцелярии генерал-губернатора Тайваня, озвучиваемые японскими изданиями. Так, 27 июля 1897 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости», цитируя публикацию наиболее острокритичной газеты «Сэкай-но-Ниппон», сообщала: «Безобразия, творимые на острове, достигли своего максимума! Пусть министр колоний виконт Такасима и генерал-губернатор Формозы барон Ноги подадут немедленно в отставку! Они доказали ясно свою полную несостоятельность и не могут быть долее терпимы на своих местах... Очевидно одной силой, жестокостями и застрашиванием тут ничего не поделаешь. Надо в корне изменить всю систему... Нет, пора прогнать всю негодную формозскую администрацию и заменить ее новой!» (СПбВ. 1897. 27 июля). В этой же публикации приводился комментарий «Чжи-чжи», и несмотря на более сдержанный тон, корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» отмечал, что она также высказывает явную критику сложившегося порядка: «Если вникнуть в систему нынешнего управления Формозой, то здесь все поражает своей нецелесообразностью... Ужели правительство позволит себя и далее убаюкивать лживыми донесениям, что все на острове обстоит благополучно?» (СПбВ. 1897. 27 июля).

В 1898 г. газета «Чжи-чжи» вновь подвергла критике гражданские беспорядки: «Смешно и горько думать, что японцы, в столь короткий срок заставившие просить пощады (!) гордых пекинцев, сломившие могущество 400-миллионной нации, не могут справиться с горстью почти безоружных негодяев... Да, это позор!» (СПбВ. 1898. 17 марта).

Резкой критике ситуация на Формозе подверглась и в «Japan Weekly Mail»: «Генерал-губернатор барон Ноги донес о новых восстаниях и о мерах, принятых им для их подавления. Он благоразумно умалчивает, однако, к каким результатам привели эти меры... Во всяком случае Формоза

столько же скомпрометировала японцев, сколько японско-китайская война их временно возвеличила» (СПбВ. 1898. 18 марта).

Анализ процитированных в «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщений позволяет заключить, что Формоза оставалась серьезной проблемой для Японской империи. Критика, звучавшая в японской прессе и отразившаяся на страницах российской газеты, указывала на недовольство общественности неспособностью генерал-губернатора и местной администрации справиться с гражданскими беспорядками и эпидемиями. Несмотря на численное и техническое превосходство, японская армия не могла подавить сопротивление практически безоружного населения, что воспринималось как унижительный провал. Формоза рассматривалась как бремя, а Канцелярии генерал-губернатора – как неэффективная структура, что вызывало призывы к ее отставке.

Подобная критика со стороны японской общественности представлялась выгодной для России: пока формирующаяся Японская империя не решит свои колониальные проблемы, она не сможет сосредоточить внимание и ресурсы на Северо-Восточном Китае, а значит, не будет представлять угрозы для российских интересов в регионе.

Тем не менее Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936), публиковавшийся в «Санкт-Петербургских ведомостях», придерживался иного взгляда на вопрос ответственности за неудачу японского колониального управления. Прежде чем перейти к анализу его позиции, следует кратко охарактеризовать фигуру самого Грумм-Гржимайло. В 1896 г. по предложению Э.Э. Ухтомского он возглавил восточный отдел в газете «Санкт-Петербургские ведомости» [1, с. 30]. Согласно достигнутой договоренности, Грумм-Гржимайло должен был ежедневно предоставлять не менее 200 строк текста, посвященного важнейшим событиям в странах Азии и европейских колониях. В 1896–1897 гг. он подготовил обширный корпус материалов, освещающих события на Востоке [4, с. 42].

Свою оригинальную точку зрения на вышеописанные проблемы Г.Е. Грумм-Гржимайло выразил в статье под названием «Плачущая Формоза» – единственной публикации на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», полностью посвященной Тайваню. Если большинство материалов о Формозе в газете представляли собой переводы или пересказы публикаций из японской и британской прессы, то эта статья в определенной степени отражала именно русскую интерпретацию событий, связанных с японским

управлением островом. Статья была написана после майского восстания Сен-Сина. В ней Грумм-Гржимайло защищал генерал-губернатора Ноги, которого он характеризовал как выдающуюся фигуру: «Большинство обвиняет губернатора Формозы, генерал-лейтенанта Ноги... Во всяком случае, если отставка его и будет принята, это нисколько не улучшит общего положения дел на Формозе. Мне кажется, даже наоборот. Барон Ноги – прекрасный человек, успевший заслужить всеобщее уважение и любовь как европейцев, так и большинства именитых китайцев, имевших случаи с ним видаться и говорить. ... Он никогда не затруднялся отдать виновного японца под суд, и не мало расхитителей казны, единственно благодаря ему, принуждены были оставить остров. Очень жаль, если он не вернется обратно. Я думаю, что я выражу общее мнение всех европейцев, не исключая и миссионеров, если скажу, что для преуспевания острова необходимо, чтобы барон Ноги вернулся, но вернулся с большими полномочиями, чем те, коими он располагал до сего времени, а также со средствами, которые позволили бы ему приступить к операциям, направленным к введению в крае столь недостающего ему ныне благоустройства» (СПбВ. 1897. 14 сентября).

Грумм-Гржимайло подчеркивал беспристрастность Ноги, его борьбу с коррупцией, однако, по его мнению, корень проблемы заключался не в местной администрации, а в структуре управления, навязанной из Токио: «Нет, не местная администрация виновата, не барон Ноги, но Хасигуци, префект Тайпе, и не генерал-майор Накаге, командир войск тайпейского округа, а вся система управления островом, та система, которая требует слишком многого, не давая исполнителям необходимых средств, и которая занимается сменой высшей администрации острова, едва та успеет войти в курс дела и освоиться с теми требованиями, какие ей представляются парламентом. Япония едва два года владеет Формозой, а между тем на острове сменились уже три генерал-губернатора... В результате же мы были свидетелями смены трех систем управления, из коих одна отрицала другую» (СПбВ. 1897. 14 сентября).

Таким образом, Грумм-Гржимайло считал, что провал начального этапа управления Формозой связан не с действиями местных чиновников, а с ошибками центрального правительства Японии, которое предъявляло завышенные требования, не наделяя администрацию необходимыми полномочиями. Такая система демонстрировала непрактичность управле-

ния из Токио. Он также указывал, что частая смена генерал-губернаторов мешала реализации стабильной политики и усложняла адаптацию населения. В этом контексте он возлагал надежды на возвращение Ноги с расширенными полномочиями. Оценивая положение дел на Формозе, Грумм-Гржимайло не обвинял ни местных чиновников, ни население, но критически анализировал структурные слабости японской колониальной бюрократии.

Хотя Грумм-Гржимайло надеялся, что Ноги сможет вернуться на остров и вновь взять на себя управление, было очевидно, что сам Ноги не намеревался этого делать. К 1898 г. стало очевидным, что трое сменивших друг друга военных генерал-губернаторов не смогли эффективно подавить беспорядки на острове. Партизанские антияпонские выступления, которые правительство Японии квалифицировало как «бандитские беспорядки», происходили особенно активно в период правления Кацура (июнь–октябрь 1896 г.) и самого Ноги (октябрь 1896 г. – февраль 1898 г.). Это объяснялось отсутствием эффективной административной политики, неудачным подбором колониальных чиновников, противоречиями между гражданскими и военными структурами, а также конфликтами между исполнительной и судебной властью. Кроме того, Тайвань ежегодно требовал значительных финансовых вливаний из центра, что стало тяжелым бременем для государственного бюджета Японии того времени. В этой связи Ноги даже выступал в парламенте с предложением продать Тайвань Франции за 100 млн юаней. Видя, как остров превращается в обузу, японские политики инициировали новую волну парламентских дебатов, т.н. «аргумент о продаже Тайваня» (台灣賣卻論) и «аргумент об отказе от Тайваня» (台灣放棄論) [15, р. 3]. Само появление таких предложений отражает провал первоначального этапа японского колониального управления. Аналогичной оценки происходящих событий придерживалась и Ф.А. Тодер [11, с. 249].

Заключение

Таким образом, мы можем заключить, что «Санкт-Петербургские ведомости» – газета, известная своим вниманием к восточным вопросам – освещала ключевые аспекты японской колониальной политики на Тайване в начальный период, опираясь на японскую и британскую прессу. Очевидно, что источниковая база издания отличалась широтой и разнообразием: ее редакция и корреспонденты демонстрировали высокий уровень владения японскими и английскими материалами,

умело адаптируя их к российской информационной среде и предоставляя читателям тщательно отобранные зарубежные известия.

Издание уделяло внимание кадровой политике Японии, назначению генерал-губернатора, от которого ожидали стабилизации ситуации. Как известно, в первые годы колониального правления на Формозе японская армия столкнулась с партизанским сопротивлением и тропическими эпидемиями, что нашло подробное отражение в прессе. Эти проблемы серьезно подрывали контроль Японии над островом и породили дискуссии о целесообразности сохранения колонии. В публикациях на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» отмечалось недовольство японской общественности действиями администрации Тайваня. Вероятно, сообщения о неспособности японских властей успешно управлять своей первой колонией воспринимались в России позитивно, т.к. служили признаком слабости Японии и ограниченности ее ресурсов, что представлялось выгодным для России в контексте борьбы за Северо-Восточный Китай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винарский М.В., Юсупова Т.И. «Конкистадор русской энтомологии»: Г.Е. Грумм-Гржимайло и его вклад в лепидоптерологию // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. № 4. С. 7–39.
2. Головачев В.Ц., Молодяков В.Э. Тайвань в эпоху Японского правления. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
3. Головачев В.Ц. Роль этнической политики в ранних японских планах «усмирения» Тайваня (по статье из официальной газеты «Ничи-Ничи» от 4 и 5 сентября 1895) // Общество и государство в Китае. Т. 45. Ч. 1. М., 2015. С. 105–116.
4. Грумм-Гржимайло А.Г. Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа) 1860–1936. М.: Изд-во Московского Общества испытателей природы, 1947.
5. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007.
6. Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е – 1930-е годы // Ежегодник Япония. 2016. Т. 45. С. 156–172.
7. Молодяков В.Э. «Ситуация остается весьма напряженной»: дневник поездки Клода де Пимодана на Тайвань (октябрь–ноябрь 1896 г.) // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 2. С. 179–186.

8. Перминова В.А. Ассимиляция, интеграция и борьба за идентичность: современные оценки социальной политики Японии на Тайване в 1895–1945 гг. // *Общество и государство в Китае*. Т. 49. Ч. 2. М., 2019. С. 197–224.

9. Перминова В.А. Проблема политической интеграции колоний Японией (на примере Тайваня) // *Общество и государство в Китае*. Т. 45. Ч. 2. М., 2015. С. 474–485.

10. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

11. Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978.

12. Ван Сяобо. Тайбао канжи вэньсянь сюаньбянь (Избранные документы о сопротивлении тайваньцев японской оккупации). Тайбэй: Памиэршудянь, 1985.

13. Волц Ю.Чж., Ли Цзиньцюань. Бань чжиминь чжуи юй синьвэнь шили фаньвэй: эр ши шицзи цзаоци цзай хуа дэ ин мэи баое чжи чжэн (Полуколониализм и сфера влияния журналистики: конкуренция британо-американской прессы в Китае в начале XX в.) // *Чуаньбо юй шэхуэй сюэкань*. 2011. № 17. С. 165–190.

14. Тайвань лиши жэньбу сяочуань – мин цин цзи жичжи шици (Биографические очерки исторических деятелей Тайваня: периоды Мин, Цин и японского колониального правления). Тайбэй: Гоцзя тушугуань, 2003.

15. Линь Вэнькай. Тайвань чжунъян цайчжэн тичжи дэ чжуаньсин: жи чжи чуци (1898–1905) Хоутэн синьпин цзундуфу цайчжэн гайгэ чжи лиши ии (Трансформация центральной финансовой системы Тайваня: историческое значение финансовых реформ канцелярии генерал-губернатора Гото Симпэя в период раннего японского правления, 1898–1905 гг.) // *Чжунъян дасюэ жэньвэнь сюэбао*. 2017. № 63. С. 1–44.

16. Молодяков В.Э. Росиа кара ми та нихон тоти дзидай но тайван: тэйсэй дзидай то сорен дзидай но хикаку (Тайвань в период японского правления с точки зрения России: сравнение имперского и советского периодов) // *Такусеку дайгаку тайван кэнкю*. 2018. № 2. С. 101–114.

17. Сакано Нарутака. Фуси манга дэ эми току Нихон тоти ка но Тайван (Тайвань под японским правлением в сатирических карикатурах). Токио: Кабусики каися Хэйбонся, 2012.

18. Фань Яньцю. Шуи юй тайвань чжи гунгун вэйшэн (1896–1917) (Чума и общественное здраво-

хранение на Тайване, 1896–1917 гг.) // *Голи чжунъян тушугуань тайвань фэньгуань гуанькань*. 1995. Т. 1. № 3. С. 59–84.

19. Фань Яньцю. Чжиминь исюэ дэ сяньфэн: цун муданьшэ шицзянь дао и вэй чжаньи дэ цзюньчжэнь исюэ (Авангард колониальной медицины: военная медицина от Муданьского инцидента до захвата острова Формоза в 1895 г.) // *Тайвань ши яньцю*. 2020. Т. 27. № 1. С. 51–94.

20. Хуан Чжаотан. Тайвань цзундуфу (Канцелярия генерал-губернатора Тайваня). Тайбэй: Цяньвэй чубаньшэ, 2013.

21. Чжан Яньсянь. Жи цзюй шидай чуци жибэнь дуй тайвань дэ цзиньин (1895–1905) (Японское управление Тайванем в начальный период колониального господства, 1895–1905 гг.) // *Чжунъян яньцзююань саньминь чжуи яньцзюсо цункань: Ди сы цы шэхуэй кэсюэ яньтаохуэй лунь-вэнь цзи*. Тайбэй, 1985. С. 5–19.

22. Чжоу Ваньяо. Тайвань лиши тушо (Иллюстрированная история Тайваня). Тайбэй: Лянь цзин чубань шиэ гуфэнь юсянь гунсы, 2009.

23. Янайхара Тадао. Диго чжуи ся дэ тайвань (Тайвань при империализме). Тайбэй: Усаньялянь тайвань шиляо цзицзинь хуэй, 2014.

REFERENCES

1. Vinarskii, M.V. and Yusupova, T.I., 2021. «Konkistador russkoi entomologii»: G.E. Grumm-Grzhimailo i ego vklad v lepidopterologiyu [«A conquistador of Russian entomology»: G.E. Grumm-Grzhimailo and his contribution to lepidopterology], *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, Vol. 13, no. 4, pp. 7–39. (in Russ.)

2. Golovachev, V.Ts. and Molodyakov V.E., 2014. Taiwan' v epokhu Yaponskogo pravleniya [Taiwan under Japanese rule]. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN. (in Russ.)

3. Golovachev, V.Ts., 2015. Rol' etnicheskoi politiki v rannikh yaponskikh planakh «usmireniya» Tairanya (po stat'e iz ofitsial'noi gazety «Nichi-Nichi» ot 4 i 5 sentyabrya 1895) [Place of ethnic policy in early Japanese plans of Taiwan «pacification» (according to Nichi-Nichi gazette dated September 4 and 5, 1895)]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. T. 45. Ch. 1. Moskva, 2015, pp. 105–116. (in Russ.)

4. Grumm-Grzhimailo, A.G., 1947. Dela i dni Grigoriya Efimovicha Grumm-Grzhimailo (puteshestvennika i geograf) 1860–1936 [The deeds and days of Grigory Efimovich Grum-Grzhimailo, traveler and geographer, 1860–1936]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo Obshchestva ispytatelei prirody. (in Russ.)

5. Lukin, A.V., 2007. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vv. [Bear watching dragon. The image of China in Russia in XVII–XXI centuries]. Moskva: Vostok-Zapad; AST. (in Russ.)
6. Molodyakov, V.E., 2016. Kolonial'naya politika i modelirovanie obraza Yaponii: Taivan', 1900-e – 1930-e gody [Colonial policy and Japanese image making: Taiwan in 1900–1930], Ezhegodnik Yaponiya, Vol. 45, pp. 156–172. (in Russ.)
7. Molodyakov, V.E., 2021. «Situatsiya ostaetsya ves'ma napryazhennoi»: dnevnik poezdki Kloda de Pimodana na Taivan' (oktyabr'–noyabr' 1896 g.) [«The situation remains highly tense»: Claude de Pimodan's travel diary from Taiwan, October–November 1896], Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN, no. 2, pp. 179–186. (in Russ.)
8. Perminova, V.A., 2019. Assimilyatsiya, integratsiya i bor'ba za identichnost': sovremennye otsenki sotsial'noi politiki Yaponii na Taivane v 1895–1945 gg. [Assimilation, integration and the struggle for identity: contemporary assessments of Japan's social policy in Taiwan, 1895–1945]. In: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. T. 49. Ch. 2. Moskva, 2019, pp. 197–224. (in Russ.)
9. Perminova, V.A., 2015. Problema politicheskoi integratsii kolonii Yaponiei (na primere Taivanya) [Political integration of colonies by Japan (the case of Taiwan)], Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. T. 45. Ch. 2. Moskva, 2015, pp. 474–485. (in Russ.)
10. Schimmelpenninck van der Oye, D.H., 2009. Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak impereskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiei [Toward the Rising Sun: Russian ideologies of empire and the path to war with Japan]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
11. Toder, F.A., 1978. Taivan' i ego istoriya (XIX v.) [Taiwan and its history, XIXth century]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
12. 王曉波 ed., 1985. 臺胞抗日文獻選編 [Selected documents on the Taiwanese anti-Japanese war]. 台北: 帕米爾書店. (in Chinese)
13. 張詠 and 李金銓, 2011. 半殖民主義與新聞勢力範圍: 二十世紀早期在華的英美報業之爭 [Semi-colonialism and journalistic sphere of influence: British-American press competition in early twentieth century China], 傳播與社會學刊, no. 17, pp. 165–190. (in Chinese)
14. 臺灣歷史人物小傳 – 明清暨日治時期 [Biographies of Taiwanese historical figures: Ming, Qing, and Japanese colonial periods]. 台北: 國家圖書館, 2003. (in Chinese)
15. 林文凱, 2017. 臺灣「中央財政」體制的轉型: 日治初期 (1898–1905) 後藤新平總督府財政改革之歷史意義 [Transformation of Taiwan's central finance system: the historical significance of the fiscal reforms of the Goto Shinpei Governor-General's Office during the early Japanese colonial period, 1898–1905], 中央大學人文學報, no. 63, pp. 1–44. (in Chinese)
16. Molodyakov, V.E., 2018. ロシアから見た日本統治時代の台湾. 帝政時代とソ連時代の比較 [Taiwan under Japanese rule from the Russian perspective: a comparison of imperial and Soviet eras], 拓殖大学台湾研究, no. 2, pp. 101–114. (in Japanese)
17. 坂野德隆, 2012. 風刺漫画で読み解く日本統治下の台湾 [Taiwan under Japanese rule: a look through satirical cartoons]. 東京: 株式會社平凡社. (in Japanese)
18. 范燕秋, 1995. 鼠疫與臺灣之公共衛生 (1896–1917) [Plague and public health in Taiwan, 1896–1917], 國立中央圖書館臺灣分館館刊, Vol. 1, no. 3, pp. 59–84. (in Chinese)
19. 范燕秋, 2020. 殖民醫學的先鋒: 從牡丹社事件到乙未戰役的軍陣醫學 [Pioneers of colonial medicine: military medicine from the Mudan Incident to the Sino-Japanese War of 1894–1895], 臺灣史研究, Vol. 27, no. 1, pp. 51–94. (in Chinese)
20. 黃昭堂, 2013. 臺灣總督府 [Taiwan Governor-General's Office]. 台北: 前衛出版社. (in Chinese)
21. 張炎憲, 1985. 日據時代初期日本對台灣的經營 (1895–1905) [Japan's administration of Taiwan in the early colonial period, 1895–1905]. In: 中央研究院三民主義研究所叢刊: 第四次社會科學研討會論文集. 台北, 1985, pp. 5–19. (in Chinese)
22. 周婉窈, 2009. 臺灣歷史圖說 [Illustrated history of Taiwan]. 台北: 聯經出版事業股份有限公司. (in Chinese)
23. 矢內原忠雄, 2014. 帝國主義下的台灣 [Taiwan under imperialism]. 台北: 吳三連台灣史料基金會. (in Chinese)

*Статья поступила в редакцию /
received 08.07.2025;
рекомендована к печати /
accepted 12.08.2025*

УДК 284(571.645)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/16-22>

С.А. Мальцев*

РИССЁ КОСЭЙ-КАЙ НА САХАЛИНЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ЯПОНСКОЙ БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНЫ

Статья посвящена исследованию истории и современного состояния японской буддийской организации Риссё Косэй-кай на Сахалине. На основе полевых материалов автор реконструирует процесс формирования общины, начавшийся в 1992 г. с визита японских миссионеров, и выделяет ключевые вехи ее институционализации, среди которых – получение административной независимости от японского центра в 2006 г. и обретение собственного храма в 2012 г. В работе анализируются внешние и внутренние вызовы, с которыми сталкивается община на современном этапе: старение и сокращение численности последователей, законодательные ограничения миссионерской деятельности в России, влияние пандемии COVID-19. Автор отмечает гибкость и адаптивность сообщества верующих, успешно перешедшего на онлайн-формат проведения *хōдза* и учебных семинаров, что позволило сохранить групповую идентичность и межличностные связи.

Ключевые слова: Риссё Косэй-кай, необуддизм, Сахалин, религиозная община, «Лотосовая сутра», *хōдза*

Risshō Kōsei Kai on Sakhalin: the history and present day of a Japanese Buddhist community. SAVVA A. MALTSEV (Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

The article is devoted to the study of the history and current state of the Japanese Buddhist organization *Risshō Kōsei kai* in Sakhalin. Drawing upon field research materials, the author reconstructs the process of the community's formation, which began in 1992 with a visit by Japanese missionaries, and identifies the key milestones of its institutionalization. These include gaining administrative independence from the Japanese headquarters in 2006 and acquiring its own temple in 2012. The study analyzes the external and internal challenges the community faces at the present stage: the aging and decline in its membership, legislative restrictions on missionary activity in Russia, and the impact of the COVID-19 pandemic. The author highlights the flexibility and adaptability of the community of believers, which successfully transitioned to an online format for conducting *hōza* sessions and study seminars, thereby preserving its group identity and interpersonal connections.

Keywords: *Risshō Kōsei Kai*, neo-Buddhism, Sakhalin, religious community, Lotus Sutra, *hōza*

Введение

Среди современных японских новых религиозных движений на основе буддизма наиболее активными являются необуддийские¹ течения, ведущие свое начало от традиции буддизма школы

¹ Необуддизм – достаточно широкое понятие, которое чаще всего «применяется к буддийским общинам в западных, традиционно христианских странах, хотя некоторые сходные элементы возникают (обычно не без обратного западного влияния) и в "собственно" буддийских странах (Япония и Корея)» [1].

нитирэн. Подавляющее большинство таких организаций осуществляют свою деятельность в т.ч. и за пределами Японии и имеют собственные центры / храмы не только в Юго-Восточной Азии, но и в Европе, Северной и Южной Америке и т.д. Основу таких организаций за рубежом составляют представители японской диаспоры, главными центрами сосредоточения которой являются Бразилия и США. Будучи более активными, чем «традиционные» буддийские организации, необуддийские

* МАЛЬЦЕВ Савва Артурович, аспирант Центра «Государство и религия в Азии» Института Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Россия, savvamaltsev99@ya.ru

© Мальцев С.А., 2025

общества за рубежом становятся центрами поддержания традиций и связей с родиной. Одной из таких организаций является Риссё Косэй-кай, о которой пойдет речь в данной статье. Организация возникла в первой половине XX в. и представляла собой одно из многочисленных обществ мирян довоенной Японии, изучавших буддизм и «Лотосовую сутру»². Большое распространение организация получила после окончания Второй мировой войны: так, к концу войны число последователей Риссё Косэй-кай составляло порядка 1 000 чел., в начале 1950-х гг. – уже около 300 тыс. чел., на рубеже 1950-х – 1960-х гг. их численность приблизилась к 2 млн. [3, с. 192].

В основе религиозной практики Риссё Косэй-кай лежит два основополагающих элемента: чтение «Лотосовой сутры» и т.н. *хōдза* – собрание членов общины, во время которого они обсуждают свои мысли, повседневные трудности и тревоги и делятся опытом преодоления этих трудностей с помощью учения Будды.

В нашем исследовании внимание будет сосредоточено на Сахалинской общине Риссё Косэй-кай. В его основе лежат полевые материалы автора, включающие более 60 интервью с членами общины и представителями Риссё Косэй-кай в Японии, собранных онлайн и по телефону в период с 2020 по 2024 гг. в формате личной беседы, а также данные включенного наблюдения, полученные в 2021–2025 гг. в результате присутствия автора на онлайн-собрания общины. Цель данной статьи – реконструировать историю возникновения и ранние этапы становления данной общины, охарактеризовать ее современное состояние и выявить основные проблемы, с которыми она столкнулась в своем развитии. Изучение формирования и деятельности данной организации в России может обогатить наше понимание того, как эта религиозная традиция трансформируется и воспринимается в специфическом социокультурном контексте постсоветского пространства.

История возникновения

Основными источниками сведений о возникновении общины Риссё Косэй-кай в России и ее развитии на ранних этапах являются личные свидетельства ее членов, а также статья от 15 мая 1992 г. из официальной газеты организации Риссё Косэй-кай «Кōсин симбун» [7], посвященная визиту на Сахалин студентов из общины в Саппоро. 29 апреля 1992 г. группа из 19 студентов во главе

с настоятелем храма в Саппоро Наоми Сакаи в рамках студенческой миссии дружбы отправилась из г. Вакканай на о. Сахалин. Подобные поездки из Японии на Сахалин уже имели место прежде и проводились основанной в 1989 г. Ассоциацией содействия временному возвращению сахалинских соотечественников [8]. На этот раз члены миссии дружбы провели на Сахалине 5 дней. Как отмечалось в статье, на Сахалине на тот момент, «спустя 47 лет после войны», оставалось более 300 японцев [7]. В задачи данной делегации не входила проповедь учения Будды среди сахалинских японцев: поездка имела скорее культурно-гуманитарный характер. Члены миссии намеревались узнать о «сожалениях и печалях» тех, кто остался на Сахалине после поражения Японии во Второй мировой войне, принять участие в церемонии упокоения душ погибших на войне и провести «урок мира» для содействия студенческому обмену между Россией и Японией.

Участники делегации встретились со студентами-японистами из Сахалинского педагогического университета, провели поминальную службу на могилах павших на войне японцев. Поражение во Второй мировой войне стало общенациональной травмой для японского народа. Отметим, что в интерпретации этого события важно учитывать и религиозную составляющую. Согласно идеологии государственного синтоизма, во многом основывающейся на классических мифологических представлениях, Япония – это не просто священная страна: территория Японского архипелага была сотворена первой из всех земель, а японцы стали первым народом, населившим эту святую землю. Несмотря на позднее вхождение Сахалина в состав Японской империи, в 1943 г. префектура Карафутто (южная часть Сахалина) получила статус «внутренние земли» (内地) [2] и рассматривалась как органическая часть священной японской земли. Потому территориальные потери в результате Второй мировой войны нанесли японскому обществу не только политический, но и идеологический удар.

В статье из газеты «Кōсин симбун» нас особенно интересует упоминание встречи членов миссии дружбы с сахалинскими японцами в доме Ивати, одного из местных японцев. На этой встрече присутствовали нынешняя председательница Сахалинской общины Риссё Косэй-кай Аико и ее брат. По воспоминаниям Аико, на встречу также прибыли другие жители Южно-Сахалинска и ближайших городов (Новоалександровск, Луговое и др.). В основном это были люди преклонного возраста, молодых людей

² Подробнее об этом см.: [9].

помимо прибывших японских студентов было всего человек 5–7. Гости общались, интересовались людьми и их бытом, о вере и религии, по свидетельствам Аико, тогда не говорили. Однако она допускает: «Взрослым людям они, может, и говорили о том, что есть такая религия, но мне никто не говорил» (Полевые материалы автора, далее – ПМА. 2021 г.). Однако в статье сказано, что «бабушки и дедушки, чтящие сутры, изучали сутры, переданные участниками [миссии]. Некоторые люди вытирали слезы платками» [7].

Внутри Сахалинской общины Риссё Косэй-кай датой ее основания считается 17 июня 1992 г. (ПМА. 2020 г.). Тогда на остров из Саппоро приехала уже другая группа японцев с целью «передать учение на Сахалин». Ее члены посещали различные города Сахалинской области, в первую очередь их интересовала проповедь среди японского населения, однако в процессе принимались все желающие, прежде всего корейцы и русские. Так была сформирована первая группа последователей Риссё Косэй-кай, по Сахалинской области их число достигало 120 чел. (ПМА. 2021 г.). Люди собирались небольшими группами друг у друга в домах с периодичностью примерно раз в месяц. Однако в 1994 г. община практически перестала существовать. Часть ее членов покинули Сахалин, кто-то переставал верить, часть последователей ушли из жизни. Фактически на тот момент в общине состояла лишь семья Аико и еще несколько человек. Она со своей подругой нашла учетную тетрадку всех членов, где сохранились собранные ранее контакты и адреса. Тогда они стали ездить по домам к бывшим членам общины, представлялись им и спрашивали, вышли ли они из общины или нет. Из всех бывших последователей с ними остались только две пожилые женщины, проживающие в Сахалинской области. Аико вспоминает эту встречу: «Когда мы спросили их, вышли они из общины или нет, они ответили: “Как мы можем выйти? Предки-то ни при чем. Благодаря им мы сейчас живы и здоровы, и поэтому мы из этой религии никуда не выйдем!”» (ПМА. 2021 г.).

После этого миссионерская деятельность общины ограничивалась кругом друзей и знакомых. Представители общины рассказывали им о своей вере, спрашивали: «Хочешь быть счастливым?» Многие отвечали положительно. Община снова начала набирать последователей. Стоит отметить, что в административном делении Риссё Косэй-кай Сахалинская община относилась к Хоккайдо и была лишь одним из приходов наравне с другими.

Примерно в 2000 г. начались поездки в Саппоро на учебу (ПМА. 2020 г.). Возникли проблемы с материалами. Литературы практически не было, существующая же в основном ограничивалась заказными переводами японских брошюр и газет, которые привозили японцы из храмов Хоккайдо, приезжавшие на Сахалин. Периодически материалы высылались по почте.

Отдельно стоит упомянуть проблему с переводом «Лотосовой сутры». На момент формирования общины в 1992 г. сутра Лотоса еще не была переведена на русский язык. Первый русский перевод был выполнен А.Н. Игнатовичем в 1998 г., однако учитывая тот факт, что этот перевод был создан в первую очередь для среды исследователей, среди членов общины он мог быть неизвестен. В связи с этим до 2006 г. община пользовалась лишь транслитерацией японского текста даже без подстрочного перевода (ПМА. 2020 г.). Принимая во внимание малое количество литературы и, до определенного момента, практически полное отсутствие дополнительного религиозного образования, закономерно, что члены общины часто читали сутру во время служения и дома, не понимая смысла прочитанного.

Положение дел изменилось в 2006 г., когда настоятель храма в Саппоро, уходя на пенсию, отправился в международный центр Риссё Косэй-кай в Токио и попросил выделить Сахалинскую общину в отдельную административную единицу (ПМА. 2021 г.). Эта просьба была мотивирована тем, что в противном случае развитие российской общины продолжало бы тормозиться или остановилось бы вовсе. Ходатайство было удовлетворено, и с 2006 г. Сахалинская община Риссё Косэй-кай стала независимой от Хоккайдо.

Это решение повлекло за собой ряд качественных изменений в жизни общины, что позволяет говорить о начале нового этапа в ее жизни. Во-первых, примерно с конца 2006 – начала 2007 гг. община начала пользоваться упомянутым ранее переводом «Лотосовой сутры» на русский язык (ПМА. 2020 г.). Во-вторых, члены общины стали чаще ездить на учебу, теперь преимущественно в Токио. Группы отправлялись 1–2 раза в год на краткосрочные программы. В случае, если кто-нибудь изъявлял желание, он мог отправиться и на двухгодичное обучение. Очевидно, эти перемены способствовали углублению понимания положений буддийской доктрины членами общины и формированию у них более целостной картины мира. В-третьих, был поднят вопрос о собственном делопроиз-

водстве и помещении. Делопроизводство общины взяла на себя Аико, поскольку у нее был большой опыт административной работы. До 2006 г. верующие составляли график и собирались раз в месяц у кого-нибудь дома (ПМА. 2020 г.), теперь же речь зашла о собственном постоянном месте для собраний. Сразу найти подходящее помещение не удалось. Тогда одна из членов общины предложила использовать для собраний свою двухкомнатную квартиру в жилом доме, которой она не пользовалась. Община снимала эту квартиру до 2011 г., когда встал вопрос о приобретении помещения для последующего обустройства в нем храма. По словам Аико, тогда община обратилась в письме к мэру Южно-Сахалинска с просьбой оказать содействие в регистрации общины и последующей покупке земли, и мэрия «пошла на встречу» (ПМА. 2020 г.). По всей видимости, после ряда неформальных консультаций с представителями мэрии члены общины получили рекомендации официально зарегистрировать организацию и приобрести в собственность недвижимость.

В 2012 г. община приобрела жилой дом в частном секторе Южно-Сахалинска, который был переоборудован в храм. Это двухэтажное здание с участком: на первом этаже расположен алтарь вместе со статуей Будды, на втором – бухгалтерия, склад и кухня, а также зона отдыха с диваном и телевизором. Кухня в первую очередь предназначена для приготовления даров Будде: рядом со статуей всегда стоят традиционные подношения – вода, чай и рис.

На сегодняшний день это единственный буддийский храм на Сахалине. Как отмечает Аико, представители общины всегда рады любым посетителям и без проблем пускают молиться в храм, например, жителей Бурятии, приезжающих в город на работу или по делам (ПМА. 2022 г.).

Обретение своего помещения стало большим событием для верующих. Имевшее место прежде проведение встреч в арендованных квартирах создавало ощущение временности. Появление же собственного пространства было воспринято как материальное воплощение стабильности и долговечности общины, оно усилило у членов общины чувство принадлежности и стало «своим местом», где каждый мог почувствовать сопричастность, безопасность и духовную поддержку. Благодаря обретению собственного помещения также стало проще организовывать встречи, обучающие программы и праздничные ритуалы (ПМА. 2023 г.). По сути, эта покупка стала поворотным моментом, когда община

перестала быть временным собранием верующих и превратилась в устойчивую религиозную организацию с собственной инфраструктурой.

Со слов представителей общины, до начала пандемии ее общая численность составляла около 68 чел.³, преимущественно женщин. Большая часть имеет среднее специальное образование, некоторые члены общины окончили высшие учебные заведения. Средний возраст членов общины – примерно 60 лет, самому младшему члену общины – 28 лет, порядка 10 чел. входят в «молодежную» группу (до 40 лет). Большая часть членов общины вступила в организацию уже после 45 лет. Этнически община состоит из японцев, корейцев и русских (ПМА. 2020–2023 гг.).

Распространение коронавируса внесло коррективы в жизнь общины: храм был закрыт вместе с остальными заведениями и предприятиями в Южно-Сахалинске [6] примерно с 18 марта 2020 г. Когда в мае–июне того же года начались послабления режима самоизоляции, было решено не открывать храм. Его изредка посещала только Аико, как председательница общины, для ведения делопроизводства (ПМА. 2020 г.). Несмотря на снятие ковидных ограничений, большая часть служб и учебных семинаров продолжает проводиться онлайн. Для большинства членов общины такой формат проведения мероприятий оказался наиболее приемлемым. Он сохраняет актуальность и потому, что из-за международной политической обстановки японским наставникам стало сложнее приезжать на Сахалин.

Современное положение

На сегодняшний день мы можем говорить о примерно 10–15 активных членах общины, которые продолжают относить себя к сообществу, поддерживают контакты друг с другом, а также регулярно принимают участие в собраниях, проводимых дистанционно. В основном это пенсионеры или т.н. работающие пенсионеры.

Для Сахалинской общины Риссё Косэй-кай актуальна проблема оттока людей, точные причины которой остаются неясными. С одной стороны, введение ограничений в период пандемии коронавируса оказало скорее негативное влияние на регулярные практики членов общины, т.к. общие со-

³ Найти более объективные источники сведений о численности общины затруднительно: единственным наиболее убедительным критерием отнесения людей к числу членов общины является регулярное посещение ими храма, однако подсчет на основе этого критерия едва ли возможен в силу отсутствия учета посещений служб и собраний.

брания оказались под запретом. С другой, еще до начала пандемии члены общины стали терять интерес к религии. Аико вспоминает историю одного из членов общины, который раньше жил на Сахалине, а затем уехал учиться в Токийский центр Риссё Косэй-кай в Японию на два года. По возвращении он был очень мотивирован и старался передать свои знания о буддизме другим членам общины, разъяснять трудные аспекты доктрины и отвечать на любые вопросы. Однако со временем семья и работа стали забирать все больше времени и оказались в приоритете. Этот человек перестал посещать храм, полностью отошел от религии и больше не относил себя к членам общины.

Можно предположить, что это не единичный случай. Вполне вероятно, что молодые члены общины или же родственники старших членов могли рассматривать участие в такого рода религиозной организации как социальный лифт для временного или постоянного переезда в Японию. Причем сахалинские японцы вполне могли не покидать Риссё Косэй-кай после переезда, ведь в таком случае религия служила бы отличным средством интеграции в новую среду.

На отток людей из общины влияют и процессы внутри России. Ухудшение уровня жизни в регионах, повышение востребованности образования, необходимого для конкуренции на рынке труда, вынуждает молодежь из регионов отправляться в более крупные центры. В процессе нашего исследования респондентами упоминались как минимум два случая переезда молодых членов общины во Владивосток и в Санкт-Петербург.

Ситуацию усугубляет и отсутствие миссионерской деятельности. После принятия в 2016 г. поправок в закон «О противодействии терроризму» регулирование миссионерской деятельности ужесточилось. Несмотря на то, что до принятия поправок миссионерская деятельность Сахалинской общины Риссё Косэй-кай в основном велась в ограниченном кругу друзей и знакомых действующих членов общины, запрет осуществления миссионерской деятельности в жилых помещениях, неподъемные для общины штрафы в случае незначительных нарушений (от 100 тыс. до 1 млн руб.) [4], а также необходимость детально разбираться в юридических тонкостях вынудили общину полностью прекратить миссионерскую деятельность. По словам ее председательницы, любая жалоба могла обернуться месяцами судебных разбирательств (ПМА. 2020 г.).

Несмотря на вышесказанное, сложно однозначно предсказать вектор развития общины в будущем,

ведь ситуация может быстро измениться. Во-первых, в международном центре Риссё Ко-сэй-кай российское подразделение ведут достаточно молодые и активные кураторы: они учат русский язык, готовят видеокурсы для членов общины. Во-вторых, малочисленные общины обладают достаточно большой мобильностью в принятии решений и изменении направления развития. В ближайшие 2–3 года община может начать активно расти и развиваться, остаться в том же положении или прекратить свое существование.

Повседневная религиозность

Начнем с рассмотрения представлений, связанных с храмовым пространством. Храмовое пространство важно для последователей в первую очередь как место собрания. Несмотря на то, что учение Риссё Косэй-кай делает акцент на необходимости изменить свой взгляд на повседневную жизнь, чтобы достичь благополучия и процветания для себя и своих близких, ритуал все еще играет важную роль в жизни верующих. Так, практически все принимавшие участие в исследовании члены общины посещают храм каждую неделю или хотя бы несколько раз в месяц.

До пандемии коронавируса службы в храме проходили по выходным, они начинались в 9 утра. Прихожане собирались на первом этаже. Сначала читались отдельные главы из «Лотосовой сутры»: в основном это вторая, десятая, шестнадцатая и двадцатая главы, а также введение и гатхи. Если собравшиеся располагали временем, сутру читали полностью. Обычно чтение длилось около получаса (в праздничные дни – немного дольше). Службу вели 3 человека: один читал сутру, двое других стучали в барабан и колокол. Читающий сутру, подобно буддийским священникам, носил черное одеяние, однако это лишь уподобление. Этот человек также вел *хōдза*. Читающие каждый раз сменялись, чтобы все члены общины могли получить соответствующую практику и руководить процессом.

Далее начиналась *хōдза*. Несмотря на то, что на первом этаже есть ковровое покрытие, в «кругу единомышленников» прихожане сидели на стульях. Это объяснялось тем, что регулярные собрания по большей части посещали пожилые люди, которым попросту тяжело долго сидеть на полу или стоять. Важность *хōдза* для членов общины сложно переоценить. Так, на вопрос «В чем содержится смысл и значение *хōдза* лично для Вас?» многие респонденты отвечали: «Мы делимся на

хōдза своими личными переживаниями – и хорошими, и плохими, чтобы [это] было примером для других»; «Это моя вторая семья»; «Общение, обмен опытом» (ПМА. 2021 г.). Все опрошенные сходятся на том, что люди, говоря о наболевшем, раскрываются, помогают себе и другим.

Начиная со второй половины 2020 г. формат встреч членов общины изменился, в первую очередь – из-за ограничений, связанных с пандемией коронавируса. Теперь члены общины собираются онлайн 1–2 раза в месяц для учебы. Подобные встречи имели место и до пандемии, однако проходили реже, т.к. были привязаны к участию наставников из Японии. Сегодня, несмотря на снятие всех ограничений, члены сахалинской общины предпочитают «оставаться онлайн», встречи в храме потеряли регулярный характер и проводятся скорее по общей договоренности и по общему желанию, а не по расписанию.

«Учебный» формат встреч проходит по следующему сценарию (ПМА. 2020–2024 гг.): когда все собираются в Skype, наставник (из Токио) начинает занятие. Помимо наставника и членов общины на встрече также присутствует переводчик с японского на русский (наемный, не из числа членов организации). Допускается и присутствие «друзей общины»: так, например, на собраниях Сахалинской общины часто присутствует Ким-сан. Ким – корейка в возрасте около 40 лет, близкая подруга одной из корейских семей с Сахалина. Ким также является частью Риссё Косэй-кай, но живет в Сеуле и регулярно присоединяется к занятиям сахалинцев.

Первое, что делают все участники, – складывают ладони вместе и троекратно произносят мантру Даймоку (Наму-Мё-Хо-Рэн-Гэ-Кё), затем следует небольшая вводная речь. В центре занятия – ежемесячное обращение президента Риссё Косэй-кай, публикуемое в журнале «Living the Lotus». Всем членам общины предлагают прочитать его еще до занятия, на занятии же производится разъяснение сути послания, а также обсуждение темы этого месяца. После вступительного слова наставник предлагает нескольким членам общины прочитать вслух обращение президента. Обращение, разделенное на две части, написано от лица президента Риссё Косэй-кай Нитико Нивано в формате короткого монолога объемом около 1,5–2 страниц и посвящено какому-то концепту буддийской философии. Обращение читает 2 человека по очереди.

После этого слово берет наставник и делится своими мыслями, личными историями и переживаниями на тему обращения. Наставник готовит

свой текст заранее, стараясь дать более «локальное» объяснение теме занятия, объясняя смысл тех или иных формулировок. В тексте он часто апеллирует к историям из детства, связанным с родственниками, либо к словам друзей или членов общины. После этого наставник просит учеников поделиться своими мыслями о прочитанном тексте, т.е. начинается *хōдза*. Обычно *хōдза* проводится как часть храмовой службы, однако функционально такой формат диалога очень гибок и допускается к проведению за рамками службы.

Члены общины рассказывают истории из своей повседневной жизни или из прошлого, иногда спрашивая совета о том, как лучше поступить в той или иной ситуации. Урок заканчивается троекратным Даймоку⁴.

Заключение

На основании проведенного исследования можно заключить, что Сахалинская община Риссё Косэй-кай представляет собой уникальный пример адаптации и трансформации японской необуддийской традиции в условиях постсоветского российского Дальнего Востока. Становление и сохранение общины стало возможным благодаря личной инициативе и энтузиазму первых последователей, а качественный скачок в ее развитии был напрямую связан с обретением административной самостоятельности от японского центра и созданием храма в собственном помещении.

На современном этапе община столкнулась с комплексом вызовов: старение своих последователей и сокращение их численности, законодательные ограничения миссионерской деятельности, запрет на проведение коллективных мероприятий в условиях пандемии коронавируса. Однако пример перехода на онлайн-формат обучения и собраний демонстрирует гибкость Сахалинской общины и ее способность успешно адаптироваться к современным реалиям, не утрачивая своих базовых ценностей. Несмотря на сокращение численности, ядро общины сохраняет свою идентичность через регулярные практики, перенесенные в онлайн-пространство. Ключевым элементом, скрепляющим группу, остается практика *хōдза*, обеспечивающая глубокие межличностные связи и взаимную духовную поддержку даже в условиях дистанционного общения.

Таким образом, история Сахалинской общины Риссё Косэй-кай иллюстрирует общие закономерности развития религиозных меньшинств в России, где

⁴ Подробнее об этом см.: [5].

внутренняя устойчивость часто важнее внешней экспансии, а успешная адаптация требует гибкости и глубокой интеграции в локальный контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян А.С. Необуддизм // Энциклопедия религий. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. С. 861.

2. Гришачев С.В. Японское губернаторство Карафутто (1905–1945): история и социальная память // Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 272–286.

3. Игнатович А.Н., Светлов Г.Е. Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии. М.: Мысль, 1989.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Статья 5.26. Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ca82e094f1dcf553b6a4bfa7b9a3271b38922c98/

5. Мальцев С.А. Необуддийские практики в условиях культурной трансформации: исследование сахалинского опыта Риссё Косэй-кай // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 5. С. 301–308.

6. Сахалинская область усиливает меры по профилактике коронавируса // Официальный сайт губернатора и правительства Сахалинской области. URL: https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=105&tx_ttnews%5Btt_news%5D=14439&cHash=b254030c5f90a6c45cb6e3112d4f88e6

7. Хоккайдō-гун «Дайгакусэй Сахарин юкō сисэцу-дан» дōкōки (Очерк о поездке делегации Хоккайдо в рамках студенческой миссии дружбы на Сахалин) // Кōсин симбун. 1992. 15 мая.

8. Japan-Sakhalin Association. URL: <http://sakhalin-kyoukai.com/about>

9. Morioka, K., 1979. The institutionalization of a new religious movement. Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 6, no. 1–2, pp. 239–280.

REFERENCES

1. Agadzhanian, A.S., 2008. Neobuddhism [Neo-Buddhism]. In: Entsiklopediya religii. Moskva: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2008, p. 861. (in Russ.)

2. Grishachev, S.V., 2019. Yaponskoe gubernatorstvo Karafuto (1905–1945): istoriya i sotsial'naya

pamyat' [Japan's Karafuto Governorate (1905–1945): history and social memory], Ezhegodnik Yaponiya, Vol. 48, pp. 272–286. (in Russ.)

3. Ignatovich, A.N. and Svetlov, G.E., 1989. Lotos i politika: neobuddiiskie dvizheniya v obshchestvennoi zhizni Yaponii [The lotus and politics: Neo-Buddhist movements in Japanese public life]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

4. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.07.2025). Stat'ya 5.26. Narushenie zakonodatel'stva o svobode sovesti, svobode veroisповедaniya i o religioznykh ob'edineniyakh [Russian Federation Code on Administrative Offences No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on July 31, 2025). Article 5.26. Violation of the legislation on freedom of conscience, freedom of religion, and on religious associations.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34-661/ca82e094-f1dcf553b6a4bfa7b9a3271b38922c98/ (in Russ.)

5. Maltsev, S.A., 2025. Neobuddiiskie praktiki v usloviyakh kul'turnoi transformatsii: issledovanie sakhalinskogo opyta Rissyō Kosei Kai [Neo-Buddhist practices under cultural transformation: a study of the Rissō Kōsei Kai experience in Sakhalin], Istoricheskii byulleten', Vol. 8, no. 5, pp. 301–308. (in Russ.)

6. Sakhalinskaya oblast' usilivaet mery po profilaktike koronavirusa [Sakhalin Oblast strengthens coronavirus prevention measures]. URL: https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=105&tx_ttnews%5Btt_news%5D=14439&cHash=b254030c5f90a6c45cb6e3112d4f88e6 (in Russ.)

7. 北海道群「大学生サハリン友好使節団」同行記 [An essay on the trip of the Hokkaido delegations part of the student friendship mission to Sakhalin], 倭心新聞, 1992, May 15. (in Japanese)

8. Japan-Sakhalin Association. URL: <http://sakhalin-kyoukai.com/about>

9. Morioka, K., 1979. The institutionalization of a new religious movement. Japanese Journal of Religious Studies, Vol. 6, no. 1–2, pp. 239–280.

*Статья поступила в редакцию /
received 07.04.2025;
рекомендована к печати /
accepted 14.05.2025*

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94(474.2)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/23-32>

С.А. Шаламова*

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ОБЛАСТНЫХ И ГУБЕРНСКИХ ЦЕНТРОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье исследуется влияние городской среды административных центров Восточной Сибири (Иркутска, Красноярска, Читы и Якутска) на формирование норм поведения и досуговых практик молодежи в конце XIX – начале XX вв. Городская среда рассматривается как сложный социокультурный феномен, включающий не только инфраструктуру, но и уровень благоустройства, доступность образования, нравственный климат и безопасность. На основе анализа широкого круга источников показано, что развитие социально-культурной инфраструктуры напрямую определяло спектр доступных молодежи форм досуга и модели поведения. Автор выявляет резкую пространственную и социальную неоднородность городской среды: в то время как центральные районы предлагали образовательные и культурные возможности (театры, библиотеки, спортивные общества), окраины характеризовались антисанитарией, преступностью и маргинализацией. Доступ к организованному досугу был ограничен социальным и материальным статусом, что подталкивало молодежь из низших слоев к девиантным формам поведения.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, городская среда, городская повседневность, молодежь, молодежный досуг, нормы поведения, нравы

Shaping youth morals: the impact of the urban environment in Eastern Siberian cities at the turn of the XXth century. SVETLANA A. SHALAMOVA (Baikal State University, Irkutsk, Russia)

The article examines the influence of the urban environment in the administrative centers of Eastern Siberia – Irkutsk, Krasnoyarsk, Chita, and Yakutsk – on the formation of behavioral norms and leisure practices among youth during the late 19th and early 20th centuries. The author conceptualizes the urban environment as a complex socio-cultural phenomenon, encompassing not only infrastructure but also amenities, access to education, the moral climate, and safety. The analysis of a wide range of sources demonstrates that the development of socio-cultural infrastructure directly shaped the spectrum of leisure activities available to youth and, consequently, their behavioral models. The study reveals a sharp spatial and social heterogeneity within the urban environment: central districts offered educational and cultural opportunities (e.g., theaters, libraries, sports societies), whereas the outskirts were characterized by poor sanitation, crime, and marginalization. Access to organized leisure was limited by social and material status, which pushed young people from the lower strata towards deviant forms of behavior.

Keywords: Eastern Siberia, urban environment, urban daily life, youth, youth leisure, behavioral norms, morals

* ШАЛАМОВА Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института культуры, социальных коммуникаций и информационных технологий Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия, swetlana15x@yandex.ru

© Шаламова С.А., 2025

Введение

В конце XIX – начале XX вв. с развитием капиталистических отношений в сибирском обществе происходили перемены, которые повлияли на менталитет, образ жизни, систему нравственных ценностей горожан, взаимоотношения представителей разных поколений. Обусловленные модернизацией и урбанизацией трансформационные процессы затронули и молодежь губернских и областных центров Восточной Сибири, которая являлась наиболее дееспособной, востребованной и довольно значительной частью городского населения.

В центре внимания данной статьи находится понятие городской среды, за которым скрывается не только и не столько физическое пространство (улицы, здания, инфраструктура), но сложный социокультурный феномен, включающий в себя уровень благоустройства, досуговые практики, доступность просвещения, нравственный климат и безопасность жителей. Именно в этой среде формировались повседневность, ценности и модели поведения молодежи – ключевой социальной группы, чей опыт во многом определял будущее региона. При этом город понимается нами как особая территориально-социальная форма организации производства, где производятся не только вещи, но люди с их образом жизни. По мнению М.В. Глазычева, процесс усложнения городской среды приводит к изменению качеств самого человека [3, с. 5].

В данной статье мы последовательно рассмотрим городскую среду каждого из четырех ключевых административных центров Восточной Сибири (Иркутска, Красноярска, Читы и Якутска) в конце XIX – начале XX вв. и попытаемся выявить, как уровень развития социально-культурной инфраструктуры этих городов влиял на формирование моделей досуга и нравов городской молодежи. Исследование опирается на широкий круг исторических источников, в который входят свидетельства современников, публикации местной периодической печати, статистические сборники и архивные материалы.

Молодежь в структуре городского населения

Следует отметить, что возрастные границы молодежи в дореволюционном обществе не были четко определены. В данном исследовании под молодежью мы подразумеваем людей в возрасте от 20 до 29 лет. Представляется, что в данный возрастной промежуток времени молодые люди достигали

своей психофизиологической зрелости, активно интегрировались во взрослую жизнь, включались в процесс воспроизводства населения и оказывали активное влияние на динамику развития общества, т.к. являлись носителями существующих ценностей.

Согласно данным переписи населения 1897 г., наибольший процент молодых людей в возрасте 20–29 лет в структуре городского населения приходится не на губернский Иркутск, а на областной центр Забайкалья – Читу. Здесь доля молодежи обоего пола составляла 28,4%, что объяснялось большим количеством в городе ссыльных, приезжих и военных, преимущественно мужского пола. Второе место по численности молодежи принадлежало административному центру Енисейской губернии – Красноярску. Здесь удельный вес молодежи в общей численности населения города равнялся 22%. В столичном Иркутске доля молодежи в городском населении составляла 21,3% [20]. На последнем месте по численности молодежи среди рассматриваемых городов стоял Якутск: здесь 17,6% горожан представляли молодые люди [21]. Это объяснялось как географическими особенностями, так и малой плотностью населения Якутской области.

Городская среда Иркутска

В конце XIX – начале XX вв. городская среда областных и губернских центров Восточной Сибири отличалась своеобразием и неравномерностью развития. Безусловно, пальма первенства по уровню развития социально-культурной среды принадлежала Иркутску. Как главный административный и торговый центр Восточной Сибири он был средоточием культурной жизни региона, имел развитую общественную благотворительность. Не случайно в своих письмах А.П. Чехов отмечал: «Иркутск – превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы. Нет уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться» [30, с. 48]. Здесь имелась развитая сеть учебных заведений: мужские и женские гимназии (правительственные и частные), промышленное и реальное училища, учительский институт и учительская семинария и др. В 1912 г. в городе функционировало 13 средних учебных заведений, не было только собственного университета [17, с. 78–79].

Интересные впечатления оставили о городе современники. Отставной военный В. Поливанов, характеризуя культурную среду Иркутска в 1905 г.,

отмечал большую тягу иркутян к просвещению и чтению. В городе значительная роль принадлежала общественному мнению, местной печати. Выпускались газеты различного толка: «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская заря», «Иркутские губернские ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости» и др. Здесь активно действовали различные общественные объединения: кружки, клубы и общества. В частности, функционировали Общество врачей Восточной Сибири, Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ВСОРГО), Общество общедоступных курсов, Общество народных чтений и народных развлечений и др. [23, с. 49–53].

Все эти факторы благотворно влияли на развитие молодых горожан, предопределяя выбор форм организованного культурного досуга, доступных благодаря усилиям местной власти и общества. Однако немаловажное значение в этом выборе имели также и социальное происхождение, материальные возможности, уровень развития культуры и воспитания молодых людей.

Иркутск – это город контрастов, такой вывод можно сделать, опираясь на путевые впечатления приезжего публициста И. Вязовского, который прибыл в город в 1912 г. В своих набросках он отмечал особенности центра города: наличие скамеек на тротуарах, заполненных отдыхающей публикой и молодежью, которая любит наблюдать за прохожими или просто общаться [2, с. 648]. Характеризуя городскую среду, автор констатировал, что здесь совершенно отсутствовали общественные сады, за исключением Интендантского сада, развлекающего неприхотливую городскую публику. Набережная чудной Ангары, которая могла бы быть великолепным местом для бульвара и украшением города, в сухое время закутывалась непролазной грязью. Путешественник подчеркивал равнодушие города к чистоте, следствием чего служила постоянная пыль и грязь, которые затрудняли дыхание. Он отмечал «допотопное» водоснабжение города (водовозами) и отсутствие мостовых (имелись лишь полумощенные) [2].

Помимо слабого обеспечения горожан удобствами жизни, Иркутск не мог похвастаться и высоким уровнем безопасности. Повсюду были видны прочные заборы, обязательные ставни на окнах, подчеркивалось преимущество входов в квартиры со двора. Автора поразило ничтожное число полицейских в городе, за исключением центральных улиц, несмотря на то что город отличался большим количеством приезжих – ссыльных, быв-

ших каторжан и разного «вольного люда». Как следствие, в городе часто случались разбои, грабежи, воровство, которым промышляли в т.ч. и молодые люди из разных слоев населения; на улицах бытовала бесцеремонность пьяных и хулиганов. Особенно характерно это было для городских предместий. Так, Знаменское предместье, представлявшее окраину города, характеризовалось отсутствием всякого благоустройства, здесь не было ни полицейской, ни пожарной части, поэтому грабежи, убийства, насилие здесь были обычным явлением, а вечерние или ночные прогулки без оружия грозили смертельной опасностью [2, с. 653]. Единственным признаком цивилизации на улицах города служили электрические фонари, наличие которых значительно сокращало число уличных грабежей и нападений.

Из-за отсутствия садов и скверов публика преимущественно гуляла по Большой улице, где располагались прекрасные модные магазины, которые с удовольствием посещала женская половина города. Большим вниманием и любовью горожан пользовался и городской театр, где ставились произведения классиков: М. Горького, А.Н. Островского, А.П. Чехова, У. Шекспира и др. Однако на сцене демонстрировались и дешевые оперетки, и балаганные представления, где царствовал откровенный канкан, что могло оказать противоречивое влияние на нравы молодежи.

В городе действовало два Общественных собрания, которые особенно хорошо работали в зимний сезон, организовывая различные сборища, концерты, благотворительные вечера, игру в лото и др. Полные залы собирали кинематограф и единственный в городе скетинг-ринг, где осуществлялось катание на роликовых коньках, пользовавшееся чрезвычайной популярностью среди молодежи. Благодаря устройству нового живописного сквера возле памятника Александру III, установленному в 1908 г., у местной молодежи появилось любимое место для прогулок: здесь молодые люди могли наслаждаться музыкой военного оркестра, танцевать на специально отведенной площадке и обмениваться новостями.

Винная реформа С.Ю. Витте породила расцвет пьянства среди населения. Все базары Иркутска были окружены питейными заведениями, где процветал разврат, как тайный, так и явный, азартные игры, шулерство, хулиганство. Также город «славился» притонами, вследствие чего венерические заболевания получили распространение среди всех категорий горожан. На улицах города в

повседневной жизни молодежь часто сталкивалась с далеко не образцовыми примерами поведения: грубым отношением к женщинам, наглым приставанием парней к девушкам в садах, хамством и ругательствами извозчиков, непристойным поведением публичных женщин, частыми уличными драками и скандалами [4, с. 215]. Все эти негативные явления, которыми изобилует городская среда, оказывали пагубное влияние на нравы городской молодежи. По отзывам современников, чрезмерная вольность в поведении «золотой молодежи» из зажиточной купеческой и еврейской среды, представители которой в пьяном виде распевали непристойные песни и гоняли взмысленных лошадей по улицам города, а также жажда наживы, царившая в мире взрослых, служили укреплению культа денег и праздности, что приводило к падению нравов в обществе.

В то же время благодаря усилиям местной интеллигенции и служащих среди горожан, в т.ч. и молодежи, распространялись идеи ведения здорового образа жизни без употребления спиртного, возрос интерес к спорту и физическим упражнениям. В отношении развития спорта Иркутск можно считать образцово-показательным городом: здесь имелся циклодром, ипподром, охотничьи общества, устраивались спортивные соревнования по лодочной гребле, велоспорту, легкой атлетике, конькам, лыжам. Например, среди молодых велогонщиков любимцем иркутян был юнкер военного училища Александр Усов, который трижды побеждал в городских соревнованиях в 1912–1914 гг. [1, с. 29].

Городская среда Красноярска

До конца XIX в. административный центр Енисейской губернии Красноярск представлял собой типичный провинциальный городок, расположенный в захолустье Российской империи. Вторая половина 1890-х гг. ознаменовалась бурным развитием Красноярска, что было связано со строительством железнодорожной магистрали, которая прошла через город. Рост населения и развитие производства привели к оживлению торговли, ускорили темп городской жизни в целом.

Стремление к просвещению среди жителей города было очень велико. За период с 1897 по 1916 гг. число министерских начальных училищ в Красноярске увеличилось с 9 до 23. В городе имелось 2 железнодорожные школы, несколько церковно-приходских школ, еврейская, магометанская и польская школы и т.д. Благодаря деятельности красноярского Общества попечения о началь-

ном образовании здесь функционировали воскресные школы, книжный склад, 2 библиотеки-читальни, педагогический музей. Красноярск стал первым среди сибирских городов, где в 1908 г. городской думой было принято решение о введении всеобщего начального образования [22, с. 258].

Очагом просвещения учащейся молодежи Красноярска были 2 гимназии – мужская и женская, а также учительская семинария. В 1915 г. в городе был открыт Дом просвещения с библиотекой, читальней, подвижным педагогическим музеем, а в сентябре 1916 г. открылся учительский институт. Всего, по данным на 1915 г., в Красноярске насчитывалось 70 учебных заведений [26].

Красноярск, как и Иркутск, был одним из самых читающих городов Сибири. В 1915 г. в губернском центре имелось 16 библиотек, работала городская публичная библиотека и 2 бесплатные библиотеки Общества попечения о начальном образовании. В Красноярске активную общественную, научную и просветительскую деятельность осуществляли Общество врачей Енисейской губернии, краеведческий музей, красноярский подотдел ВСОРГО, местное отделение Московского общества сельского хозяйства и др. Кроме того, в городе издавались различные газеты: «Енисей», «Енисейские губернские ведомости», «Красноярск», «Енисейские епархиальные ведомости» и т.д. Только в 1906–1907 гг. в Красноярске издавалось 12 наименований газет, не считая революционных изданий [22, с. 264].

Несмотря на огромные трудности, театр в Красноярске выполнял прогрессивную роль очага культуры и просвещения красноярцев: здесь выступали не только местные труппы, но и лучшие силы русской сцены. В 1910 г. братьями Авксентьевыми был создан в Красноярске первый в Сибири великорусский оркестр народных инструментов. Кроме того, в городе работал музыкально-драматический кружок при клубе вольного пожарного общества. К 1917 г. в Красноярске имелось 3 кинематографа, которые с интересом посещала городская молодежь. Городской музей, построенный в египетском стиле, также ежедневно открывал свои двери для посетителей, с 11 до 15 часов все желающие могли посетить его бесплатно.

Состоящие в браки молодые красноярцы могли с пользой проводить время на семейных вечерах в профессиональных клубах: приказчиков, вольного пожарного общества, в железнодорожном собрании, в кружке любителей драматического искусства. Эти вечера всегда сопровожда-

лись танцами, любительскими постановками, декламацией стихов и игрой в карты. Вход на такие вечера был платным, и позволить себе посещение могли наиболее обеспеченные слои горожан. Плата за вход составляла: с дам 25–30 коп., с мужчин – от 30 коп. до 1 руб. Кроме того гости приглашались туда только по рекомендации членов клуба. Таким образом, эта форма проведения досуга имела ограничения по профессиональному, социальному и материальному признаку.

В начале XX в. в моду горожан вошли маскарады, проводившиеся с благотворительными целями. Такие мероприятия нередко отражали злободневные социальные проблемы эпохи. Так, по свидетельству «Красноярского вестника», на маскарадном вечере в клубе вольного пожарного общества среди мужских костюмов приз получил костюм «Два зла», который изображал мужичка, везущего на себе тележку с бюрократором и громадной бутылкой [12, с. 2–3].

Важную роль для учащейся молодежи играло студенческое землячество. В начале XX в. среди выпускников учебных заведений, студентов-сибиряков популярностью пользовались студенческие вечера с угощением и танцами, на которых с благотворительными концертами выступали лучшие местные актеры: Рутковская, Сладковский, Задольский. Сборы от таких концертов шли в пользу земляческих студенческих организаций [14, с. 2].

Однако городское благоустройство Красноярска оставляло желать лучшего, что отражалось и на жизни его обывателей. Если центральные улицы города еще соответствовали какому-то уровню приличия, то его окраина – Закачинская слобода – была вовсе лишена всяких благ. Это давало почву для острых насмешек на страницах печати. В «Красноярском голосе» писали: «Если в городе были мостовые и электричество, театр и клубы, магазины и лечебницы, то в Закачинской слободе только грязь, керосиновые фонари, трактиры, мелочные лавочки, а о лечебницах и говорить нечего, не говоря о каких-либо разумных развлечениях» [15, с. 1]. Отсюда на городских окраинах – расцвет хулиганства, криминала, проституции, драки в молодежной среде, неудовлетворенность жизнью и самоубийства.

Невозможность нормально устроиться в жизни, изначально низкие стартовые возможности в удовлетворении насущных потребностей, отсутствие элементарных очагов культуры и мест досуга, неразвитость социально-бытовой сферы – все это вынуждало молодежь окраин искать иные пути ре-

ализации своих способностей, иные способы самоутверждения. Не случайно Закачинская слобода славилась кулачными боями за рекой Качей и на Караульной горе и была самым «хулиганским» районом города. Существовали враждующие группировки молодых парней Качи, Закачи, Тербиловки, которые устраивали такие кровопролитные бои, что разнимать их приезжала конница казачьей сотни или пожарная команда. По воспоминаниям краеведа А.Л. Яворского, «всех этих хулиганов объединяли их вожди, которых знал весь город: Васька Абашкин, Ванька Шохин, Санька Чахотка и др.» (Государственный архив Красноярского края. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 29. Л. 4).

Зачастую причиной массовых уличных драк и кулачных боев молодых парней были женщины, желание самоутвердиться или же просто интерес к традиционной забаве. Но с ростом популярности спорта энергия молодых мужчин стала находить себе иной выход. В 1911 г. в городе состоялись первые футбольные матчи среди молодежи. Поначалу они проходили в парке, а затем футбольные поля возникли в разных частях города. Постепенно у команд появилась спортивная форма и названия: «Спорт», «Студенты», «Тренер». Помимо футбольных мероприятий спортивное общество «Сокол» организовывало для горожан велосипедные заезды и массовые катания на коньках [16, с. 37]. Увлечение красноярцев борьбой было связано с популярностью цирка. Состязания скороходов, бегунов вызвали массовый восторг городской публики.

Украшением Красноярска был городской сад, где любила отдыхать публика, однако и здесь порой было не спокойно: нередко были случаи приставаний к девушкам, толкания прохожих, эпатажного поведения подгулявших парней, нередко спящих, где попало [9, с. 2].

Большую просветительную работу по «исправлению» нравов общества проводили Общество трезвости и церковь, осуществлявшая церковно-нравственные чтения для взрослых и детей. Лекции в Обществе трезвости сопровождалось исполнением гимна «Боже, царя храни» воспитанниками Воскресенского собора и посетителями, декламацией стихов гимназистами, выступлением хора балалаечников, игрой в почту, хороводом, пением под пианино [13, с. 2]. С целью профилактики заразных заболеваний в стенах учебных заведений, в Общественном собрании и в больницах по воскресеньям для молодежи устраивались общедоступные бесплатные лекции по гигиене и основам борьбы с венерическими заболеваниями.

Городская среда Читы

С превращением Читы в 1851 г. в центр Забайкальской области и постройкой железной дороги в конце XIX в. население города значительно возросло. Если в 1851 г. здесь проживало всего 659 чел., то в 1897 г. население Читы выросло до 11 480 чел. Период конца XIX – начала XX вв. в Чите был отмечен активным городским строительством. Тогда именитыми купцами строились магазины, банки, доходные дома, гостиницы, кинотеатры, административные и жилые здания. Улицы были широкими, небогатыми, освещались электричеством, имелась развитая телефонная сеть. Тем не менее в городе преобладала рядовая застройка, представленная деревянными усадьбами домами, в которых в основном и проживали горожане [11, с. 172].

Несмотря на скромный уровень развития города, жители Читы обнаруживали поразительную тягу к культуре, стремление к знаниям и интеллектуальному общению. Центром увеселительной и познавательной жизни служило Общественное собрание, которое горожане посещали не только для карточной игры и бильярда, но и для того, чтобы обменяться последними новостями, провести вечер за танцами и играми, посмотреть любительский спектакль.

Первая публичная библиотека была организована в 1895 г. при отделении Императорского Русского географического общества (ИРГО). В том же году при отделении ИРГО был открыт музей, который спустя 5 лет насчитывал в своих фондах до 20 тыс. экспонатов. Создателями таких очагов науки и просвещения в Чите были ученые и краеведы А.К. Кузнецов и Н.В. Кирилов. По инициативе А.К. Кузнецова в 1894 г. был также заложен первый общественный сад им. Жуковского с прекрасными деревьями и кустарниками, клумбами, прудом, беседками и ротондой для танцев. Долгие годы этот сад был любимым местом отдыха читинцев всех возрастов.

Большую просветительную и практическую деятельность осуществляли Читинское отделение Приамурского отдела ИРГО, Забайкальское общество сельского хозяйства, Забайкальское общество врачей. В 1910 г. в городе насчитывалось 11 библиотек (из них 2 общественные с читальней), 4 книжных лавки, 5 типографий [18, с. 143–144]. Важным источником информации для горожан являлась местная печать: «Забайкальская новь», «Чита», «Забайкальские областные ведомости», «Известия Читинской городской думы» и др.

Очагами просвещения Читы и всего Забайкалья были приходское Михайло-Архангельское училище и городское женское училище, женская и мужская гимназии, ремесленное училище и учительская семинария. В 1910-х гг. в городе действовали Читинская духовная семинария, Забайкальское епархиальное женское училище, Читинское духовное училище, Читинское миссионерское училище и др. Важную роль в духовном развитии горожан выполняли духовные центры различных религиозных конфессий: православные церкви, римско-католический костел, еврейская синагога, мусульманская мечеть. С учреждением в 1894 г. Забайкальской епархии и духовной консистории в Чите город получил статус важнейшего центра православия в Сибири.

Публицист и общественный деятель А.И. Попов, описывая Читу в начале XX в., сообщал, что развлечениями город был не богат. Первым театром до 1907 г. служило перестроенное в 1903 г. здание Общественного собрания. В 1904 г. антрепренер Мирославский открыл в городе летний «Сад Эльдorado» и выстроил в нем летний деревянный театр. Через год рядом с Общественным собранием было построено деревянное здание, которое с лета 1907 г. было приспособлено под Общедоступный театр, оправдывавший свое название действительно умеренными ценами [24, с. 235–237]. На сцене театра выступали как профессионалы, так и любители.

Противоречивыми и пестрыми сведениями о жизни горожан наполнена местная хроника тех лет. С одной стороны, как писала местная газета «Чита», «молодежь могла интересно проводить свободное время: посещать железнодорожное собрание, маскарады, слушать оркестр военной музыки и хор певчих, принимать участие в благотворительных и общедоступных концертах с лотерей-аллегри, ходить на фотовыставки, гулять в Атамановском саду, заниматься спортом и т.д.» [31, с. 1]. И все эти культурные формы общения и досуга благотворно влияли на ее нравы. Но, с другой стороны, неразвитость здесь системы досуговых учреждений приводила к скуке и однообразию. «По вечерам местная “публика” околачивалась в двух шантанах с пошлыми песнями и танцами, ходила на акробатические представления Сержа, слонялась по местным клубам, или изощрялась около карточных столов и бильярдов, сплетничала, пила водку. Или, сидя в одиночестве дома, зевала от скуки из-за того, что негде было разумно развлечься» [32, с. 1].

Нередко чрезмерная жесткость полицейских уставов служила препятствием к открытию новых развлечений для жителей окраин города. Например, газета «Даль» отмечала, что «выступлению китайских фокусников-жонглеров на захолустных улицах города, где в принципе не было увеселительных заведений, препятствовали полицейские, разгонявшие зрителей, хотя у артистов имелось специальное разрешение. И ни проходу, ни проезду, они не мешали» [6, с. 2].

Городская среда на страницах прессы выглядит опасной и полной угроз для местных жителей. «Рощи, прилегавшие к Нагорной улице и напротив учительской семинарии, которые могли бы служить постоянным и прекрасным местом для прогулок местных жителей, ввиду большой их загрязненности разными отбросами, навозом, присутствию там “темных личностей”, устраивавших выпивки, кутежи и драки, становились опасным местом для прогулок гуляющей публики даже днем» [5, с. 2]. Молодежь во время прогулок на улицах могла оказаться жертвой разного рода жуликов и воришек, которые вовлекали в азартные игры на деньги – «орлянку», «бабки» и др. Угрозу для жизни горожан представляли извозчики, ломовые и легковые, гонявшие во всю прыть лошадей, что зачастую приводило к смертельным инцидентам. Любители быстрой езды на велосипедах порой не соблюдали установленных правил и травмировали прохожих и торговцев на улицах [7, с. 2]. Наконец, если вас не пристрелили и не ограбили, можно было пострадать от бродячих собак, которые переполняли улицы города.

Но более всего местную печать в начале XX в. беспокоили участвовавшие случаи отклонений молодежи от религиозных норм и традиций, что свидетельствовало о размывании традиционных ценностей. Поведение в церкви молодых и взрослых порой нарушало приличия, зачастую туда приходили посплетничать, сильно шумели. Публицисты возмущались тем, что даже городское кладбище в праздники собирало массу посетителей, в т.ч. и интеллигентных, пришедших с целью кутежа и разврата [8, с. 2]. В немалой степени этому способствовало наличие в городе большого количества притонов и вертепов, часто скрывавшихся под видом кабаков и кофейных, рост пьянства, безработица.

Городская среда Якутска

Огромная удаленность от центров промышленности и торговли, отсутствие удобных путей сообщения, малонаселенность, общий низкий уровень культуры значительно дистанцировали областной

центр Якутск от развитых крупных сибирских городов [21, с. 3]. Городская жизнь была развита слабо, т.к. доля городского населения, насчитывавшего в 1897 г. 9 182 чел., составляла лишь 9,4% от общего состава населения Якутской области, тогда как в Европейской России этот показатель в среднем равнялся 12,5%. Национальный состав городских жителей включал русских (около 46%), якутов (41,3%), татар и тунгусов [27, с. 317].

Из отчета якутского генерал-губернатора за 1881 г. можно сделать вывод, что многие города Якутской области были названы городами совершенно не заслужено, что отмечалось и современниками. Так, в Якутске имелось всего 3 каменных дома и 6 каменных церквей. В сущности, по имеющимся постройкам, промышленности и торговле город стоял значительно ниже не только торговых, но обыкновенных сел империи (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 765. Л. 10–11).

В городе функционировало 3 средних учебных заведения (мужское реальное училище, женская прогимназия и духовная семинария), а также женское епархиальное училище, якутское миссионерское училище, 5 городских начальных училищ, частная школа. Толчок развитию капиталистических отношений в регионе дала Ленская золотопромышленность. В 1910-х гг. в повседневную жизнь Якутска вошли некоторые технические новшества: в 1911 г. была открыта телефонная, а в 1914 г. – электрическая станция (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 44. Л. 7).

Попытки местной интеллигенции создать культурные и общественные организации, клубы пресекались царской администрацией. Якутский губернатор в 1905 г. писал: «Учреждение школ с преподаванием на якутском языке и искусственное создание якутской грамотности, литературы, библиотек, принесет не пользу делу просвещения, а вред» [10, с. 110].

Влияние социальных различий на доступность культурных благ также не способствовало широкому народному просвещению. Даже в библиотеке рабочие сталкивались с искусственными препятствиями, затруднявшими пользование ею. Так, читатели жаловались на неудобный режим работы библиотеки, когда она работала всего один час в праздничные дни [19, с. 47].

Тем не менее, благодаря инициативе местной интеллигенции, политических ссыльных, меценатов медленными темпами шло движение Якутска к культурному развитию. Отрядным событием

местной общественной жизни в 1891 г. стало открытие Якутского музея, а также образование в городе кружка любителей музыки и литературы, устраивавшего с благотворительными целями спектакли. Более значительные шаги в культурно-просветительном направлении осуществились в правление губернатора И.И. Крафта. При нем было построено новое каменное двухэтажное здание для музея и публичной библиотеки, открыт Якутский отдел ИРГО и т.д. [10, с. 354–355].

В целях профилактики распространения холеры в 1893 г. местная молодежь обоего пола в возрасте 18–20 лет, грамотная и «вполне благонадежная», привлекалась в качестве санитарных служителей, их знакомили с правилами дезинфекции и уходом за больными. Для подготовки санитарных служителей при Якутской гражданской больнице были открыты бесплатные курсы лекций, которые продолжались 3 недели и получили поддержку со стороны инициативной молодежи [25, с. 24–26].

Только в весенне-летний период скучная и унылая жизнь горожан оживлялась с наступлением национальных и религиозных праздников. Именно в этот период времени городская молодежь, собираясь вместе у кого-то из родственников или знакомых, могла получить массу впечатлений и удовольствий от праздничных угощений, участия в состязаниях в беге и в борьбе, да и просто обменяться новостями.

Заключение

Таким образом, городская среда ключевых центров Восточной Сибири характеризовалась резкой социальной и пространственной неоднородностью и противоречивостью. С одной стороны, развивались элементы современной городской социально-культурной инфраструктуры (библиотеки, музеи, театры, образовательные учреждения, электрическое освещение), формировавшей позитивные модели культурного досуга и просвещения молодежи. С другой стороны, повсеместно наблюдалось слабое благоустройство, антисанитария, высокий уровень преступности и маргинализации населения, особенно на окраинах, что оказывало негативное влияние на нравственный климат, в котором происходило становление молодых людей.

Уровень развития социально-культурной инфраструктуры напрямую определял спектр доступных молодежи практик досуга и, как следствие, влиял на формирование ее норм поведения. Наибо-

лее развитые в этом отношении Иркутск и Красноярск предлагали молодежи более широкий выбор организованных форм времяпрепровождения (спортивные общества, общественные собрания, лекции, библиотеки), нежели Чита и Якутск. Городская среда Иркутска и Красноярска в целом создавала более благоприятные условия для социализации молодежи, широкие возможности для культурного развития, профессиональной реализации, интересного, полезного общения, предопределяя выбор «правильных» жизненных ориентиров и ценностей. В Чите и Якутске слабое развитие городской среды существенно ограничивало спектр развития возможностей молодежи.

Доступ к «благам цивилизации» и позитивным образцам поведения был строго обусловлен социальным и материальным статусом молодых людей обоего пола. Организованный культурный досуг в клубах, на благотворительных вечерах и в театрах был преимущественно доступен обеспеченным и образованным слоям городского населения. Молодежь из низших сословий и жители окраин были практически исключены из этой сферы, что подталкивало их к стихийным и зачастую девиантным формам самореализации (кулачные бои, хулиганство, участие в криминальных группировках).

Несмотря на региональную специфику, в поведении молодежи восточносибирских городов ясно прослеживались общероссийские тенденции эпохи модернизации: растущий интерес к образованию и спорту, с одной стороны, и параллельный рост криминализации, хулиганства и нравственной раскрепощенности – с другой. Городская среда Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. выступала в роли мощного, но амбивалентного фактора социализации молодежи, создавая как возможности, так и многочисленные риски.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азербаяев Э.Г. Иркутский спорт в XX в.: литературно-документальная летопись. Иркутск: Облмашинформ, 2003.
2. Вязовский И. Столица Сибири (наброски) // Исторический вестник. 1914. Т. 135. № 2. С. 646–663.
3. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.
4. Давыдов С.В. Влияние городской среды на процесс социализации подрастающего поколения в городах Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. н. Иркутск, 2004.

5. Даль. 1906. 7 июля.
6. Даль. 1906. 16 июня.
7. Даль. 1906. 18 июня.
8. Даль. 1906. 1 июля.
9. Енисей. 1896. 7 июля.
10. Калашников А.А., Павлов А.А. История Якутии в отчетах якутских губернаторов. Якутск: Бичик, 2007.
11. Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 г.). Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002.
12. Красноярский вестник. 1910. 4 февраля.
13. Красноярский голос. 1912. 30 декабря.
14. Красноярский голос. 1912. 14 декабря.
15. Красноярский голос. 1912. 4 декабря.
16. Миханев А.П. Красноярск: интересная история!: очерки обыденной жизни. Красноярск: Сибирь-Медиа, 2003.
17. Обзор Иркутской губернии за 1912 год. Иркутск: Губернская типография, 1914.
18. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита, 1911.
19. Отчет Якутского областного статистического комитета за 1895 г. Якутск, 1897.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. 75. Иркутская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904.
21. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. 80. Якутская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905.
22. Пинашков П.И. Красноярск: этапы исторического пути. Красноярск: Буква, 2003.
23. Поливанов В. Письма из Сибири. Иркутск, 1908.
24. Попов А.И. Город Чита: описание, путеводитель и справочник по городу Чите Забайкальской области. Чита, 1907.
25. Приклонский В.Л. Три года в Якутской области: этнографические очерки // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 24–54.
26. Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск, 1916.
27. Токарев С.А. История Якутской АССР: в 2-х т. Т. 2. Якутия от 1630-х гг. до 1917 г. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
28. Цурмаст М.В. Ценностные ориентиры современной молодежи // Молодежь Забайкалья: дорога в будущее: материалы IX Международной молодежной научно-практической конференции (г. Чита, 20–21 апреля 2005 г.). Чита: Забайкальский институт железнодорожного транспорта, 2005. С. 161–162.
29. Чехов А.П. Из Сибири: путевые очерки и письма. Иркутск: Облиздат, 1946.
30. Чита. 1907. 20 января.
31. Чита. 1907. 13 февраля.

REFERENCES

1. Azerbaev, E.G., 2003. Irkutskii sport v XX v.: literaturno-dokumental'naya letopis' [Irkutsk sport in the 20th century: a literary-documentary chronicle]. Irkutsk: Oblmashinform. (in Russ.)
2. Vyazovskii, I., 1914. Stolitsa Sibiri (nabroski) [The capital of Siberia (sketches)], Istoricheskii vestnik, Vol. 135, no. 2, pp. 646–663. (in Russ.)
3. Glazychev, V.L., 1984. Sotsial'noekologicheskaya interpretatsiya gorodskoi sredy [Socioecological interpretation of the urban environment]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
4. Davydov, S.V., 2004. Vliyanie gorodskoi sredy na protsess sotsializatsii podrastayushchego pokole-niya v gorodakh Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The influence of the urban environment on the socialization of the younger generation in the cities of Eastern Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk. (in Russ.)
5. Dal', 1906, July 7. (in Russ.)
6. Dal', 1906, June 16. (in Russ.)
7. Dal', 1906, June 18. (in Russ.)
8. Dal', 1906, July 1. (in Russ.)
9. Enisei, 1896, July 7. (in Russ.)
10. Kalashnikov, A.A., 2007. Istoriya Yakutii v otchetakh yakutskikh gubernatorov [The history of Yakutia in the reports of Yakut governors]. Yakutsk: Bichik. (in Russ.)
11. Konstantinov, A.V. and Konstantinova, N.N., 2002. Istoriya Zabaikal'ya (s drevneishikh vremen do 1917 g.). [History of Transbaikalia (from ancient times to 1917)]. Chita: Izd-vo ZabGPU. (in Russ.)
12. Krasnoyarskii vestnik, 1910, February 4. (in Russ.)
13. Krasnoyarskii golos, 1912, December 30. (in Russ.)
14. Krasnoyarskii golos, 1912, December 14. (in Russ.)
15. Krasnoyarskii golos, 1912, December 4. (in Russ.)
16. Mikhanov, A.P., 2003. Krasnoyarsk: interesnaya istoriya!: ocherki obydennoi zhizni [Krasnoyarsk: an interesting history!: essays on everyday life]. Krasnoyarsk: Sibir'-Media. (in Russ.)

17. Obzor Irkutskoi gubernii za 1912 god [Review of Irkutsk Governorate for the year of 1912]. Irkutsk: Gubernskaya tipografiya, 1914. (in Russ.)
18. Obzor Zabaikal'skoi oblasti za 1910 god [Review of Transbaikal Oblast for the year of 1910]. Chita, 1911. (in Russ.)
19. Otchet Yakutskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta za 1895 god [Report of the Yakutsk Regional Statistical Committee for 1895]. Yakutsk, 1897. (in Russ.)
20. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Kn. 75. Irkutskaya guberniya [The First General Population Census of the Russian Empire of 1897. Book 75. Irkutsk Governorate]. Sankt-Peterburg, 1904. (in Russ.)
21. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Kn. 80. Yakutskaya oblast' [The First General Population Census of the Russian Empire of 1897. Book 80. Yakutsk Oblast]. Sankt-Peterburg, 1905. (in Russ.)
22. Pinashkov, P.I., 2003. Krasnoyarsk: etapy istoricheskogo puti [Krasnoyarsk: stages of the historical path]. Krasnoyarsk: Bukva. (in Russ.)
23. Polivanov, V., 1908. Pis'ma iz Sibiri [Letters from Siberia]. Irkutsk. (in Russ.)
24. Popov, A.I., 1907. Gorod Chita: opisanie, putevoditel' i spravochnik po g. Chite Zabaikal'skoi oblasti [The city of Chita: a description, guide and reference book for the city of Chita in Transbaikal Oblast]. Chita. (in Russ.)
25. Priklonskii, V.L., 1890. Tri goda v Yakutskoi oblasti: etnograficheskie ocherki [Three years in Yakutsk Oblast: ethnographic essays], Zhivaya starina, no. 1, pp. 24–54. (in Russ.)
26. Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii za 1915 god [Statistical review of Yenisey Governorate for the year 1915]. Krasnoyarsk, 1916. (in Russ.)
27. Tokarev, S.A., 1957. Istoriya Yakutskoi ASSR: v 2-kh t. T. 2. Yakutiya ot 1630-kh do 1917 g. [History of the Yakut ASSR: in 2 volumes. Vol. 2. Yakutia from the 1630s to 1917]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)
28. Tsurmast, M.V., 2005. Tsennostnye orientiry sovremennoi molodozhi [Value orientations of modern youth]. In: Molodezh' Zabaikal'ya: doroga v budushchee: materialy IX Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Chita, 20–21 aprelya 2005 g.). Chita: Zabaikal'skii institut zheleznodorozhnogo transporta, 2005, pp. 161–162. (in Russ.)
29. Chekhov, A.P., 1946. Iz Sibiri: putevye ocherki i pis'ma [From Siberia: travel sketches and letters]. Irkutsk: Oblizdat. (in Russ.)
30. Chita, 1907, January 20. (in Russ.)
31. Chita, 1907, February 13. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию /
received 09.07.2025;
рекомендована к печати /
accepted 01.09.2025*

УДК 94(571):351.76

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/33-44>

Т.З. Позняк*

**БОРЬБА ЗА НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ГОРОДА:
РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОСТИТУЦИИ И ПЕРЕНОС ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ
НА ОКРАИНЫ ВЛАДИВОСТОКА В НАЧАЛЕ XX в.**

Статья посвящена анализу неоднократных попыток властей Владивостока в начале XX в. перенести публичные дома из центра города на окраины с целью улучшения его санитарного и нравственного облика. На основе архивных материалов рассматривается деятельность Владивостокского врачебно-полицейского комитета, созданного для регулирования проституции и контроля за распространением венерических заболеваний. Особое внимание уделяется конфликту между региональной администрацией, городским самоуправлением и владельцами публичных домов, которые сопротивлялись перемещению в неблагоустроенные районы. Автор показывает, что, несмотря на неоднократные распоряжения военного губернатора, перенос затягивался из-за отсутствия инфраструктуры на окраинах, скрытого саботажа со стороны содержательниц и опасений властей спровоцировать введением крайних мер рост нелегальной проституции и всплеск венерических заболеваний.

Ключевые слова: врачебно-полицейский комитет, регламентация проституции, публичные дома, Дальний Восток, Владивосток, полицейский контроль, санитарный надзор, городское самоуправление

The struggle for the moral image of the city: regulating prostitution and relocating brothels to the outskirts of Vladivostok in the early XXth century.
TATYANA Z. POZNYAK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

The article analyzes the repeated attempts by the Vladivostok authorities in the early 20th century to relocate brothels from the city center to the outskirts in order to improve the city's sanitary and moral condition. Drawing on archival materials, the study examines the activities of the Vladivostok Medical and Police Committee, which was established to regulate prostitution and control the spread of venereal diseases. Particular attention is paid to the conflict between the regional administration, the municipal government, and the brothel owners, who resisted moving to underdeveloped areas. The author demonstrates that, despite repeated orders from the military governor, the relocation was ultimately protracted due to the lack of infrastructure on the outskirts, covert sabotage by the brothel keepers, and the authorities' fears that resorting to extreme measures would provoke a rise in illegal prostitution and a surge in venereal diseases.

Keywords: medical and police committee, regulation of prostitution, brothels, Russian Far East, Vladivostok, police surveillance, health control, municipal government

* ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, tzpoznyak@mail.ru

© Позняк Т.З., 2025

Введение

Широкое распространение венерических заболеваний и отсутствие сколько-нибудь значимых результатов в борьбе с ними с помощью запретов и «наказаний непотребства» привели власти Российской империи к идее перехода от запрещения проституции к ее регламентации. Российские власти опирались на опыт Франции, где проституция была объявлена свободной в 1793 г., а с 1796 г. введена система ее регламентации. 8 октября 1843 г. Высочайше утвержденным Положением Комитета министров для осуществления врачебно-полицейского надзора за проституцией в Санкт-Петербурге при Медицинском департаменте МВД был создан врачебно-полицейский комитет (ВПК). Эту регламентацию ввели в столице в виде эксперимента на два года. 29 октября 1843 г. министром внутренних дел были утверждены общие положения об учреждении в С.-Петербурге ВПК, которыми он должен был руководствоваться в своей деятельности. Целью комитета было «искоренение любострастной болезни», а основным средством – надзор за т.н. «публичными женщинами», который состоял в их медицинском освидетельствовании и лечении заболевших венерическими болезнями. В 1840-х гг. опыт столицы был распространен еще на несколько городов империи, а в октябре 1851 г. циркулярное распоряжение о порядке установления надзора за публичными женщинами было разослано по всем губерниям [2, с. 41–44; 6, с. 22–23].

На российском Дальнем Востоке ВПК были созданы позднее – в конце XIX – начале XX вв. Причиной такой задержки стала не столько отдаленность региона, сколько нехватка средств и людских ресурсов для содержания дополнительных полицейских кадров, врачей и специализированных больниц – как у региональной администрации, так и у городских самоуправлений. До создания ВПК, в 1870-х – 1890-х гг. медицинский надзор за публичными домами и одиночной проституцией здесь осуществляли местные врачи (сначала военные, во Владивостоке – морского госпиталя, затем – окружные или городские), а административный – полиция (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 28. Л. 23; Ф. 77. Оп. 1. Д. 74. Л. 44об.; Д. 509. Л. 110; Д. 211. Л. 144, 149).

Проституция на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. имела ряд особенностей в сравнении с европейской частью империи: кроме «русских» и «европейских» проституток здесь присутствовали китайские и японские [8; 10]. Численность публичных домов в регионе была значительной из-за специфики половозрастного состава населения: здесь наблюдалось преобладание холостых мужчин трудоспособного возраста, что было обусловлено размещением в регионе значительного

числа войск и большим притоком мигрантов из сопредельных азиатских государств [3, с. 508–510; 7, с. 34–53].

Владивостокский ВПК был утвержден приказом военного губернатора Приморской области №437 от 27 ноября 1897 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 43об.–44). Он начал работать, судя по отчету городского врача Владивостока за 1897 г., только с января 1898 г., однако вскоре перестал функционировать вследствие указания МВД, что для его открытия необходимо было предварительное утверждение министерством правил сего комитета, а также за неимением средств по причине прекращения сборов с проституток, на которые он содержался, и из-за отказа городской управы отпустить средства на содержание комитета, смотрового врача и надзирателя за тайной проституцией. Он был создан вновь, согласно журналу медицинского совета от 18 мая 1899 г. № 245 (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 130–156; Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 43об.–44, 58), однако опять почти не работал из-за требования Медицинского департамента МВД от 5 июня 1899 г. «пересоставить» Правила Владивостокского ВПК в соответствии с его указаниям (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 110. Л. 273–273об.). Наконец, в 1906–1917 гг. комитет действовал уже почти непрерывно [10; 11; 13; 14].

В начале XX в. ВПК Владивостока, как и другие комитеты в империи¹, в своей деятельности руководствовался циркуляром Медицинского департамента МВД от 8 октября 1903 г. № 1611 и приложенным к нему – «Положением об организации надзора за городской проституцией в империи» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 379. Л. 228; Ф. 9. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–23об.). В Приморской области был разработан и свой вариант нормативных документов – Правил для содержательниц публичных домов и проституток, инструкций для должностных лиц, осуществлявших административный и медицинский надзор за проституцией, которые по основному смыслу совпадали с общеимперскими. Согласно нормативным документам, ВПК обладал широким функционалом в сфере медико-полицейского надзора над проституцией. В обязанности его входили: а) розыск и привлечение к законной ответственности тайных проституток, содержателей тайных притонов разврата, сутенеров и лиц, способствующих тайному разврату; б) подчинение проституток врачебно-полицейскому надзору и освобождение от него, с отдачей в подлежащих случаях проституток на поруки; попечение о беременных, больных, несовершеннолетних проститутках и возвращающихся к честному образу жизни и содействие обществам и установлениям, стремящимся к умень-

¹ Общеимперская нормативная база надзора за проституцией неоднократно анализировалась исследователями. См., напр.: [2; 4; 5; 6; 9; 14].

шению проституции; в) выдача разрешений на открытие домов терпимости и поднадзорных притонов, надзор за ними и закрытие их; г) организация врачебных осмотров и амбулаторного лечения на смотровых пунктах проституток, страдающих сифилисом и венерическими болезнями, отправка в лечебные заведения проституток, подлежащих больничному лечению (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–23об.).

Одной из обязанностей ВПК была выдача разрешений на открытие публичных домов и определение мест их расположения. При подаче прошения об открытии дома терпимости содержательницы были обязаны представить письменное согласие домовладельца или управляющего домом, в котором его предполагалось открыть. Избираемые дома или квартиры должны были быть удалены от церквей, училищ, школ и общественных учреждений не менее чем на 150 сажень (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–23об.). Кроме того, ВПК могли руководствоваться решением Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената № 49 от 1892 г., согласно которому он имел право определять, в каких именно местностях города допускается устройство домов терпимости и проживание состоящих под его надзором проституток-одиночек, «промышляющих непотребством» у себя на квартире (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 7об.; Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 17, 18, 20).

Перенос публичных домов на окраины практиковался во многих городах Российской империи, в Петербурге его удалось осуществить к концу XIX в. [15, с. 43]. Тем самым власти пытались избавить центральные кварталы от преступности и явлений, нарушавших покой и оскорблявших чувства благопристойных горожан. Возникновение проблемы переноса публичных домов на окраины городов российского Дальнего Востока в начале XX в. было связано с жалобами обывателей на нежелательное соседство и стремлением органов городского самоуправления и региональной администрации оздоровить санитарную и нравственную обстановку в городах. Это стремление также нашло свое выражение в многолетних усилиях органов власти и городского самоуправления по отведению в дальневосточных городах особых кварталов для поселения китайского и корейского населения.

Если в отношении европейской части России мы можем утверждать, что история проституции и деятельности врачей и полиции по организации административно-санитарного надзора изучалась весьма плодотворно [2; 4; 5; 6 и др.], то исследование указанной темы на дальневосточном материале только началось [1; 9; 10; 11; 13; 14]. При этом вопросы регулирования проституции и переноса публичных домов на окраины Владивостока

в начале XX в. в исторической литературе до сегодняшнего дня не поднималась.

Цель данной статьи – охарактеризовать усилия Владивостокского врачебно-полицейского комитета по переносу публичных домов на окраину города в начале XX в. и выявить затруднения, с которыми пришлось столкнуться региональной администрации в решении этой проблемы.

Борьба за перенос публичных домов в 1905–1911 гг.

Осенью 1905 г. несколько домовладельцев Пологой, Комаровской и прилегающих к ним улиц г. Владивосток обратились к военному губернатору Приморской области генерал-майору В.Е. Флугу с просьбой закрыть дома терпимости на их улицах и перенести в другое место. 12 ноября 1905 г. военный губернатор предложил Владивостокскому городскому голове вынести этот вопрос на обсуждение городской думы (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1об.). 19 ноября дума постановила: «признать необходимость закрытия домов терпимости на Пологой и других улицах в городе. Открытие таких домов признать возможным: а) в самом конце Матросской слободы, вне поселения на участках, которые будут отведены городом; б) в Линейной слободке военного ведомства и в) вне городского поселения по направлению к Куперовской пади, на местах по отводу города». Сроков переноса установлено не было (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1об.), [12, с. 570].

Военный губернатор 5 декабря 1905 г. предложил полицмейстеру г. Владивосток «без замедления принять меры к переносу домов терпимости в места, указываемые городской думой» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 1об.–2). 13 января 1906 г. он попросил полицмейстера «немедленно уведомить, какое последовало распоряжение по предложению от 5 декабря 1905 г.» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 3). Только после напоминания полицмейстер приказал подчиненным собрать сведения о числе публичных заведений и наличии в отведенных районах зданий, пригодных для них. 19 января 1906 г. полицейский пристав 1-го участка уведомил начальника, «что в районе 1 части по 7 Матросской улице функционируют два дома терпимости в д. Терлецкого (14 девиц) и в д. Сердюкова (9 девиц)», и планируются к открытию в скором времени по той же улице в домах Водовозова, Душкина, Иванова и Петряева. «Более подходящих домов в указанном месте для открытия заведений не имеется и числа открытых домов достаточно для потребности» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–7об.). Пристав 2-й части в тот же день сообщил, что в его районе домов терпимости не существует, и пригодные помещения для них отсутствуют (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 25). Пристав 3-й

части сообщил, что в его участке нет помещений для заведений 1 и 2 разрядов и представил список существующих борделей: 14 шт. со 113 проститутками, в т.ч. 2 дома содержались француженками, 1 – американской гражданкой, 1 – совместно французской и германской подданной, остальные 10 – российскими подданными (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 9–9об., 17). В марте – апреле 1906 г. на российский Дальний Восток начали возвращаться японки – содержательницы и проститутки, уехавшие на родину перед началом Русско-японской войны, но процесс открытия японских публичных домов занял некоторое время. В августе 1906 г. в городе существовало 14 «европейских» домов терпимости с 93 проститутками и 30 японских с 227 (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. I–VI).

Жители Пологой улицы, не дождавшись результата, вновь попросили убрать с их улицы публичные дома. 25 января 1906 г. городская дума постановила обратиться по этому поводу к военному губернатору, а тот запросил у полицмейстера сведения о принятых мерах.

7 февраля 1906 г. Владивостокский ВПК, рассмотрев вопрос «о выселении домов терпимости с Пологой улицы», установил срок переезда – к 1 января 1907 г., дав почти год на исполнение распоряжения начальства (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 40). 8 февраля 1906 г. полицмейстер Владивостока, ротмистр Г.И. Лединг изложил губернатору решение ВПК о том, что «немедленное выселение домов терпимости является невозможным по следующим соображениям: 1-х, выселение домов терпимости без предупреждения содержательниц повлечет за собой полное разорение последних, так как все таковые дома открыты исключительно осенью минувшего года и ими затрачены большие суммы на ремонт и приспособление нанятых помещений; 2-х, на указанных думою местах для домов терпимости в настоящее время совершенно не имеется помещений для таковых...» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 39–40). Полицмейстер, согласившись с мнением комитета, предложил «отложить выселение существующих домов терпимости не менее как на один год, иначе город останется без домов терпимости и выброшенные из домов женщины займутся тайной проституцией, что повлечет за собой увеличение тайных притонов и весьма вредно отразится на здоровье обывателей города». Он также усомнился в обоснованности заявления домовладельцев Пологой, Комаровской и прилегающих улиц, поскольку только 7 из 30 домовладельцев, подписавших это заявление, «действительно проживают в районе расположения домов терпимости, а остальные же не только по этой улице и поблизости, но не в районе, и все неудобства, кои неизбежны при существовании этих домов, насколько не могут причинить им в значительной

степени беспокойство и нарушить их тишину» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 39об.).

Весной 1906 г. по поручению городской управы земельная комиссия обследовала город и наметила для размещения публичных домов измененный список мест: 1) Рабочая слободка; 2) Северный склон горы за сжигательной печью в Куперовской пади; 3) Линейная слободка. Управа предложила городской думе ходатайствовать перед губернатором о запрете размещать публичные дома где-либо кроме указанных мест. 20 апреля 1906 г. дума утвердила перечень мест для постройки публичных домов, а также определила размер отводимых участков – 200 кв. саж., срок аренды участков для деревянных домов – 5 лет, для каменных – 10 лет. Гласные также постановили, что указанные районы отводятся под публичные дома на пять лет, после чего дума имеет право пересмотреть их, оставив во владении прежних арендаторов застроенные каменными домами участки до конца 10-летнего срока² [12, с. 570].

5 июля 1906 г. военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг запросил коменданта Владивостокской крепости, не встречается ли с его стороны препятствий к размещению публичных домов на местах, предложенных городом, при этом указав, что в настоящий момент они располагаются на Пологой и 7-й Матросской улицах и в старой Корейской слободке (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 116об.–117). 7 сентября 1906 г. и.д. коменданта крепости генерал-майор В.А. Ирман ответил губернатору, что считает необходимым закрыть заведения, расположенные по 7-ой Матросской улице: «Непосредственное соседство этих заведений к войсковым частям, расположенным в Гнилом углу, крайне развращающим образом влияет на нижних чинов, увеличивает число самовольных отлучек и случаев нарушений нижними чинами дисциплины и общественного порядка. Установление в этом отношении надзора со стороны военного начальства не может быть действительно, так как названная улица лежит по пути из Гнилого угла на форты и к городу, если же наряжать на эту улицу специальные патрули, то сами патрульные будут развращаться. Принимая во внимание, что как повсюду, так и во Владивостоке уличные беспорядки обыкновенно начинаются с разгрома помянутых заведений, полагаю, что эти заведения должны находиться как можно дальше от расположения войсковых частей, от близости коих зависит большее или меньшее присутствие пьяных нижних чинов в буйствующей толпе» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 17–17об.; Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 117–117об.).

² 16 августа 1906 г. областное по городским делам присутствие отменило часть постановления городской думы, где сказано «после этого срока оставляет за собой право перевести их на другое место» [12, с. 570–571].

Учитывая пожелание коменданта крепости, 16 декабря 1906 г. военный губернатор предписал полицмейстеру публичные заведения с 7-ой Матросской улицы убрать в Рабочую слободку до 1 мая 1907 г., а с Пологой улицы – в квартал за городской сжигательной печью в Куперовской пади до 1 июля 1907 г. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 117об). В марте 1907 г. он также предложил городскому самоуправлению пересмотреть условия аренды участков в отводимых районах, построить публичные дома за городские средства для сдачи их в аренду, озаботиться проведением и освещением дорог в предлагаемые районы. Городская дума 3 апреля 1907 г. постановила срок аренды участков установить от 8 до 12 лет с арендной платой по 2 руб. за кв. саж., дороги и освещение устроить после строительства домов, а просьбу об их постройке за городские средства отклонить [12, с. 571].

Рабочая слободка в то время представляла собой слабозаселенный район без устроенных дорог и подходящих строений. К 1 мая никто из хозяек не смог ни выстроить собственные дома, ни подыскать готовые, и губернатор разрешил вновь открыть публичные дома на 7-й Матросской улице тем из содержательниц, которые приступили к постройке домов в Рабочей слободке, установив срок переноса до 1 декабря 1907 г. (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 8–8об.).

В начале июня 1907 г. комиссия во главе с исполняющим обязанности председателя ВПК Н.Е. Акацатовым при участии представителя городского самоуправления осмотрела место в Куперовской пади и установила, «что разбивка улиц на местах, предназначенных к застройке, не сделана, усадебные места не разбиты на участки и не застолблены, дорога в это место из города ... в таком состоянии, что по ней и двум не всегда можно проехать, а ночью, за полным отсутствием освещения, этого сделать совершенно нельзя и небезопасно в виду отсутствия в той части города полицейского надзора» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 9–9об.).

13 июня 1907 г. ВПК признал отведенное место неподходящим по вышеуказанным причинам и попросил городское самоуправление разрешить домам терпимости 1-го разряда поместиться в конце Нижне-Пологой и Фонтанной улиц по западной стороне железнодорожного переезда, а при нехватке места – в самом конце названных улиц. 17 июня 1907 г. городская дума постановила: временно оставить дома терпимости 1-го разряда в кварталах Пологой и Фонтанной улиц, между железной дорогой и безымянной батареей. Содержательницы домов 2-го разряда обязаны были найти квартиры или построить дома в Куперовской пади (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 9–9об., 37).

Перенос сроков исполнения приказов городским самоуправлением и ВПК вызвал недовольство военного губернатора В.Е. Флуга. 6 ноября 1907 г. он издал приказ № 463 о назначении на 6 ноября комиссии под председательством вице-губернатора Я.П. Омелянович-Павленко для ревизии деятельности Владивостокского ВПК (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–1об.).

К началу работы комиссии дома терпимости оставались на прежних местах. ВПК выяснил, что из пяти лиц, коим было разрешено открыть дома терпимости на 7-й Матросской, выстроили, но не отделали дома в Рабочей слободке только две содержательницы, остальные же ограничились привозом строительного материала. Содержательницы же первоклассных заведений на Пологой и Фонтанной улицах заключили контракты с домовладельцами кварталов по западной стороне железнодорожного переезда, но потом, ввиду распространившихся между ними слухов о возможности оставления их заведений на прежних местах, их расторгли. Учитывая неспешность, а, возможно, сознательное игнорирование указаний губернатора, ВПК в докладе комиссии указал, что считает необходимым с 1 декабря закрыть заведения, хозяйки которых проигнорировали требования комитета, остальным дать отсрочку, но не свыше двух месяцев (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 8–8об., 10).

Комиссия, рассмотрев все обстоятельства, постановила: «1. За перенесение всех домов терпимости с Пологой улицы в конец Пологой и Фонтанной улиц между безымянной батареей и Корейской улицей, с тем, что по Корейской улице открытие домов терпимости не разрешалось, а в домах, выстроенных на углах Пологой и Корейской, а также Фонтанной и Корейской улиц могут быть открыты дома терпимости только при том непременно условии, чтобы вход в эти дома с Пологой и Фонтанной улиц. 2. Дать содержательницам домов терпимости определенный срок со дня объявления на заключение контракта на аренду с кем-либо из домовладельцев вышесказанной местности, и у тех содержательниц, которые к означенному сроку контрактов не заключат, дом терпимости закрыть. 3. Тем содержательницам, которые контракты заключают, дать также определенный срок на переезд, по истечению его не перенесенные дома терпимости должны подлежать закрытию. 4. Тем содержательницам домов терпимости, которые заключают контракты на аренду помещений в домах вновь выстроенных, как, например, дом Рачкова на Пологой улице, дать достаточный срок на переезд ввиду необходимости осушки вновь выстроенных домов, без каковой осушки размещение в таких зданиях домов терпимости не следовало бы допускать. Затем допущение каких-либо разных отсрочек в переносе домов терпимости представлялось

бы нежелательным. ...Чтобы перенос домов терпимости ... мог фактически осуществиться, представляется необходимым, что Городское Общественное управление своевременно озаботилось как о проведении удобнопоезжих дорог ... и освещении, а равно озаботилось проложением улиц между кварталами и остолбило усадебные места» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11об.).

14 декабря 1907 г. В.Е. Флуг, не согласный пойти и на такие уступки, разрешил комитету временно оставить дома терпимости 1 разряда на Пологой улице в районе к западу от полотна железной дороги, «но отнюдь не до Корейской улицы», дома к востоку от полотна железной дороги – закрыть, дав окончательный срок 1 мая 1908 г. (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 16–16об.).

В январе 1908 г. по новой просьбе ВПК увеличить сроки для переезда публичных домов с Пологой и Фонтанной улиц губернатор разрешил оставить дома 1-го разряда в этом районе тем содержательницам, которые заключили нотариальные контракты до 14 декабря 1907 г., но не далее чем до 31 августа 1909 г. (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 18–18об., 20–20об.; Д. 56. Л. 2–3.). Не успевшие переехать дома 2-го разряда в этом районе закрылись, и большая часть заведений весной 1908 г. размещалась в Корейской слободке³, но так и не переехала в Куперовскую падь (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 56. Л. 7–8; Д. 58. Л. 49–49об.; Д. 59. Л. 19–23, 45–46об.).

В августе 1909 г. подошел новый срок переезда, и хотя участки за сжигательной печью в Куперовской пади были разбиты, нормальные дороги и освещение по-прежнему отсутствовали, о чем ВПК был вновь вынужден доложить губернатору 23 августа 1909 г. (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 21–26). Судя по письму от 5 сентября 1909 г. комитету, В.Е. Флуг был взбешен неисполнением его указаний. Он очередной раз повторил свое разрешение содержательницам оставить публичные дома на Пологой и Фонтанной улицах только к западу от полотна железной дороги, а для перехода в Куперовскую падь дал срок до наступающего Нового года (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 27–28, 30–33об.).

Городское самоуправление не благоустроило Куперовскую падь, поскольку в сентябре 1909 г. боролось с холерой, занесенной в город из Кореи. Первый случай заболевания был обнаружен на мысе Эгершельд, где затем было найдено «тайное

³ Корейская слободка с юга граничила с улицей Последней, с севера – с лесопильным заводом на берегу Амурского залива, с запада прилежала к полотну железной дороги, а с востока – к Покровскому кладбищу (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 366). В настоящее время это район, где находятся общежитие ДВФУ, несколько его бывших корпусов и другие жилые и административные здания между Покровским парком и полотном железной дороги.

корейское холерное кладбище». Благодаря принятым мерам удалось предотвратить распространение эпидемии на область. Последний случай заболевания был обнаружен в городе 4 ноября. Всего заболело 143 чел., умерло 90 (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 360. Л. 6).

Кроме того, владельцы участков на Фонтанной и Пологой улицах к западу от железной дороги, воспользовавшись безвыходным положением хозяек публичных домов, выставили непомерно высокие цены на аренду. Кеммер был согласен сам выстроить дом при условии, что арендатор внесет залог в 5 тыс. руб. и будет платить ежемесячно по 300 руб. в течение 5 лет. Заварова потребовала выстроить на ее участке дом за 10 тыс. руб., арендовать его на 5 лет за 300 руб. в месяц, после чего оставить в ее собственности. Балсурин пожелал, чтобы на его участке выстроили дом стоимостью 10 тыс. руб. с переходом в его собственность через два года. Остальные домовладельцы либо сдали свои постройки на долгие сроки, либо не желали сдавать их под публичные дома (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 38–39).

В конце сентября комитет очередной раз убедился в невозможности переезда. 22 сентября 1909 г. его председатель Н.Е. Акацатов указал управе на обстоятельства, препятствующие как переносу домов терпимости в Куперовскую падь, так и сосредоточению всех домов на Пологой и Фонтанной улицах к западу от полотна железной дороги. И вновь прозвучали прежние доводы об опасности закрытия домов терпимости в крепости со значительным гарнизоном: «развитие тайной проституции в городе со всеми последствиями этого весьма нежелательного явления» или же «целый ряд преступных деяний на почве половых требований» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 41–41об.). Он попросил управу сообщить «о намерениях города в отношении приведения в скорейшем времени в должный вид всего района», а при невозможности благоустроить его, учитывая усиленные расходы на борьбу с холерой, город должен обратиться к военному губернатору на предмет оставления заведений на прежнем месте, при этом точно указав срок, на который дается разрешение (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 42–42об.).

29 сентября 1909 г. председатель ВПК доложил губернатору все вышеуказанные обстоятельства и попросил отложить закрытие домов терпимости, не исполнивших требование властей (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 44–47). Военный губернатор В.Е. Флуг 30 сентября 1909 г. наложил на его докладе резолюцию: «Распоряжение свое о переносе домов терпимости оставляю в силе, так как считаю, что если бы содержательницы домов терпимости пожелали бы исполнить мое первоначальное требование, то они всегда бы имели воз-

возможность просить город о скорейшем вынесении вопроса относительно подготовки новых мест. В том, что это не было сделано, я вижу только обход моего распоряжения, а со стороны Врач. Пол. Комитета усматриваю отсутствие наблюдения за тем, чтобы мои распоряжения, касающиеся упорядочения вопроса о домах терпимости, действительно исполнялись и могли быть исполнены» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 46–47). Несмотря на это городская дума 16 октября 1909 г. постановила оставить временно дома терпимости на Пологой и Фонтанной улицах на всем их протяжении (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 54–55).

26 октября 1909 г. комитет, ознакомившись с письмом губернатора, не усмотрел «оснований для обвинения его в обходе распоряжений Его Превосходительства». Он также посчитал неправильным, чтобы содержательницы сами требовали от управы благоустройства отведенных районов (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 51–52). Главным виновником ВПК считал городское самоуправление, которое вышло с ходатайством о переносе домов терпимости, но ничего для его осуществления не сделало и постоянно отменяло свое же решение (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 52об.).

Текст постановления ВПК от 26 октября 1909 г. является наглядной иллюстрацией взаимозависимости надзирателей и надзираемых. Комитет, существуя за счет сборов с домов терпимости и проституток-одинок, стал своеобразным заложником созданной системы: чем больше в городе было проституток, тем лучше обстояли дела у комитета – можно было тратить больше средств на содержание врачей и полицейских чинов, ремонт лечебницы и улучшение условий содержания в ней больных и пр. В постановлении говорилось: «В последней мере Комитет не может не усмотреть последствий: а) с закрытием домов терпимости все проститутки, числом около 80–90, должны оставить эти дома и по понятным причинам обратиться или в тайных проституток, или, в лучшем случае, в одиночек. Это обстоятельство не может не привести к понижению врачебно-полицейского надзора и развитию заболеваний среди определенной части населения; б) обеспеченные в домах проститутки останутся без крова и средств существования в зимнее время, чего комитет по своей обязанности не должен допускать; в) с закрытием домов терпимости уменьшится соответственно уменьшению числа проституток и ежемесячный добровольный взнос, что приведет материальные средства комитета к упадку и необходимости сократить расходы, т.е. к уменьшению числа смотровых врачей, к закрытию лечебницы, ибо расход комитета достигает 2 000 рублей ежемесячно. Это обстоятельство тем более должно отразиться на постановке дела врачебно-полицей-

ского надзора и на увеличении распространения венерических заболеваний, особенно среди нижних чинов гарнизона; г) при таких условиях передача дела надзора в ведение города, на что принципиальное согласие было дано Городским Головой, в виду возникшего распада налаженного дела явится еще более несбыточной» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 52об.–53).

В итоге комитет постановил ходатайствовать перед военным губернатором об оставлении домов терпимости на Пологой улице до приведения в порядок Куперовской пади (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 53). Однако письмо председателя ВПК от 31 октября 1909 г. губернатору заканчивалось не этим ходатайством, а словами, что изложенное докладывается на «благоусмотрение Вашего Превосходительства» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 56–57). Судя по всему, он вполне осознавал, какой гнев начальства вызовет очередная отсрочка исполнения распоряжения. 7 ноября 1909 г. явно рассерженный В.Е. Флуг ответил ВПК: «Вследствие представления от 31-го октября с.г. за № 335, сообщаю, что дома терпимости разрешаю только в местности к западу от железной дороги, почему все такие дома, находящиеся к востоку от железной дороги, должны быть закрыты. Имея в виду, что возбужденная по этому вопросу переписка, затянувшаяся гораздо дольше, чем то следовало, могла подать содержательницам надежду на оставление их в теперешнем месте, даю им последний срок, а именно первое декабря сего года. Не признавая все представленные мне до сего времени доводы в пользу оставления домов терпимости в настоящем месте достаточно обоснованными и, видя в результате их только одну оттяжку в исполнении моего требования, я больше никаких докладов по этому вопросу принимать не буду и требую исполнения моего распоряжения в указанный срок (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 58–58об.).

В этот же день, 7 ноября 1909 г. ВПК уведомил содержательниц о требовании перейти в Куперовскую падь или к западу за полотно железной дороги и о закрытии публичных домов тех, кто не исполнит данное требование до 1 декабря (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 59–60). Но хозяйки публичных домов решили бороться и обратились к обычной для того времени практике – жалобам вышестоящему начальству.

12 ноября 1909 г. 6 содержательниц написали слезное прошение Приамурскому генерал-губернатору с просьбой «не разорять» их и «не выгонять на улицу в зимнее время девушек до 1 декабря», отсрочив их переезд. Письмо содержит все аргументы, представленные в докладе председателя ВПК: отсутствие дорог и освещения на новом месте, непомерные требования домовладельцев Пологой и Фонтанной улиц, угроза наводнения го-

рода тайными проститутками и венерическими болезнями в случае закрытия публичных домов и прекращения медицинских осмотров. Кроме того, просительницы настаивали на невозможности переезда ввиду окончания строительного сезона и невозможности выстроить дома на новом месте, а также уповали на гуманность генерал-губернатора, которого тронет тяжелая участь 80 проституток, которые окажутся на улице в зимнее время (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 103–106об.).

Губернатор под давлением начальства вынужден был сжалиться, и 28 ноября 1909 г. предложил ВПК объявить содержательницам, что ввиду нехватки мест к западу от железной дороги, с 1 декабря разрешает тем, кто не сможет поместиться в указанном районе, временно поместиться на 6 и 7 Матросской улицах впредь до устройства Куперовской пади (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 62–63). 1 декабря 1909 г. губернатор сообщил об этом Приамурскому генерал-губернатору (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 286. Л. 111–111об.).

Ни в декабре 1909 г., ни в 1910 г. публичные дома не переехали в Куперовскую падь, они сосредоточились в Корейской слободке, в прежних районах их количество сократилось до минимума. В январе 1910 г. в этой слободке располагалось 16 японских и 4 русских дома терпимости, в Рабочей слободке – 1 японский и 1 русский, на Пологой улице – 2 французских, на Фонтанной – 1 русский, на Корейской – 1 русский, на 7-ой Матросской – 1 русский (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 81. Л. 16–32, Д. 86. Л. 1; Д. 87. Л. 1–16). При этом, судя по протоколам надзирателя ВПК, в районе Матросской слободки процветала тайная проституция в пивных залах, квасных, харчевнях, столовых, а в центре города – в шантанах, ресторанах, гостиницах; одиночки искали клиентов на Светланской улице, а дамы полусвета принимали их в своих квартирах в доходных домах в самой фешенебельной части города (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 60. Л. 17–17об., 20–25об.).

В апреле 1911 г. городская дума, вероятно, убедившись в невозможности благоустроить Куперовскую падь, прекратила свои попытки переноса и назначила в качестве места для домов терпимости Корейскую (или Старо-Корейскую) слободку [12, с. 571]. Новый военный губернатор Приморской области М.М. Манакин 19 апреля 1911 г. сообщил городскому голове о согласии с предложенным местом (РГИА ДВ. Ф. 703. Оп. 3. Д. 286. Л. 135–136об.). На этом первый эпизод истории с переносом публичных домов на окраину Владивостока можно считать оконченным.

Требования к переносу публичных домов не коснулись китайских заведений, которые во Вла-

дивостоке продолжали занимать квартиры в районе, ограниченном улицами Пекинской и Семеновской на их протяжении от Семеновского базара до Китайской улицы. Русские проститутки-одиночки также селились там, где пожелают. Горожане считали, что их присутствие не менее вредно для нравственного облика города, чем соседство с публичными домами, поскольку они, как считалось, своим пьянством, драками и непристойным поведением нарушали тишину и благопристойность, мешали нормальному течению жизни городских обывателей, оскорбляли чувства гулявших по центральным улицам женщин и детей. Несмотря на неоднократные просьбы горожан запретить публичным женщинам работать в центре города, комитет отказывал в их удовлетворении. Основанием для отказа он называл Правила МВД от 1903 г., которыми не оговорено было право комитета определять местожительство одиночек, по непонятной причине игнорируя возможность такого запрета, предоставленную ему решением Правительствующего сената № 49 от 1892 г. Только 4 июня 1913 г. военный губернатор Приморской области сообщил полицмейстеру, что запретил проживание русских проституток-одиночек в кварталах, прилегающих к Светланской улице на протяжении ее от Ключевой улицы до Набережной⁴ (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 75).

Попытка переноса публичных домов в годы Первой мировой войны

В конце 1914 г. до Владивостока дошли слухи о закрытии в Европейской части России публичных домов в связи с началом Первой мировой войны. Почти в это же время, 4 декабря 1914 г., военный губернатор Приморской области предложил закрыть дома терпимости в Корейской слободке, как находившиеся на расстоянии менее 150 саженей от Покровской церкви (за исключением трех заведений). 18 декабря 1914 г. комитет, рассмотрев его предложение, постановил «по примеру столицы и многих губернских городов» закрыть все публичные дома, дав содержательницам для ликвидации месячный срок, считая с 1 января 1915 г. (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 108). Вероятно, слухи о распоряжении губернатора дошли до содержательниц до заседания, потому что 18 декабря 1914 г. комитет рассмотрел и обращение хозяек 12 японских борделей об отсрочке закрытия до весны и постановил отсрочить его до 1 марта 1915 г. (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 108).

⁴ На современной карте города Ключевая улица отсутствует, ее местонахождение совпадало с современной лестницей, ведущей от Светланской улицы к фуникулеру и проходящей затем под ним, Набережная же улица сохранилась с тем же названием.

18 февраля 1915 г. комитет был вынужден вернуться к этому вопросу, поскольку у военного губернатора возникли резонные вопросы: чем будет заниматься комитет в случае закрытия домов терпимости в городе; кто будет бороться с тайной проституцией и ее последствиями; как предполагается поступить с проститутками, находящимися в публичных домах и одиночками; кому и когда комитет передаст свою лечебницу и средства и т.д. (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 110об.–111). Судя по тексту постановления, комитет глубоко призадумался о последствиях принятого ранее решения: «В виду того, что с закрытием домов терпимости и прекращением регистрации проституции возникнет много сложных вопросов, требующих для разрешения их собрания особого материала, постановление приостановить приведением в исполнение закрытие вышеозначенных домов, просить г. Врачебного инспектора снести с городами, в коих закрытие домов и регистрация упразднены, причем войти в сношение с городом по вопросу о принятии больницы комитета вместе с имеющимися средствами в свое ведение и организации амбулаторной бесплатной помощи венерикам и сифилитикам» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 110об.–111). В этот же день ВПК рассматривал прошение содержательниц русских домов терпимости о том, чтобы в случае закрытия домов предоставить для их ликвидации срок до 6 месяцев, чтобы «проститутки могли подыскать для себя места службы». Ввиду вышеприведенного решения прошение оставили без рассмотрения (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 111об.).

В марте комитет получил ответ от Томского городского полицейского управления о том, что дома терпимости в г. Томск функционируют на общих основаниях, а в апреле – от Петроградского ВПК о том, что регистрация проституток не отменена и публичные дома существуют. В результате комитет пошел на попятную и 28 апреля 1915 г. постановил: «вопрос о закрытии домов терпимости и об изменении правил надзора за проституцией впредь до выработки нового положения в Петрограде рассмотрением отложить» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 114). Учитывая же необходимость исполнения предложения губернатора о закрытии домов терпимости в Старо-Корейской слободке⁵, находящихся ближе 150 саженей от Покровской церкви, решили предложить содержательницам перенести свои публичные дома в другое место не позднее, чем к 1 января 1916 г. с предупреждением, что заведения не исполнивших будут закрыты (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 115).

⁵ После образования Новой Корейской слободки на склоне горы за Куперовской падью, Корейскую слободку, расположенную по дороге в Куперовскую падь, стали называть Старой Корейской или Старо-Корейской слободкой.

Предложенное городом место на окраине – восточнее мельницы Русского Мукомольного товарищества – было незаселенным и неблагоустроенным, осенью 1915 г. оно оставалось в прежнем состоянии. 8 октября 1915 г. Владивостокская городская дума приняла постановление № 124 об увеличении сроков переноса до 1 июня 1916 г. 18 декабря 1915 г. Комитет постановил объявить содержательницам публичных домов новый срок переезда (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 123).

7 июня 1916 г. Владивостокский полицмейстер сообщил ВПК, что перенос домов терпимости из Старо-Корейской слободки на свободное место восточнее мельницы Русского мукомольного товарищества он нашел невозможным «по следующим основаниям: 1. Площадь, указанная думой, на текущий год уже сдана городской управой китайцам под огороды и последними уже разработана. 2. Жилых помещений в этом районе, где можно было бы разместить дома терпимости, не имеется, за исключением постройки, возведенной неким Ефимовым, предполагающим открыть в нем маслобойный завод. 3. Предположенная под дома терпимости местность находится вблизи костомольного и стеклянного завода и Русского Мукомольного Товарищества. Кроме того, вблизи расположены мастерские по сборке вагонов, рабочие которых расквартированы по квартирам Первой Речки, версты за 1½–2 казармы военного ведомства. 4. Полицейские посты около намеченной местности не установлены и установить их в виду ограниченного штата городских не представляется возможным. 5. С переносом в это место домов терпимости весьма возможны столкновения рабочих с солдатами, тем более, если принять во внимание существование здесь тайной торговли спиртными напитками. 6. Также возможны будут грабежи и убийства вследствие отдаленности, разбросанности и неблагоустроенности этого района, где отсутствует надлежащее освещение улиц» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 130–131).

Почти одновременно в комитет обратились содержательницы японских публичных домов, возбудившие ходатайства перед городской управой об отводе им в указанном месте в аренду участков под постройку домов, сообщив, что отведенные участки оказались для них малы, их пересекали овраги и речка, поэтому необходимо было сооружение мостов. Они просили комитет об отсрочке переноса до благоустройства местности. Содержательницы же русских домов ходатайствовали об отсрочке до постройки на новом месте домов кем-либо из домовладельцев, ибо на строительство собственных домов у них не было средств, поскольку «мужья некоторых из них находятся на военной службе» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 131–131об.).

21 июня 1916 г. ВПК отсрочил переезд до 1 октября 1916 г. с предупреждением о том, что не исполнившие будут лишены права содержать заведения, и перестал давать разрешения на открытие новых домов в Старо-Корейской слободке (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 130–132, 134, 135об.).

30 августа 1916 г. военный губернатор области напомнил комитету об обязательном закрытии всех домов терпимости в Старо-Корейской слободке с 1 октября. 28 сентября 1916 г., рассмотрев его приказ и ходатайство 12 содержательниц японских домов терпимости о разрешении временно перевести дома в Куперовскую падь или любую другую местность, комитет постановил объявить хозяйкам, что дома в Старой Корейской слободке тех, кто не найдет возможности перейти на указанное комитетом место, будут закрыты (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 133об.). На заседании 28 сентября 1916 г. врачебный инспектор С.В. Виноградский остался при особом мнении: «Не считаю возможным закрытие домов терпимости из-за возможности распространения сифилиса и венерических болезней в г. Владивостоке. Необходимо указать место в городе, где имеются готовые дома для переселения» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 136).

19 октября городская управа сообщила комитету, что отведенное городом место для переноса домов терпимости из Старо-Корейской слободки «ныне оказывается непригодным для означенной надобности, в виду начатия там работ по прокладке железной дороги и поэтому вопрос об участках под дома терпимости вновь передан на рассмотрение земельно-лесоустроительной комиссии, и затем будет внесен в Городскую Думу» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 136об.). Кроме того, в октябре содержательницы японских домов терпимости обратились к военному губернатору Приморской области и Приамурскому генерал-губернатору с просьбой об отсрочке закрытия их заведений в Старой Корейской слободке или временном переносе их на 7-ю Матросскую улицу, впрямь до отвода городом участков земли в новом месте. Генерал-губернатор наложил на прошение резолюцию: «Губернатору на распоряжение. Необходимо в виду новых обстоятельств рассмотреть вновь это дело и дать хотя бы двухмесячную отсрочку». Губернатор предложил временно разрешить перенести дома на 7-ю Матросскую улицу.

28 октября 1916 г. ВПК разрешил содержательницам временно перенести их заведения на 7-ю Матросскую улицу (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 136об.–137). В ноябре 1916 г. хозяйки японских заведений уведомили комитет об избранных ими домах. Комиссия осмотрела их, признала «несоответствующими санитарно-гигиеническим требованиям», и 26 ноября 1916 г. комитет отказал в

устройстве в них заведений (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 138). Вероятно, на решение комиссии и комитета оказали влияние протесты горожан, поскольку в этот же день ВПК рассматривал поступившие на имя губернатора: ходатайство городского головы от 10 ноября, два заявления обывателей и домовладельцев Матросской слободки, отношение Владивостокского епархиального училищного совета от 6 ноября, рапорт Владивостокского полицмейстера от 15 ноября. Все просили не размещать заведений на 7-й Матросской улице, а временно оставить их в Старой Корейской слободке (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 138об.).

Заключение

В результате дома терпимости остались на прежнем месте до конца 1916 г., а в феврале 1917 г. началась революция, которая привела дело надзора за проституцией к полному развалу. 11 апреля 1917 г. Владивостокский ВПК постановил: «1. Регламентацию проституции уничтожить. 2. Дома терпимости, существующие по прежним правилам, закрыть. Правила считать утратившими свое назначение, а Врачебно-полицейский комитет несуществующим. 3. Не выселяя женщин из бывших домов терпимости, просить их сорганизоваться и, если будут заниматься проституцией, организовать врачебно-санитарный надзор» (РГИА ДВ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 71. Л. 142а–142б.). ВПК прекратил свое существование, а с ним и требования региональной администрации и органов городского самоуправления о переносе публичных заведений на окраины.

Итак, после постановки вопроса о необходимости переноса публичных домов из центра на окраины Владивостока в первый раз решение проблемы растянулось на несколько лет. Бесконечная переписка и бесчисленные заседания не продвигали ход дела. Региональная администрация и ВПК наталкивались на скрытое сопротивление содержательниц публичных заведений, которым невыгодно было переезжать на слабозаселенные и неблагоустроенные окраины. Владивостокское городское самоуправление также не спешило создавать хоть сколько-нибудь приемлемые условия для переезда. Это было связано как с нехваткой средств в городском бюджете на устройство, ремонт городских улиц и их освещение, так и с большим вниманием городских властей к благоустройству центра города. Военный губернатор Приморской области, глубоко раздосадованный неспешностью решения проблемы городом и комитетом, подозревал их и содержательниц в саботаже его приказов. Хотя и постоянные уступки со стороны губернатора и комитета, вероятно, также способствовали убежденности хозяек публичных заведений в их безнаказанности, поскольку глав-

ной причиной невозможности кардинально решить вопрос и закрыть публичные дома было опасение региональной администрации и ВПК, что этот промысел в результате перейдет в теневую плоскость, проститутки перестанут проходить медицинские осмотры, что приведет к всплеску венерических заболеваний среди военного и гражданского населения города. Вторая попытка переноса публичных домов из Старо-Корейской слободки дальше на окраину, затеянная в годы Первой мировой войны, не увенчалась успехом по тем же причинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евтехов Р.А., Паликова Т.В. Проституция как инструмент решения социальных проблем Восточной Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 39. С. 28–39.
2. Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII в. до 1917 г. М.: Новый хронограф, 2008.
3. История Сибири: в 4-х т. Т. 3. Новое время (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 2023.
4. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994.
5. Мартыненко Н.К. Проституция в императорской России: от запрета к легализации // Новый исторический вестник. 2009. № 19. С. 30–37.
6. Мартыненко Н.К. Регламентация проституции в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Воронеж, 2010.
7. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011.
8. Моргун З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 90–108.
9. Петров А.С. Законодательство Российской империи в сфере проституции и регламентационные правила этой деятельности в Чите в период 1907–1917 гг. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 10. С. 3–11.
10. Позняк Т.З. Нелегальная китайская проституция в г. Владивостоке и проблемы контроля со стороны региональной администрации в начале XX в. // Четвертые архивные научные чтения им. В.И. Чернышевой: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: историческое наследие и современность». Хабаровск, 2012. С. 299–302.
11. Позняк Т.З. Проституция в городах Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в.: проблема контроля и неформальные практики // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: про-

шлое, настоящее и будущее (Седьмые Крушановские чтения, 2011 г.). Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 62–69.

12. Систематический сборник постановлений Владивостокской городской думы за 1901–1912 гг. Владивосток, 1913.

13. Тютюник В.В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в. – 1917 г.): дис. ... канд. ист. н. Хабаровск, 2005.

14. Тютюник В.В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1. С. 91–100.

15. Федоров А.И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. СПб., 1897.

REFERENCES

1. Evtekhov, R.A. and Palikova, T.V., 2022. Prostitutsiya kak instrument resheniya sotsial'nykh problem Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Prostitution as a tool for addressing social problems in Eastern Siberia and the Russian Far East from the mid-19th to the early 20th century], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, Vol. 39, pp. 28–39. (in Russ.)
2. Ilyukhov, A.A., 2008. Prostitutsiya v Rossii s XVII v. do 1917 g. [Prostitution in Russia from the 17th century to 1917]. Moskva: Novyi khronograf. (in Russ.)
3. Istoriya Sibiri: v 4-kh t. T. 3. Novoe vremya (konets XVI – nachalo XX v.) [History of Siberia: in 4 volumes. Vol. 3. Modern era (from the late 16th to the early 20th century)]. Novosibirsk, 2023. (in Russ.)
4. Lebina, N.B. and Shkarovskii, M.V., 1994. Prostitutsiya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.). [Prostitution in Saint Petersburg (1840s – 1940s)]. Moskva. (in Russ.)
5. Martynenko, N.K., 2009. Prostitutsiya v imperatorskoi Rossii: ot zapreta k legalizatsii [Prostitution in Imperial Russia: from prohibition to legalization], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 19, pp. 30–37. (in Russ.)
6. Martynenko, N.K., 2010. Reglamentatsiya prostitutsii v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [The regulation of prostitution in Russia (second half of the 19th – early 20th century)]. Voronezh. (in Russ.)
7. Migratsii naseleniya Aziatskoi Rossii: konets XIX – nachalo XXI vv. [Population migrations in Asian Russia: from the late 19th to the early 21st century]. Novosibirsk: Parallel, 2011. (in Russ.)
8. Morgun, Z.F., 1996. Yaponskaya diaspora vo Vladivostoke (stranitsy istorii) [Japanese diaspora in Vladivostok: pages of history], *Izvestiya Vostochnogo instituta*, no. 3, pp. 90–108. (in Russ.)

9. Petrov, A.S., 2012. Zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii v sfere prostitutsii i reglamentatsionnye pravila etoi deyatelnosti v Chite v period 1907–1917 gg. [The legislation of the Russian Empire on prostitution and regulatory rules for this activity in Chita, 1907–1917], Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta, no. 10, pp. 3–11. (in Russ.)

10. Poznyak, T.Z., 2012. Nelegal'naya kitaiskaya prostitutsiya v g. Vladivostoke i problemy kontrolya so storony regional'noi administratsii v nachale XX v. [Illegal Chinese prostitution in Vladivostok and the challenges of its control for the regional administration in the early 20th century]. In: Chetvertye arkhivnye nauchnye chteniya im. V.I. Chernyshevoi: materialy Vserossiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Dal'nii Vostok Rossii: istoricheskoe nasledie i sovremennost'». Khabarovsk, 2012, pp. 299–302. (in Russ.)

11. Poznyak, T.Z., 2013. Prostitutsiya v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: problema kontrolya i neformal'nye praktiki [Prostitution in the cities of the Russian Far East in the second half of the 19th to the early 20th century: the issues of control and informal practices]. In: Tikhookeanskaya Rossiya v mezhsivlizationnom i obshcherossiiskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee i budushchee (Sed'mye Krushanovskie chteniya, 2011 g.). Vladivostok: Dal'nauka, 2013, pp. 62–69. (in Russ.)

12. Sistemicheskiy sbornik postanovlenii Vladivostokskoi gorodskoi dумы za 1901–1912 gg. [Systematic collection of decrees of the Vladivostok City Duma, 1901–1912]. Vladivostok, 1913. (in Russ.)

13. Tyutyunik, V.V., 2005. Vrachebno-politseyskii nadzor za prostitutsiei na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.) [Health-police control of prostitution in the Russian Far East (second half of the 19th century – 1917)], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (in Russ.)

14. Tyutyunik, V.V., 2005. Vrachebno-politseyskii nadzor za prostitutsiei na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX v.) [Health-police control of prostitution in the Russian Far East (second half of the 19th century)], Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 1, pp. 91–100. (in Russ.)

15. Fedorov, A.I., 1897. Oчерк vrachebno-politseyskogo nadzora za prostitutsiei v S.-Peterburge [An outline of the health-police control of prostitution in Saint Petersburg]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию /
received 08.06.2025;
рекомендована к печати /
accepted 22.08.2025*

УДК 94(571.513):316.74"1941/1945"

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/45-54>

Т.А. Кискидосова*

ТРУДОУСТРОЙСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1941–1945 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ХАКАСИИ)

Статья посвящена проблемам социальной поддержки инвалидов Великой Отечественной войны на территории Хакасской автономной области в 1941–1945 гг. На основе широкого круга архивных материалов автор подробно анализирует усилия местных органов власти и социальных служб по организации профессионального обучения и трудоустройства, оказанию протезно-ортопедической помощи, обеспечению продовольственного и промтоварного снабжения. Исследование выявляет существенные трудности и противоречия в реализации социальной политики государства на региональном уровне. Несмотря на предпринимаемые меры, система поддержки носила фрагментарный характер и не справлялась с объемами задач в условиях военного времени. Трудоустройство оставалось неполным, качество протезов – низким, а материально-бытовое положение инвалидов – крайне тяжелым. Автор приходит к выводу, что в условиях дефицита ресурсов и приоритета нужд фронта государство не смогло обеспечить полноценную реабилитацию инвалидов войны и их интеграцию в общество.

Ключевые слова: Хакасия, Великая Отечественная война, инвалиды войны, трудоустройство, социальная поддержка, профессиональное обучение, протезирование

Employment and social support for disabled veterans of the Great Patriotic War (1941–1945): a case study of Khakassia. TATYANA A. KISKIDOSOVA (Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia)

The article addresses the challenges of social support for disabled veterans of the Great Patriotic War in the Khakass Autonomous Oblast during 1941–1945. Drawing on a wide range of archival materials, the author provides a detailed analysis of the efforts by local authorities and social services to organize vocational training and employment, provide prosthetic and orthopedic care, and ensure food and manufactured goods supplies. The study reveals significant difficulties and contradictions in the implementation of state social policy at the regional level. Despite the measures taken, the support system was fragmented and failed to cope with the scale of the tasks in wartime conditions. Employment remained incomplete, the quality of prosthetics was low, and the material and living conditions of the disabled were extremely difficult. The author concludes that, given the resource shortages and the priority of the front's needs, the state was unable to ensure the full rehabilitation of war veterans and their integration into society.

Keywords: Khakassia, Great Patriotic War, disabled veterans, employment, social support, vocational training, prosthetic care

Введение

В настоящее время актуальными остаются вопросы занятости и реабилитации инвалидов войны. От социальной политики государства во многом зависит, как инвалиды войны и участники

боевых действий смогут адаптироваться к мирным условиям. Трудоустройство и социальное обеспечение солдат-инвалидов являлось одним из важнейших направлений государственной социальной политики в годы Великой Отечественной

* КИСКИДОСОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия, tak_74@mail.ru

© Кискидосова Т.А., 2025

войны (далее – ВОВ). К инвалидам войны относились лица из числа военнослужащих, утратившие трудоспособность по причинам ранения, контузии или увечья, полученных в бою или при исполнении иных обязанностей военной службы, а также вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте. В предвоенный период был урегулирован вопрос о назначении и выплате пенсий различным категориям инвалидов войны, однако другие меры социального обеспечения данной категории граждан не получили дальнейшего развития. С началом ВОВ советское правительство опиралось на предвоенные постановления по регулированию пенсионного обеспечения солдат-инвалидов. По мере продолжения войны и увеличения количества инвалидов круг вопросов, связанных с их социальным обеспечением, расширялся [11, с. 192].

Большая работа по поддержке и обеспечению инвалидов-фронтовиков возлагалась на органы социального обеспечения – собесы. В их компетенцию входили регистрация и учет инвалидов, организация выдачи пенсий, устройство в дома инвалидов, содействие по трудоустройству и организация обучения новым профессиям, оказание различной социальной помощи и др. Кроме собесов помощь инвалидам Великой Отечественной войны оказывали городские и районные комиссии, действовавшие совместно со службами социального обеспечения.

В отечественной историографии существует немало исследований, посвященных инвалидам ВОВ в 1941–1945 гг. и в послевоенные годы [1; 4; 7; 8; 9; 12; 17; 18; 19 и др.]. В большей части этих работ значительная роль отводится деятельности государственных, партийных и общественных органов по оказанию социальной поддержки инвалидам войны. В то же время интерес представляет позиция А.С. Ковалева, который подверг сомнению утверждение о приоритетности социальной политики в отношении инвалидов войны для государства. По его мнению, советские институты социальной помощи в годы войны были не в состоянии решить вопрос о восстановлении инвалидов до уровня полноценных членов общества [9, с. 263]. Ряд авторов рассмотрел проблемы обучения и трудоустройства инвалидов войны в масштабах конкретных регионов [3; 5; 6; 10; 11 и др.], а также вопрос социального обеспечения инвалидов войны в специализированных учреждениях [2; 4; 9 и др.]. В результате были выявлены и проанализированы сложности в организации, содержании, обеспечении и функционировании инвалидных домов на региональном уровне. При этом социальные проблемы инвалидов ВОВ в Хакасии до настоящего времени остаются практически неизученными. Исключением является лишь монография А.С. Ковалева, которая посвящена государственной социаль-

ной политике и повседневной жизни инвалидов Красноярского края, в состав которого входила и Хакасская автономная область [9].

В настоящей статье предпринята попытка исследовать процесс трудоустройства, профессионального обучения и социальной поддержки (включая протезирование и материально-бытовое обеспечение) инвалидов Великой Отечественной войны на территории Хакасской автономной области в 1941–1945 гг., выявить его региональные особенности и оценить результативность.

Трудоустройство и профессиональное обучение

Со второй половины 1942 г. в Красноярском крае и, соответственно, в Хакасии появилась такая категория нетрудоспособных граждан, как инвалиды ВОВ. На территории Красноярского края они составили 34% от численности всех лиц с инвалидностью [9, с. 27]. На 1 ноября 1943 г. в Хакасии численность инвалидов войны составляла 2 786 чел., из них I группы – 39 чел., II группы – 1 319 чел., III группы – 1 428 чел. (Национальный архив Республики Хакасия, далее – НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 930. Л. 16). К концу войны число инвалидов существенно увеличилось: на 1 января 1945 г. на учете состояло 3 989 чел., из них I группы – 63 чел., II группы – 1 779 чел., III группы – 2 147 чел. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 39). По данным Хакасского облсобеса, на 1 января 1946 г. в Хакасской автономной области насчитывалось 5 194 инвалида ВОВ, из них I группы – 95 чел., II группы – 2 203 чел., III группы – 2 896 чел. Кроме того, на основании п. 6 Постановления СНК СССР от 20 января 1943 г. в Хакасии с пенсии были сняты 60 чел. состоявших на учете инвалидов III группы, как злостно уклонявшихся от работы (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1).

Условия жизни инвалидов войны в тылу во многом зависели от получения новой профессии и устройства на работу. В то же время государство стремилось рационально использовать труд воинов-инвалидов и придавало большое значение их трудоустройству. С выходом постановлений СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 6 мая 1942 г., «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» от 20 января 1943 г. устанавливались трудовые правоотношения солдат-инвалидов [16, с. 400–402]. С появлением законодательства, регламентировавшего процессы вовлечения инвалидов ВОВ в трудовую деятельность, политика занятости превратилась в ведущее направление деятельности органов социального обеспечения. Первая комиссия по трудоустройству инвалидов-фронтовиков в Хакасской автономной области была создана 25 мая 1942 г.

в г. Абакан, затем подобные комиссии появились в г. Черногорск и во всех районах области.

Инвалиды III группы, которые уклонялись от работы без уважительных причин, через два месяца со дня направления их на работу, как и было предписано постановлением 1943 г., снимались с пенсии, а также переводились на «иждивенческие» нормы снабжения товарами [9, с. 83]. Так, в 1943 г. в Абаканском горсобесе 40 состоявших на учете инвалидов войны III группы сняли с пенсии как злостно неработающих (НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 96. Л. 29об.). На следующий год пенсию не получали 10 инвалидов войны, отказавшихся устраиваться на работу (НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 111. Л. 55).

Повсеместное распространение получил лозунг: «Советское правительство принимает все меры к тому, чтобы инвалиды войны вернулись к труду, получили новые профессии. Вернуться к труду – это значит вернуться к жизни» [14, с. 2]. Органы социального обеспечения получали от заведующего облздравотделом и начальников госпиталей списки раненых больных (за 10 дней до выписки), подлежащих трудовому обучению при госпиталях (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 463. Л. 153). В госпиталях с инвалидами войны проводилась активная пропагандистская работа. Для данной категории населения устраивались специальные собрания с вопросами об устройстве их на работу, им зачитывали лекции на темы, посвященные всемерной заботе государства и общества о фронтовиках-инвалидах (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 118). После выписки из госпиталя инвалиды войны получали заключение врачебно-трудовых экспертных комиссий (далее – ВТЭК) о том, что могут работать, и должны были обратиться в отдел социального обеспечения по месту жительства, работники которого обязаны были отыскать работу. «Положение о ВТЭК» от 5 декабря 1942 г. позволяло комиссиям давать заключения о том, что инвалидность связана с пребыванием на фронте [7, с. 129]. Только с 1943 г. ВТЭК начали выдавать заключения о том, что человек относится к новой категории – «инвалид Отечественной войны» и что его увечье получено на фронте. На ВТЭК возлагались обязанности устанавливать степень и причины утраты трудоспособности, а также определять группу инвалидности [7, с. 130].

Многие инвалиды войны стремились вернуться к активной жизни, получить образование, обрести профессию или повысить классификацию. Они возвращались или устраивались на работу и совершали настоящие трудовые подвиги. Однако были и те, кто, обладая физическими способностями к труду, всячески уклонялся от трудоустройства и вел иждивенческий образ жизни. Эта группа инвалидов войны воспринимала себя как победителей нацизма, которым «все должны» –

семья, общество и государство. Подобное отношение порождало паразитизм, тунеядство, надежды на социальное обеспечение и льготы, которые полагались инвалидам-фронтовикам. Они уклонялись от трудовой жизни, пьянствовали, вели «аморальный иждивенческий образ жизни, занимались попрошайничеством, особенно в аграрном секторе» [9, с. 81, 264].

В Хакасской автономной области, как и в других тыловых регионах страны, трудоустройство и обучение инвалидов войны являлось одной из острых проблем. В 1942 г. при проверке обнаружилось, что созданная постоянная областная комиссия по трудоустройству инвалидов не приступила к своим обязанностям. Советские управленческие и партийные организации, областная комиссия по трудоустройству инвалидов войны, собесы, руководители предприятий и организаций нередко не справлялись с поставленными перед ними задачами по трудоустройству и материально-бытовому обеспечению этой категории населения. От инвалидов-фронтовиков в основном поступали жалобы, касавшиеся правильного назначения и своевременной выдачи пенсий. В жалобах на работников собеса в основном указывались факты волокиты, грубости и пренебрежительно-бюрократического отношения. В связи со сложившейся ситуацией Хакасский обком ВКП(б) определил комплекс мер по улучшению материально-бытового положения инвалидов войны. В течение 15 суток органы собеса должны были провести учет всех инвалидов ВОВ, как эвакуированных, так и местных жителей. В госпиталях г. Абакана, г. Черногорска и Ширинского района организовывали обучение инвалидов войны следующим специальностям: счетоводы, бухгалтера, портные, сапожники, телеграфисты, фотографы и др. Учитывая потребность в рабочей силе, руководители предприятий обязывались предоставить работу инвалидам войны в соответствии с их классификацией и способностями. Райсобесы должны были улучшить работу по назначению и выдаче пенсий инвалидам войны. На женщин и подростков возлагалась общественно-массовая работа по систематическому оказанию помощи инвалидам войны в выявлении бытовых нужд, устройстве на работу и т.д. (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1038. Л. 46).

В городах и городских поселениях при действующих промышленных предприятиях открывались мастерские, где инвалидов обучали портновскому, сапожному мастерству и др. В г. Черногорске для инвалидов войны при артели «Горняк» открылся цех для рабочих, занятых в сапожном, швейном и игрушечном производстве. Для рабочих-инвалидов войны предусматривались обще-

житие и курсы по обучению сапожному мастерству (для 20 учеников), столярному и бондарному делу (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 106об.).

В 1942 г. в г. Абакане насчитывалось 138 безработных инвалидов ВОВ. В городе наблюдалась плохая организация обучения новым профессиональным специальностям инвалидов, находившихся в госпиталях и в городе. Хотя Абаканский городской собес принимал меры для того, чтобы охватить трудоустройством всех инвалидов-фронтовиков, однако устроить на работу всех было невозможно. На партийных совещаниях отмечалось, что «руководители промышленных предприятий и учреждений не проявляли должного чуткого отношения к безработным инвалидам войны, облсбес и райгорсбесы не проконтролировали выполнение постановлений Правительства о трудоустройстве и трудовом обучении инвалидов Отечественной войны» (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 416. Л. 49; Ф. П-11. Оп. 1. Д. 96. Л. 29). В 1943 г. в Абакане получали пенсию 365 инвалидов войны. Не работали и получали пенсию – 9 чел. Всего работающих инвалидов войны было 254 чел., из них I группы – 3 чел., II группы – 74 чел., III группы – 177 чел. (НАРХ. П-2. Оп. 1. Д. 930. Л. 17об.).

Подобная проблема с устройством на работу инвалидов ВОВ сложилась в Хакасии повсеместно. Например, в Ширинском районе из 140 инвалидов войны трудоустроились только 93 чел., из 141 чел. из семей инвалидов устроились на работу 72 чел. (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 415. Л. 63). К концу 1942 г. в Усть-Абаканском районе из 262 инвалидов войны удалось трудоустроить только 130 чел. Совершенно не проводилась работа по обучению новым профессиям. В районе функционировали только 7 касс взаимопомощи вместо 26 по плану. В связи со сложившейся ситуацией председатель исполкома Усть-Абаканского райсовета Новоселов должен был обеспечить работой всех трудоспособных инвалидов войны до 15 января 1943 г., организовать трудовое обучение в госпиталях, оказать материальную поддержку всем нуждающимся инвалидам в одежде и обуви. Особое внимание уделялось инвалидам ВОВ, прибывшим из оккупированных территорий, им в первую очередь оказывалась помощь через райгорсбесы и различные фонды. Председатель Усть-Абаканского райсовета обязывался к 1 января 1943 г. организовать кассы взаимопомощи во всех колхозах района (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 464. Л. 8).

В вопросе улучшения бытовых условий на собес возлагалось обеспечение инвалидов талонами на промышленные товары, лечение и др. К трудовой деятельности нужно было привлечь всех инвалидов войны III группы и инвалидов труда III группы, отказавшихся работать по старости. С ними проводились специальные разъяснитель-

ные беседы. В результате удалось трудоустроить 73 инвалида войны и 51 инвалида труда, им выделили 15 га земли под индивидуальные огороды. Заведующему горсбесом поручались организация касс взаимопомощи, сбор задолженности по взятым ссудам, организация подсобного хозяйства при кассе взаимопомощи. Значительное внимание уделялось политмассовой работе: каждый месяц полагалось проводить общее собрание с постановкой политических докладов и лекций. Также проводились собрания и беседы по вопросам трудоустройства, материально-бытовых условий инвалидов и заслушивались отчеты руководителей предприятий. В то же время из 65 инвалидов III группы работали 59 чел., из 66 инвалидов II группы – только 14 чел. Некоторые инвалиды не желали проходить переквалификацию и уклонялись от трудоустройства. Нежелание устроиться на работу можно отчасти объяснить тем, что работники районных и городских собесов недостаточно организовали работу по профессиональному обучению инвалидов войны, часто не учитывали запросы этой категории населения и не уделяли должного внимания особенностям здоровья солдат-инвалидов. Все это вызывало со стороны инвалидов справедливое возмущение, в дальнейшем последовали жалобы на недостатки работы городских и районных собесов (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 429. Л. 89).

К 1 ноября 1943 г. всего в Хакасии устроили на работу 2 069 (74,3%) инвалидов ВОВ. Трудоустроенные инвалиды II группы составили 55%, инвалиды III группы – 94%. Специалисты Хакасского областного собеса объясняли небольшой удельный вес работающих инвалидов II группы тем, что значительная часть представителей этой группы «приехала из госпиталей и находилась в состоянии долечивания». При этом отмечалось, что «все они закреплены и приспособлены к тому или иному труду». Следовательно, как только у инвалидов войны заканчивалось лечение, они были обязаны трудоустроиться. Инвалидов войны с учетом их личного желания и места жительства привлекали к различным видам работ на предприятия и в учреждения, в колхозы и артели. Часть из них активно включилась в трудовую жизнь. В 1943 г. в Хакасии 870 работавших инвалидов войны стали стахановцами и ударниками производства. Некоторые занимали руководящие должности: председатели сельсоветов (18 чел.), председатели колхозов (25 чел.), бригадиры-руководители (69 чел.), руководители госучреждений (104 чел.) (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 930. Л. 16). Они активно включались в рабочий процесс и сумели достичь определенных успехов. Например, инвалид войны Илларион Захарович Глушко после ранения стал работать директором Усть-Уйбатской

школы Усть-Абаканского района. Он проявил себя как хороший руководитель и любящий свое дело педагог. Глушко удалось в указанные сроки провести качественный ремонт и обеспечить школу топливом [13, с. 4].

С принятием 8 июля 1944 г. постановления секретариата Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов активизировалась деятельность профсоюзов по оказанию помощи инвалидам и облегчению условий их работы. Местные профсоюзные органы обязывались содействовать созданию максимально возможных удобств в работе инвалидов путем приспособления для них станков, инструментов и другого оборудования. Трудоустроенные на предприятиях инвалиды демонстрировали отличные показатели. Например, на мясокомбинате из 37 работавших инвалидов 23 чел. стали стахановцами. Инвалиды войны, находясь еще в госпиталях, получали профессиональное обучение через специальную курсовую сеть (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 752. Л. 52).

К концу войны в городах и районах Хакасии трудоустройство инвалидов войны продолжало оставаться актуальной проблемой. В 1945 г. в г. Абакане из 507 инвалидов войны на работу устроились 393 чел., не были трудоустроены 114 чел., при этом отмечалось, что в отношении последних никаких мер по трудоустройству не предпринималось. Несмотря на получение профессии, значительная часть инвалидов занималась неквалифицированным трудом. Они работали вахтерами, сторожами, чернорабочими и др. Из всех трудоустроенных по специальности работали только 47 чел., не по специальности – 346 чел. Часть нетрудоустроенных инвалидов войны занималась спекуляцией на городском базаре и попрошайничеством по разным организациям (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1159. Л. 1). Всего в 1945 г. в г. Абакане, в Усть-Абаканском и Саралинском районах нетрудоустроенными оставались 5% инвалидов III группы, в Шарыповском и Таштыпском районах – от 3 до 4%. От райгорсобесов, предприятий, учреждений, колхозов и совхозов требовалось охватить трудовыми процессами всех инвалидов ВОВ. Невозможность полного обеспечения инвалидов-фронтовиков работой объяснялась тем, что многие районные отделы собесов слабо обсуждали с предприятиями и учреждениями такие вопросы, как трудоустройство, вакансии, условия труда и быта рабочих-инвалидов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 990. Л. 177; НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1104. Л. 103).

Большая роль отводилась получению образования или повышению квалификации инвалидов войны. С 1942 г. для студентов-инвалидов войны вводились льготы при обучении в высших учебных заведениях и техникумах. Они освобожда-

лись от платы за обучение во всех ВУЗах и средне-специальных учебных заведениях. Во время обучения предусматривались льготы для студентов-инвалидов ВОВ. Директорам учебных заведений разрешалось зачислять всех представителей данной категории на стипендию независимо от полученных ими отметок [13, с. 2]. К началу 1943 г. в г. Абакане 78 инвалидов войны прошли обучение и получили следующие профессии: счетоводы – 60 чел., пчеловоды – 10 чел., сапожники – 8 чел. В это же время обучались на счетоводов – 20 чел., на шорников – 6 чел. на киномехаников – 3 чел. (НАРХ. Ф. П-11. Оп. 1. Д. 96. Л. 29 об.).

Многие солдаты-инвалиды даже не успели окончить среднюю школу. В 1943 г. заведующему Черногорским горно Васильеву было поручено с начала учебного года организовать при средней школе специальный класс для инвалидов. После получения среднего образования инвалиды войны могли поступить в учебные заведения разного уровня, чтобы в дальнейшем продолжить образование и получить профессию (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 429. Л. 89). К 1945 г. обучение инвалидов ВОВ в Хакасии все же было недостаточно развито. Профессиональные курсы находились в основном в городах. Причем чем меньше был населенный пункт, тем меньше возможностей было получить хорошую профессию. Профессиональное образование получили 114 чел. Еще хуже организация профессионального обучения была поставлена в районах. В Бейском и Боградском районах удалось обеспечить образованием всего лишь 2 чел. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1104. Л. 103; Д. 1105. Л. 109). По отчетным документам Абаканского горсобеса за 1945 г., потребность в обучении была большая, но она не учитывалась должным образом и поэтому точные данные по городу отсутствовали. Инвалидов войны отправляли на учебу по требованию учебных комбинатов, при этом планового направления на работу не было. В г. Абакане обучение прошли и трудоустроились из рядового состава – 45 чел., из офицерского состава – 8 чел. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1159. Л. 1).

Протезно-ортопедическая помощь и специализированные учреждения

Инвалиды войны нуждались в постоянной поддержке здоровья. Им требовались лекарства, реабилитационные лечебные курсы, массажи, хорошее питание. В условиях военного времени создать комфортные условия для раненых фронтовиков было крайне сложно при недостаточности финансов и ресурсов, плохом материальном обеспечении, постоянной нехватке медицинских работников. Для содержания нетрудоспособных – тех, кто не мог жить без чьей-либо помощи (инвалиды I и II групп) – в Хакасии, как и в других ре-

гионах, организовывали специальные дома-интернаты для инвалидов войны. В подобных интернатах предусматривались медицинское обслуживание, регулярное питание, посильный труд, организация свободного времяпрепровождения и др. Согласно решению исполкома Хакасского областного совета от 1 июля 1942 г., в Ширинском районе должен был открыться дом инвалидов войны. Данное заведение, рассчитанное на 500 чел., временно разместили в помещении, переданном Ширинским лесным механическим пунктом в с. Верхний Туим (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 463. Л. 5). На деле оказалось, что спецдом инвалидов оказался в исключительно тяжелых условиях. Инвалидов войны разместили в плохо отремонтированном корпусе с постоянными перебоями в отоплении. Они не получали должного питания, культурные мероприятия с пациентами не проводились. Директор верхнетуимского спецдома инвалидов неоднократно обращался за материальной помощью к Ширинскому исполкому райсовета и в райком партии, но поддержки не получил (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 41).

В конце войны встал вопрос об организации специального госпиталя для инвалидов войны в г. Абакане. Предполагалось, что солдаты, получившие инвалидность, вернувшись с фронта, могли бы проходить реабилитацию и восстанавливаться в специализированном медицинском учреждении в городе. Уже после войны 19 октября 1945 г. крайсовет принял решение «О предоставлении здания в г. Абакане под госпиталь для инвалидов войны». Для воплощения принятого решения требовались весомые финансовые затраты: выделить помещение, рассчитанное на 400 чел., произвести капитальный ремонт, обеспечить необходимым твердым инвентарем (кровати, стулья, тумбочки и т.п.). Помимо этих затрат нужно было обеспечить больницу топливом, горючим, а весь обслуживающий персонал госпиталя – квартирами. Хакасский облсовет признавал невозможность выполнения данного решения из-за отсутствия финансовых средств и товарного дефицита. В условиях жилищного кризиса в городе за исключением зданий учебных заведений не было даже соответствующего помещения под госпиталь. В неурожайный для области год местные власти не имели возможности обеспечить инвалидов войны необходимыми продуктами питания и создать им нормальные условия для лечения. В сложившейся ситуации облсовет обратился к крайсовету и крайкому партии с ходатайством пересмотреть ранее принятое решение и не открывать госпиталь (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 995. Л. 69).

Многим инвалидам войны, получившим тяжелые ранения и увечья, требовалось протезирование. В конце 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) из-

дали постановление «Об улучшении дела по протезированию инвалидов Отечественной войны». Организацией работы по протезированию занимались органы здравоохранения и социального обеспечения. Изготовление качественных протезно-ортопедических изделий для инвалидов войны было проблемой в целом по стране. В 1942 г. в Хакасский облсобес заявки на протезы подали 102 чел. Потребность в протезах росла с увеличением количества инвалидов войны. Отсутствие собственной мастерской по протезированию побудило представителей местной власти выступить с предложением об организации в г. Абакане артели по изготовлению протезов (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 939. Л. 37об.). Летом 1943 г. официально открылась Абаканская протезная мастерская, но фактически она начала работать с осени 1943 г. Мастерская временно разместилась в ведомственном помещении Обллесхимсоюза. Предоставленная площадь помещения составляла всего 259 кв. м, что было недостаточно для работы деревообделочного и никелированного цехов, а также кузницы. В дальнейшем планировалось, что площадь мастерской будет составлять не менее 500 кв. м. Отсутствие специального пансионата и дальность расположения вокзала от протезной мастерской создавали большие неудобства для заказчиков. Доходило до того, что приезжие инвалиды прибывали с открытыми ранами на руках от костылей, т.к. приходилось самостоятельно передвигаться по городу. К концу 1945 г. протезная мастерская оставалась в прежнем помещении, работала с большими перебоями или вынужденно прекращала работу из-за нерегулярного поступления энергии. Подобные условия тормозили рабочий процесс, выпуск протезов для инвалидов войны постоянно задерживался. Директор Абаканской протезной мастерской Кузнецов обратился к секретарю Хакасского обкома партии Ф.И. Афанасьеву с просьбой содействовать отведению двух домов по Коммунистической улице, подходящих для размещения двух цехов по протезированию, и обеспечению электроэнергией с хлебозавода. Дополнительно для мастерской требовалось построить гараж для автомашины, надворную постройку для лошади (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 10). Директор протезной мастерской ссылался на то, что Абаканская протезная мастерская была единственной в области, обеспечивавшей протезно-ортопедическими изделиями инвалидов войны, и могла помочь вернуть их к полезной трудовой деятельности. Он уверял, что «можно привести массы примеров, когда инвалиды, получившие протезы, хорошо справлялись с поручениями или работой и давали образцы высокой производительности труда» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 11об.).

В 1944 г. в мастерской было занято 30 чел. (врачи, служащие, мастера, рабочие и др.). Изготовлением протезов занимались 10 рабочих, к 1945 г. предполагалось увеличить их количество до 13 чел. Большая часть заказов была на шинно-гильзовые протезы и ремонт протезных изделий. Согласно плану, всего за 1944 г. Абаканская протезная мастерская должна была выпустить: шинно-гильзовые протезы – 635 шт., прочие шинно-гильзовые протезы – 20 шт., протезы рук – 53 шт., комбинированные протезы – 60 шт., временные протезы – 67 шт., мелкие протезы – 59 шт., ортопедическая обувь – 532 пар и произвести ремонт 550 протезов. По подсчетам А.С. Ковалева, в протезных мастерских Красноярского края выработка протезов была на 30% меньше, чем полагалось по плану. Но в то же время перевыполнение обеспечивалось изготовлением временных протезов и ремонтными работами. Следует учитывать, что к началу июля 1944 г. в Абаканской мастерской работал всего один цех – сапожный, который в зависимости от сложности выпускал по 3–4 пары ортопедической обуви в день. Шорный и слесарный цеха не работали [9, с. 155, 165]. Производство сложных протезов требовало больших финансовых затрат, улучшения оборудования, качественных материалов и др.

Протезы Абаканской протезной мастерской не отличались высоким качеством. Работа по усовершенствованию протезов проводилась, но качество протезных изделий и ортопедической обуви оставалось на низком уровне. Это становилось серьезным препятствием в адаптации инвалидов к трудовой деятельности и повседневной жизни [9, с. 172]. К началу 1946 г. на медицинском учете состояли 4 567 инвалидов войны. Во всех лечебных учреждениях устанавливалось внеочередное обслуживание для этой группы населения. В Абаканской поликлинике два раза в неделю устраивалась специальная консультация, занимавшаяся отбором инвалидов, которым требовалось проведение сложных операций в стационаре (НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 12об.).

Продовольственное и промтоварное снабжение

В тяжелых условиях военного времени не представлялось возможным организовать полноценное питание для инвалидов-фронтовиков. Многие из участников боевых действий получили тяжелые ранения, были в ослабленном состоянии и нуждались в качественной и диетической пище. Ежедневный скудный и однообразный рацион не мог способствовать здоровому образу жизни. Одним из направлений социальной помощи было продовольственное снабжение. Инвалидам ВОВ полагались усиленные пайки. Продовольственным снабжением инвалидов занимались местные

власти, руководители и профсоюзные организации предприятий и учреждений. Инвалидов войны снабжали зерном, картофелем и овощами. Нередко запрашиваемых инвалидами продуктов просто не могло быть в наличии. Например, в июне 1942 г. в Боградском районе Сонский Леспродторг извещал, что «может обеспечить только теми продуктами питания, которые имеются. Но на просьбы выдать масло, мясо и другие товары Леспродторг вынужден отказать, т.к. не имеет их в наличии» (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 933. Л. 123).

Местные власти обязали руководителей столовых и буфетов городов и районных центров Хакасии организовать специальные столики для обслуживания инвалидов войны, подготовить усиленное питание для них и прикрепить к обслуживанию лучший штат официантов (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 463. Л. 153). На деле все точки общепита в условиях нехватки продуктов не могли гарантировать полноценное питание. Директора столовых были вынуждены обращаться в крайисполком и крайторгдел с просьбой о выделении муки на выпечку белого хлеба для инвалидов войны (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 79об.). В основном в столовых для данной категории населения удалось организовать только специальные столы и обслуживание вне очереди. По решению руководителей ряда предприятий в некоторых случаях для одиноких инвалидов предусматривалось питание от двух до трех раз в день. В Черногорске трест «Хакассуголь» прикрепил к столовой всех инвалидов войны, которые трудились в настоящее время или ранее работали в системе треста. Для них предназначались отдельные столы, а для бессемейных предусматривалось двухразовое питание в день. Однако чаще всего питание инвалидов войны на предприятиях, где они работали, было плохо организовано (НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 418. Л. 79).

В целом, оказываемая материально-бытовая поддержка инвалидам войны была недостаточной и несвоевременной, порой их проблемам придавалось второстепенное значение. А.С. Ковалев пишет, что «для социального бытия инвалидов стала характерной эксклюзия от возможности удовлетворить базовые потребности, ... которая дополнялась эксклюзией от социальной защищенности вследствие нарушения права на материальную помощь и социальное обеспечение» [9, с. 262]. Большинство из них продолжали испытывать необходимость в продуктах, одежде, обуви, предметах быта и др. В отчете Абаканского горсобеса за 1945 г. в июле–августе не удалось отремонтировать ни одну квартиру, где проживали инвалиды войны. Причина заключалась в отсутствии необходимых материалов: древесины, кирпича и стекла. В летне-осенний период инвалидов-фронтовиков не обеспечили топливом на зиму. Выдан-

ных промышленных товаров не хватило всем инвалидам войны, всего на 212 чел. распределили 862 м мануфактуры, в среднем по 4 м на 1 чел. (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1159. Л. 1об.).

Крайне тяжелое положение инвалидов войны сложилось в Усть-Абаканском, Аскизском и Алтайском районах. В 1945 г. от инвалидов войны поступили 1 832 жалобы об оказании материальной помощи и 189 заявлений о назначении пенсий. Из них 725 жалоб об оказании материальной помощи были удовлетворены, в 302 случаях был получен отказ, 495 жалоб не были удовлетворены из-за отсутствия товаров. Обычно все жалобы и заявления рассматривались в течение пятидневного срока. Но были редкие случаи, когда рассмотрение жалоб затягивалось: в Алтайском районе – 6 месяцев, в Ширинском районе – 3 месяца. Некоторые отчаявшиеся инвалиды войны писали жалобы в правительственные органы или конкретно на имя партийных деятелей (НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1160. Л. 4об.).

Заключение

В годы Великой Отечественной войны в Хакасии, как и по всей стране, сформировалась значительная и постоянно растущая категория инвалидов войны, что потребовало от местных органов власти масштабной работы по обеспечению их профессиональной, медицинской и социальной реабилитации. Основным направлением социальной политики государства в отношении инвалидов войны того времени было трудоустройство: устройство на работу рассматривалось как единственная возможность этой категории населения вернуться к полноценной жизни. Несмотря на создание системы обучения и квотирования рабочих мест, эта задача решалась с большими трудностями. Значительная часть трудоустроенных инвалидов работала не по специальности, на низкоквалифицированных должностях, а проблема полной занятости, особенно инвалидов II группы, так и не была решена к концу войны.

Региональная система специализированной помощи (дома инвалидов, госпитали, протезные мастерские) находилась в зачаточном состоянии и не справлялась с объемами поставленных задач. Протезно-ортопедическая помощь была малодоступной, а качество протезов – низким, что серьезно затрудняло реабилитацию и трудовую адаптацию инвалидов. В военное лихолетье материально-бытовое положение инвалидов войны, как и основной массы населения тыла, было крайне тяжелым. Обеспечить эту категорию населения полноценным питанием и товарами повседневного спроса не представлялось возможным.

Таким образом, несмотря на предпринимаемые усилия и отдельные успехи, в условиях военного времени, нехватки ресурсов и приоритета нужд

фронта государственная система не смогла обеспечить полноценную социальную и медицинскую реабилитацию инвалидов войны в Хакасии. Политика их поддержки носила во многом декларативный и фрагментарный характер, что не способствовало решению вопроса о восстановлении инвалидов войны до уровня полноценных членов общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абузярова Д.А. Социальная защита инвалидов войны в 1941–1945 гг. // Вестник Мордовского государственного университета. 2007. № 2. С. 146–150.
2. Гиниятуллина Л.М. Дома-интернаты для инвалидов войны Башкирской АССР (1942–1951 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 94–102.
3. Гришина О.А. Организация обучения и трудоустройства инвалидов Отечественной войны на Кубани в 1941–1945 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4. С. 46–52.
4. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999.
5. Кабирова А.Ш. Социальная адаптация и трудоустройство инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2. С. 173–177.
6. Карюкина Ю.В. Некоторые аспекты организации работы по реабилитации инвалидов войны в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономический и гуманитарный журнал ГАУ. 2015. № 2. С. 168–172.
7. Ковалев А.С., Яценко М.П., Пфаненштиль И.А. Экспертиза инвалидности в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 2. С. 128–135.
8. Ковалев А.С. «Американские подарки» и их роль в социальном обеспечении инвалидов в 1944–1945 гг. (на материалах Красноярского края) // X Международный Сибирский исторический форум «Сибирь и Россия: история и культура». М.: Перо, 2023. С. 495–498.
9. Ковалев А.С. Государственная социальная политика и повседневная жизнь инвалидов Красноярского края в 1941–1945 гг. Красноярск: Изд-во СФУ, 2023.
10. Ковалев А.С. Обучение и переобучение инвалидов в госпиталях Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 12. С. 2121–2134.

11. Полинский А.С. Государственная политика в области социального обеспечения и трудоустройства инвалидов войны в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2015. № 2. С. 190–199.

12. Селюнина Н.В. Социальная помощь инвалидам войны на Юге России в 1941–1945 гг. // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2012. № 2. С. 159–162.

13. Советская Хакассия. 1942. 20 августа.

14. Советская Хакассия. 1943. 28 сентября.

15. Советская Хакассия. 1943. 12 октября.

16. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 1. М.: Юриздат, 1948.

17. Хаблюева Л.Ч., Сосранова З.В. Государственная политика в области социального обеспечения инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на примере Владикавказа) // Научный диалог. 2018. № 3. С. 221–232.

18. Хисамутдинова Р.Р. Социальная помощь и поддержка инвалидов Великой Отечественной войны в Чкаловской области в 1941–1945 гг. // Героическое и трагическое лихолетье. Международная научно-практическая конференция к 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Оренбург, 23–24 мая 2025 г.): сборник статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2025. С. 283–288.

19. Чайка Е.А. Партийно-государственная политика в отношении демобилизованных и инвалидов войны в послевоенные годы (на материалах Юга России) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 5. С. 32–36.

REFERENCES

1. Abuzyarova, D.A., 2007. *Sotsial'naya zashchita invalidov voyny v 1941–1945 gg.* [Social protection of disabled veterans, 1941–1945], *Vestnik Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 146–150. (in Russ.)

2. Giniatullina, L.M., 2021. *Doma-internaty dlya invalidov voyny Bashkirskoi ASSR (1942–1951 gg.)* [Nursing homes for disabled veterans in the Bashkir ASSR, 1942–1951], *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, no. 6, pp. 94–102. (in Russ.)

3. Grishina, O.A., 2013. *Organizatsiya obucheniya i trudoustroistva invalidov Otechestvennoi voyny na Kubani v 1941–1945 gg.* [Organization of training and employment for disabled veterans of the Great Patriotic War in Kuban, 1941–1945], *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, no. 4, pp. 46–52. (in Russ.)

4. Zubkova, E.Yu., 1999. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953.*

[Post-war Soviet society: politics and everyday life, 1945–1953]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

5. Kabirova, A.Sh., 2017. *Sotsial'naya adaptatsiya i trudoustroistvo invalidov voyny v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Tatarskoi ASSR)* [Social adaptation and employment of disabled veterans during the Great Patriotic War (the case of Tatar ASSR)], *Samarskii nauchnyi vestnik*, Vol. 6, no. 2, pp. 173–177. (in Russ.)

6. Karyukina, Yu.V., 2015. *Nekotorye aspekty organizatsii raboty po reabilitatsii invalidov voyny v Krasnoyarskom krae v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Some aspects of organizing rehabilitation work for disabled veterans in the Krasnoyarsk Krai during the Great Patriotic War], *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal GAU*, no. 2, pp. 168–172. (in Russ.)

7. Kovalev, A.S., Yatsenko, M.P. and Pfanenshtil', I.A., 2022. *Ekspertiza invalidnosti v Krasnoyarskom krae v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Disability expert evaluation in the Krasnoyarsk Krai during the Great Patriotic War], *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 2, pp. 128–135. (in Russ.)

8. Kovalev, A.S., 2023. «Amerikanskii podarki» i ikh rol' v sotsial'nom obespechenii invalidov v 1944–1945 gg. (na materialakh Krasnoyarskogo kraia) [«American gifts» and their role in the social security of disabled veterans in 1944–1945 (the case of the Krasnoyarsk Krai)]. In: *X Mezhdunarodnyi Sibirskii istoricheskii forum «Sibir' i Rossiya: istoriya i kul'tura»*. Moskva: Pero, 2023, pp. 495–498. (in Russ.)

9. Kovalev, A.S., 2023. *Gosudarstvennaya sotsial'naya politika i povsednevnyaya zhizn' invalidov Krasnoyarskogo kraia v 1941–1945 gg.* [State social policy and the everyday life of the disabled veterans in the Krasnoyarsk Krai, 1941–1945]. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU. (in Russ.)

10. Kovalev, A.S., 2023. *Obuchenie i pereobuchenie invalidov v gospiyalakh Krasnoyarskogo kraia v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [Training and retraining of disabled veterans in hospitals of the Krasnoyarsk Krai during the Great Patriotic War], *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*, Vol. 16, no. 12, pp. 2121–2134. (in Russ.)

11. Polynskii, A.S., 2015. *Gosudarstvennaya politika v oblasti sotsial'nogo obespecheniya i trudoustroistva invalidov voyny v predvoennyi period i v gody Velikoi Otechestvennoi voyny* [State policy in the field of social security and employment of disabled veterans in the pre-war period and during the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstva*, no. 22, pp. 190–199. (in Russ.)

12. Selyunina, N.V., 2012. *Sotsial'naya pomoshch' invalidam voyny na Yuge Rossii v 1941–1945 gg.* [Social assistance to disabled veterans in the

South of Russia, 1941–1945], Vestnik Taganrogskogo instituta im. A.P. Chekhova, no. 2, pp. 159–162. (in Russ.)

13. Sovetskaya Khakassiya, 1942, August 20. (in Russ.)

14. Sovetskaya Khakassiya, 1943, September 28. (in Russ.)

15. Sovetskaya Khakassiya, 1943, October 12. (in Russ.)

16. Sovetskoe pravo v period Velikoi Otechestvennoi voiny. Ch. 1 [Soviet law during the Great Patriotic War. Part 1]. Moskva: Yurizdat, 1948. (in Russ.)

17. Khablieva, L.Ch. and Sosranova, Z.V., 2018. Gosudarstvennaya politika v oblasti sotsial'nogo obespecheniya invalidov voiny v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Vladikavkaza) [State policy in the field of social security for disabled veterans during the Great Patriotic War (the case of Vladikavkaz)], Nauchnyi dialog, no. 3, pp. 221–232. (in Russ.)

18. Khisamutdinova, R.R., 2025. Sotsial'naya pomoshch' i podderzhka invalidov Velikoi Otechestvennoi voiny v Chkalovskoi oblasti v 1941–1945 gg. [Social aid and support for disabled veterans of

the Great Patriotic War in the Chkalov Region, 1941–1945]. In: Geroicheskoe i tragicheskoe likholet'e. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya k 80-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine (Orenburg, 23–24 maya 2025 g.): sbornik statei. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2025, pp. 283–288. (in Russ.)

19. Chaika, E.A., 2012. Partiino-gosudarstvennaya politika v otnoshenii demobilizovannykh i invalidov voiny v poslevoennye gody (na materialakh Yuga Rossii) [Party-state policy towards demobilized soldiers and disabled veterans in the postwar years (the case of the South of Russia)], Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki, no. 5, pp. 32–36. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию /
received 28.07.2025;
рекомендована к печати /
accepted 22.08.2025*

УДК 94 (571.1/5)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/55-64>

М.В. Котляров*

СТРАТЕГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.**

Статья посвящена этнополитическим процессам в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока в период перестройки. Автор анализирует стратегии этнической мобилизации, особенности правового статуса автономий в СССР, а также ключевые события, связанные с движением за суверенизацию и повышение политико-правового статуса национальных территорий региона. По заключению автора, в переломный для СССР период этническая мобилизация в Сибири и на Дальнем Востоке носила преимущественно мирный характер. Исключительная ситуация сложилась в Тувинской АССР, где межнациональная напряженность привела к открытым столкновениям тувинцев и русских. Неагрессивная этническая мобилизация коренных народов региона опиралась на 3 основные стратегии: негативную консолидацию через манифестирование фактов несправедливых политических решений и трагических событий; позитивную консолидацию на основе возрождения этнических традиций и культуры; политическую суверенизацию, нацеленную на повышение государственного статуса автономий, закрепление особых экономических и этнокультурных прав.

Ключевые слова: этническая мобилизация, перестройка, суверенизация, межнациональные конфликты, коренные народы, Сибирь, Дальний Восток

Ethnic mobilization in Siberia and the Russian Far East (late 1980s – early 1990s): strategies and outcomes. MAXIM V. KOTLYAROV (Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

The article examines ethno-political processes in the autonomous republics, oblasts, and okrugs of Siberia and the Far East during the perestroika period. The author analyzes strategies of ethnic mobilization, features of the legal status of autonomies within the USSR, as well as key events associated with the movement for sovereignty and the elevation of the political and legal status of the region's national territories. The author concludes that during this pivotal period for the USSR, ethnic mobilization in Siberia and the Far East was predominantly peaceful, with the exception of the Tuva ASSR, where interethnic tensions led to open clashes between Tuvans and Russians. The non-aggressive ethnic mobilization of the region's indigenous peoples relied on three main strategies: negative consolidation through the highlighting of unjust political decisions and tragic historical events; positive consolidation based on the revival of ethnic traditions and culture; and political sovereignization aimed at elevating the state status of autonomies and securing special economic and ethno-cultural rights.

Keywords: ethnic mobilization, perestroika, sovereignty movement, interethnic conflicts, indigenous peoples, Siberia, Russian Far East

Введение

Период перестройки в СССР сопровождался глубоким этнополитическим кризисом, выразившимся в межнациональных конфликтах и сепара-

тизме. Вопрос о том, какую роль сыграл «триумф наций» в распаде СССР и дальнейших процессах дезинтеграции, остается одним из самых актуальных и важных для понимания переломных собы-

* КОТЛЯРОВ Максим Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия, mv_kotlyarov@mail.ru

© Котляров М.В., 2025

**Работа выполнена в рамках госзадания «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

тий конца XX в. и последующего вектора развития национализма на постсоветском пространстве.

При изучении этой темы ключевое внимание исследователи уделяли событиям в союзных республиках Закавказья, Средней Азии, Балтии, Украине, Белоруссии, Молдавии, а также национальным территориям в европейской части России – Татарстану, Башкортостану и республикам Северного Кавказа [20]. Процессы в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока проанализированы менее подробно. В настоящее время основными публикациями по этой теме являются книги по истории национальных территорий, а также диссертации, написанные в территориальных рамках отдельных автономий. В частности, опубликованы крупные научные труды по истории Алтайского края и Горного Алтая, Бурятии, Хакасии и Якутии, в которых в т.ч. описаны основные события этнополитического возрождения и движения за суверенитет [10; 11; 12; 13; 16]. Диссертации были посвящены межнациональным отношениям, национальной политике, национально-культурным символам в Алтае, Бурятии, Тыве, Агинском Бурятском и Усть-Ордынском Бурятском автономном округах, Якутии и др. [2; 3; 8; 14; 18; 19; 21]. Исследований, охватывающих широкие территориальные рамки, не имеется. Отсутствие целостной картины этнополитических процессов в Сибири и на Дальнем Востоке в период перестройки препятствует пониманию общих и специфических факторов, динамики и результатов этнополитической активности на востоке РСФСР.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать ключевые стратегии этнической мобилизации и особенности этнополитических процессов в автономных образованиях Сибири и Дальнего Востока в период поздней перестройки и распада СССР (конец 1980-х – начало 1990-х гг.). Под стратегиями этнической мобилизации мы подразумеваем основные направления и характер самоорганизации и активизации этнических групп для достижения общественно-политических и социально-экономических целей.

Особенности правового положения национальных автономий в СССР

После принятия Конституции 1977 г. в административно-территориальном устройстве СССР окончательно сложилась иерархия регионов, определявшая их правовой статус, уровень самостоятельности и полномочия. Автономные республики имели высшую форму автономии, имели свои Конституции, обладали правом на законодательную инициативу на общесоюзном уровне и имели республиканские органы государственной власти – Верховные Советы. На территории Сибири и Дальнего Востока было три автономных республики: Бурятская АССР, Тувинская АССР и Якутская АССР.

Автономные области входили в состав союзной республики или края. Внутреннее устройство регулировали законы Верховных Советов союзных республик по представлению Советов народных депутатов автономных областей. Автономные области обладали ограниченными правами в области законодательства и управления, органы власти автономии подчинялись краевым или республиканским органам власти. В Сибири и на Дальнем Востоке этот статус имели Горно-Алтайская автономная область в Алтайском крае, Хакасская автономная область в Красноярском крае и Еврейская автономная область в Хабаровском крае.

Автономные округа были наименее самостоятельной формой автономии. Они входили в состав области или края. Законы об автономных округах принимались Верховными Советами союзных республик. Органом государственной власти в автономном округе являлся Совет народных депутатов автономного округа. Округа подчинялись областным или краевым органам власти. В Сибири и на Дальнем Востоке было восемь автономных округов: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий в Тюменской области, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский в Красноярском крае, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ входил в Иркутскую область, а Агинский Бурятский автономный округ – в Читинскую область, Чукотский автономный округ находился в составе Магаданской области, Корякский – в составе Камчатской области.

Сложная многоуровневая административная система в СССР учитывала национальные особенности, но содержала ряд политических противоречий. Ключевое противоречие заключалось в формальной самостоятельности автономий. На практике автономии имели крайне ограниченные полномочия и финансовые ресурсы, подчиняясь решениям центральных партийных и государственных органов. При этом многоуровневая система управления усложняла взаимодействие между центром и автономией, затрудняла оперативное принятие решений в интересах местного населения, т.к. зачастую требовалось их обсуждение сразу на нескольких уровнях – автономии, республике и союзном.

Другое противоречие заключалось в том, что автономии были созданы по национально-территориальному принципу, но со временем доля титульных народов в этих регионах заметно снизилась из-за активной миграции и ассимиляции населения. К концу 1970-х гг. относительное большинство титульного этноса сохранялось только в Тувинской АССР и Агинском Бурятском автономном округе. В остальных автономиях Сибири и Дальнего Востока титульные этносы являлись меньшинством, а численное большинство составляли русские.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1979 г., удельный вес титульного этноса в национальном составе Бурятской АССР составлял 23%, в Тувинской АССР – 60,5%, Якутской АССР – 36,8%, Горно-Алтайской автономной области – 29,2%, Хакасской автономной области – 11,5%, Еврейской автономной области – 5,4%, Агинском Бурятском автономном округе – 52%, Усть-Ордынском Бурятском автономном округе – 34,4%, Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе – 14,9%, Эвенкийском автономном округе – 20,3%, Корякском автономном округе – 16,2%, Чукотском автономном округе – 8,1%, Ханты-Мансийском автономном округе – 3%, Ямало-Ненецком автономном округе – 10,9%.

В населенных пунктах со смешанным составом населения, особенно при наличии значительной доли молодежи, складывались условия для межнациональной напряженности. В конце 1970-х гг. в Сибири наиболее острый конфликт произошел в Якутске. В ночь с 11 на 12 июня 1979 г. случилась групповая драка между студентами якутской национальности и русскими жителями из-за того, что трое русских рабочих оскорбили четырех студентов-якутов. Ситуацию усугубили жесткие действия милиции по отношению к студентам. В конфликт было вовлечено до 150 человек, и на его урегулирование ушло несколько суток [13, с. 381].

Условия активизации этнополитических процессов в период перестройки

В историографии сложилась точка зрения, согласно которой важнейшим условием пробуждения этнического национализма в СССР стала реформа политической системы, инициированная Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. Гласность, десталинизация и демократизация вывели в публичную политическую повестку местные интересы – национальные и региональные [18, с. 418].

С 1986 г. в СССР распространились неформальные общественные объединения, в т.ч. решавшие задачи восстановления исторической правды, защиты родного языка, исторических памятников и символов. В Сибири одним из первых подобных объединений стало образовавшееся в Новосибирском Академгородке в 1986 г. общество «Память». В 1987 г. схожие по целям объединения появились в Тюмени и Иркутске. Однако русские национал-патриотические организации в период перестройки заметного влияния на общественные настроения на востоке страны не оказали, оставаясь на периферии политического процесса [7, с. 90–92].

Более значимую общественно-политическую роль сыграли неформальные объединения коренных сибирских и дальневосточных народов. С 1988 г. во всех автономиях появились этнические «общества»,

«советы», «ассоциации», «движения» и «культурные центры». В Туве был создан оппозиционный «народный фронт». В эти организации входили представители научной и творческой интеллигенции, учителя, врачи, инженеры. Лидеры неформальных этнических организаций доказывали кризисное состояние своего народа, утрату традиционного языка и культуры, а также предлагали различные меры по возрождению и развитию. Неформальные этнические объединения выступили важнейшей формой этнической мобилизации, став основными организаторами общественно-политических дискуссий, этнических съездов и новых форм институционализации этничности, таких как «Ассоциация народов Севера Якутии», «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Чукотского автономного округа», «Всебурятская ассоциацию развития культуры» и др.

Другой причиной активизации этнополитических процессов стала острая борьба между союзным и российским руководителями, в ходе которой государственный статус союзных республик и автономий стал инструментом политического давления на оппонентов. М.С. Горбачев стремился помешать возвышению Б.Н. Ельцина как российского политического лидера. Одно из направлений противодействия предусматривало ослабление единой системы государственной власти в РСФСР и делегирование всех полномочий союзному центру, что должно было снизить политическую роль российского руководства. 26 апреля 1990 г. в СССР был принят закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации», который уравнивал в правах автономные и союзные республики [9]. Тем самым РСФСР получила такие же статус и права, как Татария, Башкирия, Якутия, Калмыкия, Мордовия и еще 11 автономий. Однако Б.Н. Ельцин нашел способ противодействия этой политике. Он поддержал разработку Декларации о государственном суверенитете РСФСР, которая была принята 12 июня 1990 г. Декларация признавала необходимость расширения прав автономных республик, областей и округов. Следующим шагом стало предложение автономиям РСФСР со стороны председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина политического компромисса – берите суверенитета, сколько считаете возможным, но оставайтесь в составе страны [5]. Декларация о государственном суверенитете РСФСР и заявления Б.Н. Ельцина инициировали процесс повышения политико-юридического статуса национальных территорий.

Ключевые этнополитические события в Сибири и на Дальнем Востоке в период перестройки

В переломный для СССР период межнациональные отношения в Сибири и на Дальнем Востоке оставались относительно стабильными, события не носили ярко выраженного конфликтного характера,

общественно-политические акции не перерастали в агрессивные формы. Исключительная ситуация сложилась в Тувинской АССР, где в 1990 г. произошло обострение межнациональных отношений.

Напряженность в Туве стала заметной в 1988–1989 гг., что выразилось в росте преступности. По опубликованным данным республиканского МВД, в 1988 г. преступность на улицах республиканского административного центра Кызыла увеличилась в четыре раза по сравнению с 1987 г. В регионе число убийств выросло на 33%, краж – на 94%. Общий рост преступности стал фактором ухудшения эмоционально-психологического состояния общества. В 1989 г. ряд конфликтов между тувинской молодежью и русскими привел к тяжелым травмам. Весной – летом 1990 г. напряженность достигла пика. В это время проходили выборы народных депутатов РСФСР, республиканского и местных советов, обострившие межнациональные отношения сразу в нескольких городах и поселках со смешанным населением. В поселке городского типа Хову-Аксы, в котором располагался крупный промышленный комбинат «Тувакобальт», весной 1990 г. произошли драки между тувинской молодежью и русскими, которые переросли в погромы русских семей. В результате начался массовый отъезд русских из поселка. К августу 1990 г. из Хову-Аксы выехало 1 600 человек. Острые межнациональные конфликты также произошли в селах Сосновка, Элегест, Бай-Хаак. В селе Элегест ряд домов, где жили русские, закидали камнями и бутылками с горючей смесью.

Переломным событием в Туве стало убийство двумя тувинцами троих русских рыбаков на озере Сут-Холь 21 июня 1990 г. Одним из убитых был 14-летний подросток. Убийство вызвало большой резонанс. Русские были уверены, что преступление произошло на национальной почве. Похороны погибших в Кызыле вылились в тысячный митинг. Митингующие требовали от властей навести порядок, ужесточить борьбу с преступностью, наказать виновных в убийстве рыбаков. Местные власти признали серьезность положения, характеризуя конфликты в т.ч. как межнациональные. После напряженного 1990 г. конфликтность на национальной почве в Туве стала снижаться, в т.ч. из-за активного отъезда русских из республики [15].

Как показали исследования, сравнительно высокий уровень межнациональной конфликтности в Туве был обусловлен не только ростом этнического национализма тувинцев, но и социально-экономическими причинами. В составе населения Тувинской АССР была значительна доля тувинской сельской молодежи, с низким уровнем образования и знания русского языка. В 1980-х гг. молодежь активно мигрировала в города и крупные поселки республики, сталкивалась там с безрабо-

тицей и отсутствием жилья. Это порождало криминальное поведение и агрессию в отношении представителей других национальностей. Радиально настроенные тувинцы считали неоправданным более высокий социальный статус русских, которые были «начальниками» на предприятиях и жили в лучших условиях [14, с. 22]. В целом в 1990-е гг. именно социально-экономическое неблагополучие Тувы лежало в основе межэтнической напряженности, особенно в молодежной среде [2, с. 37–39].

Мобилизация тувинского этнического национализма в начале 1990-х гг. отражалась в деятельности общественно-политических сил и в официальных документах. Как и в других республиках, в Туве в 1990 г. обсуждался статус республики в составе СССР. Тувинская интеллигенция и общественные деятели поднимали вопрос о необходимости большей автономии. 12 декабря 1990 г. Тувинская АССР приняла Декларацию о государственном суверенитете. Этот документ провозглашал верховенство законов республики на ее территории и закреплял право на самоопределение. В 1991 г. Тувинская АССР была переименована в Республику Тува.

В 1993 г. была принята Конституция Республики Тыва, утвердившая новый статус административно-территориального субъекта в качестве суверенного демократического государства в составе Российской Федерации. Согласно Конституции, Тыва получила «право на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем всенародного референдума Республики Тыва». В дальнейшем нежелание представителей Тывы идти на добровольный отказ от самостоятельности препятствовал конструктивному договорному процессу между Республикой и Российской Федерацией [1, с. 71].

В начале 1990-х гг. в республике были созданы различные общественные организации и движения, выступавшие за интересы тувинского этноса. Такие политические объединения, как движение «Хостуг Тыва» («Свободная Тува») и «Народная партия суверенной Тывы», выступали за выход республики из состава Российской Федерации. К концу 1990-х гг. эти настроения ослабли из-за экономической зависимости республики от федерального центра.

В борьбе за расширение своих прав одной из наиболее активных республик была Якутия. Это обуславливалось экономическим развитием региона в советский период. Организованная союзным центром добыча алмазов, золота, угля в Якутии приносила в бюджет республики в конце 1980-х гг. всего порядка 4,5% прибыли предприятий, а основная прибыль поступала в министерства и ведомства союзного уровня. Вопрос об изменении экономических отношений между республикой и центром стал ключевым в ходе политических преобразований в Якутии.

В период перестройки основной вехой этого процесса стало принятие 27 сентября 1990 г. Верховным Советом Якутской АССР Декларации о государственном суверенитете. Якутия была провозглашена суверенным социалистическим государством в составе РСФСР. В Декларации устанавливались: полнота власти республики при решении вопросов государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые добровольно передаются в ведение СССР и РСФСР; право заключения с другими равноправными субъектами Федеративного договора и участия вместе с другими республиками в Союзном договоре; исключительная собственность республики на землю, ее недра, воды, леса и другие природные ресурсы на территории Якутии и плата за их использование. В феврале 1991 г. Якутская АССР была переименована в Республику Саха (Якутия).

После путча ГКЧП процесс суверенизации ускорился. В республике была учреждена должность президента, в декабре 1991 г. прошли выборы, на которых победил председатель Верховного Совета Якутской АССР М.Е. Николаев. В это время республиканские власти добивались изменений в пользу республики экономических взаимоотношений с РСФСР: 11 декабря 1991 г. вышел Указ Президента РСФСР «О полномочиях Якутской-Саха ССР в распоряжении природными ресурсами республики»; 12 декабря 1991 г. подписано «Соглашение по экономическим вопросам между Правительствами России и Якутии», в соответствии с которым республика получила дополнительные средства от собственности на природные ресурсы [13, с. 455–457].

В 1992 г. была принята Конституция Республики Саха (Якутия), которая закрепила ее статус как суверенного государства в составе Российской Федерации. Конституция провозглашала верховенство законов республики на ее территории и право на самоопределение. В Конституции подчеркивалось, что природные ресурсы Якутии являются собственностью ее народа, а их использование должно осуществляться в интересах жителей республики. Государственными языками были объявлены якутский и русский.

Следующим шагом в развитии суверенитета республики стало подписание 29 июня 1995 г. президентом РФ Б.Н. Ельциным и президентом Якутии М.Е. Николаевым «Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и республикой Саха (Якутия)». По договору Якутия получала право на часть доходов от добычи алмазов, золота и других ресурсов, что позволило инвестировать в строительство дорог, жилья и других инфраструктурных объектов. В целом борьба за суверенитет и контроль над добычей природных ре-

сурсов позволила Якутии улучшить условия жизни местного населения [13, с. 461–462].

Этнополитические процессы в Бурятии определялись стремлением бурят к консолидации этноса. Центральное место в общественно-политической дискуссии занял вопрос, связанный с решением 1937 г. о разделении Бурят-Монгольской АССР, в результате которого из состава республики были выделены Усть-Ордынский Бурятский автономный округ и Агинский Бурятский автономный округ. Они были включены в состав Иркутской и Читинской областей соответственно. Возможность пересмотра этого решения вызвала активное обсуждение. Выдвигались требования о восстановлении территориальной целостности, а также о возвращении исторического названия – Бурят-Монголия. В августе 1990 г. группа общественных деятелей и ветеранов республики направила письмо председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р.Н. Нишанову с требованием отмены акта 1937 г. и восстановления исторических границ Бурятии.

Под влиянием общесоюзного процесса суверенизации в сентябре 1990 г. в республике была разработана Декларация о государственном суверенитете. Документ был принят 8 октября 1990 г. Декларация закрепляла принципы территориальной целостности и культурного развития, провозглашала Бурятию суверенным государством в составе РСФСР, подчеркивала необходимость экономической самостоятельности, включая контроль над природными ресурсами и промышленными предприятиями. Особое внимание уделялось вопросам культурного развития, сохранения и поддержки языков и традиций всех народов Бурятии. Народ Бурятии определялся в Декларации как совокупность всех граждан республики, независимо от их национальности, что было сделано для укрепления межнационального единства и предотвращения конфликтов.

Важным шагом на пути консолидации бурят стал I Всебурятский съезд, прошедший 22 февраля 1991 г. в Улан-Удэ. На съезд прибыли 592 делегата. Съезд осудил решение 1937 г., но вопрос о территориальном воссоединении вызвал разногласия. Вместе с этим была создана Всебурятская ассоциация развития культуры для сохранения бурятского языка и традиций.

После принятия в апреле 1991 г. закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» в Бурятии начались требования признать бурятский народ репрессированным, в чем виделся путь к отмене решения 1937 г. Федеральные власти не поддержали эту инициативу, и в июне 1993 г. Верховный Совет Бурятии самостоятельно признал акт 1937 г. незаконным. К середине 1990-х гг. вопрос территориального воссоединения утратил актуальность, т.к.

власти республики сосредоточились на экономических реформах и решении социальных вопросов.

Бурятский язык получил статус государственного наряду с русским в 1992 г., когда Верховный Совет Республики Бурятия принял закон «О языках народов Республики Бурятия». Этот шаг стал важным этапом в укреплении этнокультурной идентичности бурят и признании их языковых прав в рамках многонациональной республики [11, с. 337–347].

Схожие процессы развивались в автономных областях. В Хакасской автономной области процессы суверенизации активизировались в 1988 г. благодаря неформальным общественным движениям, таким как «Тун» («Авангард») и «Гражданин». Деятельность туновцев была направлена на возрождение хакасского языка, традиций и культуры, а затем – повышение статуса Хакасской автономной области до уровня республики. Как и в других национальных территориях, это служило способом укрепления прав хакасского народа и расширения экономических возможностей для развития региона. Причем обсуждались различные варианты: от выхода из состава Красноярского края до провозглашения независимого государства. В свою очередь, «Гражданин» объединил политически активных русских жителей автономной области, которые обсуждали преимущественно социально-экономические вопросы и реформы [16, с. 543–544].

Важную роль в процессе суверенизации сыграл съезд хакасского народа 10–11 августа 1990 г. в Абакане. Ключевым вопросом был статус Хакасской автономной области. На съезде было выработано Обращение в Верховный Совет РСФСР с требованием о преобразовании Хакасской автономной области в Хакасскую Народную Республику. Соответствующее обращение также направил Совет народных депутатов автономной области. 3 июля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О преобразовании Хакасской автономной области в Хакасскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР» и область вышла из состава Красноярского края.

В Хакасии процесс суверенизации отличался политической конкуренцией между представителями титульного этноса и русскими. Это проявлялось на выборах председателя Верховного Совета Хакасии и в обсуждении декларации о государственном статусе региона. Хакасы занимали более решительную позицию, чем русские, которые не поддерживали идеи о полной независимости. После долгого обсуждения в местных СМИ, был принят компромиссный вариант декларации. Его утвердили на второй сессии Верховного Совета 6 марта 1992 г. под названием «Декларация об основных правах, полномочиях и обязательствах

Республики Хакасия в составе Российской Федерации» [16, с. 552–554].

В 1992 г. Хакасская ССР была преобразована в Республику Хакасия в составе Российской Федерации. С этого времени активно развивались программы по сохранению и популяризации хакасского языка, возрождались традиционные праздники, обычаи и ремесла. Особое внимание уделялось сохранению исторической памяти хакасского народа, включая изучение древних памятников и археологических находок в Хакасии.

В конце 1980-х гг. в Горно-Алтайской автономной области также активизировалось обсуждение возможности повышения статуса региона. 25 октября 1990 г. Горно-Алтайский областной Совет народных депутатов принял Декларацию о государственном суверенитете, в которой фиксировалось преобразование автономной области в автономную республику в составе РСФСР. Результатом политических процессов стало принятие закона РСФСР от 3 июля 1991 г. «О преобразовании Горно-Алтайской автономной области в Горно-Алтайскую Советскую Социалистическую Республику (ГАСССР) в составе РСФСР». В 1992 г. Горно-Алтайская ССР была преобразована в Республику Алтай в составе Российской Федерации. Республика получила более широкие полномочия в вопросах самоуправления, экономики и культуры. В 1991–1992 гг. формировались органы власти республики [12, с. 857–859].

Перестройка способствовала активизации общественно-политической жизни в Еврейской автономной области. Однако еврейское население к этому времени составляло всего 5%. В 1990–1991 гг. местные депутаты предпринимали попытки преобразования автономной области в Еврейскую АССР, но не могли добиться широкой поддержки. В результате самостоятельность Еврейской автономной области (без республиканского статуса) от Хабаровского края была утверждена только после подписания Федеративного договора в марте 1992 г. и была окончательно закреплена новой Конституцией России 1993 г. [17, с. 317–321]. В этот период в Еврейской автономной области были созданы программы поддержки изучения идиша и восстановления исторических памятников. Однако из-за небольшой доли еврейского населения и массовой эмиграции евреев в Израиль в 1990-е гг. эти усилия имели незначительный эффект.

Этнополитические процессы в автономных округах Сибири и Дальнего Востока в конце 1980-х – начале 1990-х гг. развивались в общем контексте процессов суверенизации. Среди автономных округов более высокого государственного статуса удалось добиться Чукотскому округу, который был частью Магаданской области. Процесс шел

при противодействии руководства Магаданской области. В конце 1980-х гг. представители коренных народов Чукотки (чукчи, эскимосы, юкагиры и другие) выступали за расширение самостоятельности в решении экономических, социальных и культурных вопросов. Чукотский окружной исполком и совет депутатов добивались повышения статуса округа до уровня автономной республики. 12 февраля 1991 г. решением сессии окружного Совета Чукотский автономный округ был преобразован в Чукотскую советскую автономную республику (ЧСАР), что предусматривало выход из состава Магаданской области. Однако Верховный Совет РСФСР такое решение не ратифицировал, оставив Чукотскую автономии в прежнем статусе. Ситуация изменилась после распада СССР. 27 мая 1992 г. в Совете Национальностей ВС РСФСР народным депутатом М.И. Эттырынтыной был анонсирован законопроект «О непосредственном вхождении Чукотского автономного округа в состав Российской Федерации». Эта инициатива получила поддержку Верховного Совета РСФСР и 17 июня 1992 г. утвержденный в окончательном варианте Советом Национальностей ВС РСФСР законопроект был подписан Президентом Б.Н. Ельциным [6]. Повышение статуса Чукотки способствовало сохранению и развитию культуры коренных народов. В регионе начали реализовываться программы по поддержке чукотского, эскимосского и других языков, а также традиционных промыслов.

16 октября 1990 г. на сессии народных депутатов Ямало-Ненецкого автономного округа была провозглашена Ямало-Ненецкая Республика в составе РСФСР и утверждена Декларация о государственном суверенитете. Принятый документ декларировал принятие Конституции Республики, двухпалатного Совета народных депутатов, национальных районов и поселков. Объявление суверенитета вызвало неоднозначную реакцию у ямальцев и не нашло одобрения у руководства Тюменской области, в которую округ на тот момент входил. На уровне РСФСР идея преобразования округа в республику также не нашла поддержки. 31 марта 1992 г. Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа раздельно подписали Федеративный договор, согласно которому все три территории стали полноправными субъектами Российской Федерации. К этому времени власти округа смогли добиться формирования самостоятельного бюджета. В округе были созданы практически все территориальные структуры федеральных органов власти – прокуратура, арбитражный суд, таможенное управление, налоговые службы и пр. Окончательно статус Ямало-Ненецкого автономного округа, но не республики, закрепила Конституция Российской Федерации 1993 г.

Ханты-Мансийский автономный округ, как и Ямало-Ненецкий, подписал федеративный договор с РСФСР в марте 1992 г. Статус округа как субъекта Федерации закрепила Конституция Российской Федерации 1993 г. Округ получил право самостоятельно решать вопросы в области экономики, социальной политики и управления ресурсами. Были приняты программы по поддержке культуры и традиционного образа жизни коренных народов (ханты, манси), включающие финансирование образовательных программ, сохранение языков и поддержку традиционных промыслов.

В остальных автономных округах Сибири и Дальнего Востока – Таймырском (Долгано-Ненецком), Эвенкийском, Корякском, Усть-Ордынский Бурятском, Агинском Бурятском автономных округах – активизировались усилия по сохранению и развитию культур коренных народов, были разработаны и утверждены программы по поддержке языков, традиций и промыслов местных этносов. Вопросы повышения статуса этих округов также обсуждались общественностью, но не получили широкой поддержки. Повышение статусов перечисленных округов произошло после распада СССР. В 1992–1993 гг. они стали равноправными участниками федеративных отношений. Правовой статус округов как субъектов федерации определялся Федеративным договором, Конституцией РФ, Уставами округов и Договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между округами и областями.

Заключение

В переломный для СССР период отличительной особенностью этнической мобилизации в Сибири и на Дальнем Востоке стал ее преимущественно мирный характер. Этническая мобилизация в автономиях развивалась в рамках постепенно расширявшейся гласности и демократизации, а ее основные результаты были закреплены юридически уже после распада СССР, что позволяет сделать вывод об управляемости этого процесса – со стороны как местных органов власти, так и этнических объединений, в составе которых ключевую роль играли представители местной этнической интеллигенции. Исключительная ситуация сложилась в Тувинской АССР, на территории которой этническая мобилизация в конце 1980-х – начале 1990-х гг. отличалась стихийной конфликтностью между тувинцами и русскими, что привело к заметному миграционному оттоку из республики русских жителей.

В свою очередь, неагрессивная этническая мобилизация сибирских и дальневосточных коренных народов имела несколько взаимосвязанных направлений. Первое было созвучно идеологии гласности и десталинизации и может быть опреде-

лено как негативная консолидация. В конце 1980-х гг. этническая интеллигенция автономий начала публичное обсуждение несправедливых политических решений, политических репрессий и фактов притеснения представителей местных этносов в советский период. Наиболее ярко эта стратегия проявилась в этнической мобилизации бурят. Для них требование об отмене решения 1937 г. о разделении Бурят-Монгольской АССР на три административно-территориальные единицы и реабилитация репрессированных стали важнейшим консолидирующим фактором. Начало этнополитическому движению народов Якутии положили инициативные группы и комитеты для сохранения экологической безопасности местных рек от загрязнения отходами промышленных предприятий. Наиболее энергично действовали комитет «Защита реки Амга» и общественно-экологический комитет «Виллюй» [8, с. 18]. На Чукотке некоторые представители местной интеллигенции делали акцент на ущемленном чувстве этнического достоинства. Они отвергали этноним «чукчи» как «придуманый русскими» и заменяли его аутентичным самоназванием «луораветланы» [22, с. 363].

Второе направление основывалось на идеях позитивной консолидации этносов через сохранение местных языков и возрождение традиционных форм духовной культуры, в т.ч. путем придания им особого государственного статуса. Это направление стало наиболее значимым для всех автономий и получило поддержку со стороны органов власти. Важную роль в процессе позитивной консолидации этносов также сыграло литературное наследие, способствовавшее национальному строительству. По предложению Союза писателей Бурятии в ноябре 1990 г. Президиум Верховного Совета республики принял постановление о юбилейных мероприятиях, посвященных 1000-летию эпоса «Гэсэр» [4, с. 35].

Третьим, самым важным, направлением этнической мобилизации стала суверенизация автономий. В повышении государственного статуса автономий представители сибирских и дальневосточных народов видели реальную возможность национального возрождения и решения широкого спектра вопросов: сохранение традиционных ценностей, культуры и исторической памяти, реализацию справедливой экономической политики, развитие самоуправления, улучшение правового положения коренных народов, сохранение экологии родного региона и др. Основными аргументами в публичных обоснованиях суверенизации выступали доводы о необходимости широких государственных полномочий и дополнительных бюджетных ресурсов для оперативного решения местных вопросов, а также об уважительном отношении к национальным территориям со стороны центра.

При этом радикальные идеи о выходе из состава РСФСР и создании независимых государств, которые так или иначе звучали во всех автономиях, не получили широкой поддержки. Это было связано с двумя ключевыми особенностями сибирских и дальневосточных автономий: дотационным характером бюджетных отношений с центром и недоминантным положением титульных этносов в национальном составе, за исключением Тувы.

Таким образом, период перестройки стал одним из важнейших этапов в процессе этнополитического развития коренных сибирских и дальневосточных народов. Под воздействием политики гласности, демократизации и процесса суверенизации за короткий промежуток времени во всех автономиях усилилась этническая консолидация, 5 автономий (Тува, Бурятия, Якутия, Горный Алтай и Хакасия) из 14 добились существенного повышения государственного статуса. В этих республиках местные этносы обладали весомым демографическим потенциалом и сильной этнической идентичностью, республики играли важную социально-экономическую и геополитическую роль, что позволило их политикам консолидировать усилия местной общественности и убедительно аргументировать свою позицию на всех уровнях власти. Остальные автономии получили статус субъектов федерации, т.е. равные права с краями и областями, по Конституции Российской Федерации 1993 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анайбан З.В., Губогло М.Н., Козлов М.С. Формирование этнополитической ситуации. Очерки истории постсоветской Тувы. М.: ЦИМО, 1999.
2. Анайбан З.В. Этносоциальные основы межэтнической напряженности в Республике Тыва в 90-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. н. М., 1999.
3. Бадмаева М.В. Осуществление государственной национальной политики в Республике Бурятия, Агинском и Усть-Ордынском Бурятских автономных округах (1985–2000 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2004.
4. Балдано М.Н. Проект нациестроительства: сводный вариант эпоса «Гэсэр» // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 31–35.
5. Борис Ельцин: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» // Президентский Центр Б.Н. Ельцина. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/>
6. Ващук А.С., Коваленко С.Г. История ответа Чукотки на вызов суверенитета. К 30-летию приобретения статуса субъекта Российской Федерации // Россия и АТР. 2021. № 4. С. 138–153.

7. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985–1991 гг.). Омск: ОмГТУ, 2004.
8. Григорьев С.А. Общественно-политическое движение коренных народов Якутии: конец 1980-х – 1990-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. н. Якутск, 2011.
9. Закон СССР от 26.04.1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=2965&ysclid=lk0p5vqhbb333423211>
10. История Алтая: в 3-х т. Т. 3. Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI в.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2019.
11. История Бурятии: в 3-х т. Т. 3. XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
12. История Республики Алтай: в 3-х т. Т. 3. Горный Алтай в советский период (1917–1991 гг.). Горно-Алтайск: НИИ алтаистики, 2023.
13. История Якутии: в 3-х т. Т. 3. XX – начало XXI в. Новосибирск: Наука, 2021.
14. Москаленко Н.П. Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2000.
15. Мышлявцев Б.А. Межнациональный конфликт 1990 г. в Туве (по материалам тувинской русскоязычной печати) // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири: сборник статей. Вып. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 80–82.
16. Очерки истории Хакасии с древнейших времен до современности. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2008.
17. Пишук М.Д. «Республики не будет». Еврейская АО и ее путь к самостоятельности в 1990–1991 гг. // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник материалов международной конференции. М.: РОССПЭН, 2019. С. 317–321.
18. Самушкина Е.В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия: конец XX – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. н. Новосибирск, 2008.
19. Топорков В.В. Формирование межнационального согласия в Республике Саха (Якутия): автореф. дис. ... канд. полит. н. М., 1998.
20. Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. Г.Н. Севастьянова. М.: Социально-политическая мысль, 2005.
21. Хамутаев В.А. Бурятское национальное движение в общественно-политическом развитии России (1980–2000-е гг.): автореф. дис. ... д. ист. н. Улан-Удэ, 2010.
22. Хаховская Л.Н. Формы мобилизации этничности на Чукотке в годы перестройки // Геология, география, биологическое разнообразие и ресурсы Северо-Востока России: материалы III Всероссийской конференции (Магадан, 12–14 октября 2016 г.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2016. С. 358–361.

REFERENCES

1. Anaiban, Z.V., Guboglo, M.N. and Kozlov, M.S., 1999. Formirovanie etnopoliticheskoi situatsii. Oчерki istorii postsovetskoi Tuvy [The formation of the ethnopolitical situation. Essays on the history of post-Soviet Tuva]. Moskva: TsIMO. (in Russ.)
2. Anaiban, Z.V., 1999. Etnosotsial'nye osnovy mezhetnicheskoi napryazhennosti v Respublike Tyva v 90-e gody [The ethnosocial foundations of inter-ethnic tension in the Republic of Tuva in the 1990s], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)
3. Badmaeva, M.V., 2004. Osushchestvlenie gosudarstvennoi natsional'noi politiki v Respublike Buryatiya, Aginskom i Ust'-Ordynskom Buryatskikh avtonomnykh okrugakh (1985–2000 gg.) [The implementation of state nationality policy in the Republic of Buryatia, Agin-Buryat and Ust-Orda Buryat Autonomous Okrugs (1985–2000)], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)
4. Baldano, M.N., 2014. Proekt natsiestroitel'stva: svodnyi variant eposa «Geser» [A nation-building project: the consolidated version of the epic «Geser»], Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 7, pp. 31–35. (in Russ.)
5. Boris El'tsin: «Berite stol'ko suvereniteta, skol'ko smozhete progлотit'» [Boris Yeltsin: «Take as much sovereignty as you can swallow»]. URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-progлотit/> (in Russ.)
6. Vashchuk, A.S. and Kovalenko, S.G., 2021. Istoriya otveta Chukotki na vyzov suvereniteta. K 30-letiyu priobreteniya statusa sub'ekta Rossiiskoi Federatsii [The history of Chukotka's response to the challenge of sovereignty. On the 30th anniversary of acquiring the status of a subject of the Russian Federation], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 138–153. (in Russ.)
7. Velichko, S.A., 2004. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri (1985–1991 gg.) [Social and political life of Siberia, 1985–1991]. Omsk: OmGTU. (in Russ.)
8. Grigoriev, S.A., 2011. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie korennykh narodov Yakutii: konets 1980-kh – 1990-e gg. [Social and political movement of the indigenous peoples of Yakutia: late 1980s – 1990s], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Yakutsk. (in Russ.)

9. Zakon SSSR ot 26.04.1990 g. O razgranichenii polnomochii mezhdru Soyuzom SSR i subektami Federatsii [USSR Law of April 26, 1990 «On the delimitation of powers between the USSR and the subjects of the federation»]. URL: <https://constitutions.ru/?p=2965&ysclid=lk0p5vqhb333423211> (in Russ.)
10. Istoriya Altaya: v 3-kh t. T. 3. Altai v noveishuyu epokhu (XX – nachalo XXI v.) [History of Altai: in 3 volumes. Vol. 3. Altai in the modern era (20th – early 21st centuries)]. Barnaul: Izd-vo AltGU, 2019. (in Russ.)
11. Istoriya Buryatii: v 3-kh t. T. 3. XX–XXI vv. [History of Buryatia: in 3 volumes. Vol. 3. 20th – 21st centuries]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2011. (in Russ.)
12. Istoriya Respubliki Altai: v 3-kh t. T. 3. Gornyi Altai v sovetskii period (1917–1991 gg.) [History of the Altai Republic: in 3 volumes. Vol. 3. Gorny Altai in the Soviet period, 1917–1991]. Gorno-Altaysk: NII altaistiki, 2023. (in Russ.)
13. Istoriya Yakutii: v 3-kh t. T. 3. XX – nachalo XXI v. [History of Yakutia: in 3 volumes. Vol. 3. 20th – early 21st centuries]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
14. Moskalenko, N.P., 2000. Osnovnye problemy etnopoliticheskoi istorii Tuvy v XX v. [Key issues in the ethnopolitical history of Tuva in the 20th century], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)
15. Myshlyavtsev, B.A., 2004. Mezhnatsional'nyi konflikt 1990 g. v Tuve (po materialam tuvinskoj russkoyazychnoi pechati) [The 1990 inter-ethnic conflict in Tuva (based on materials from the Tuvan Russian-language press)]. In: Problemy mezh-ethnicheskogo vzaimodeistviya v Sibiri: sbornik statei. Vyp. 2. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2004, pp. 80–82. (in Russ.)
16. Ocherki istorii Khakasii s drevneishikh vremen do sovremennosti [Essays on the history of Khakassia from ancient times to the present day]. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gos. un-ta, 2008. (in Russ.)
17. Pishchuk, M.D., 2019. «Respubliki ne budet». Evreiskaya AO i ee put' k samostoyatel'nosti v 1990–1991 gg. [«There will be no republic». The Jewish Autonomous Oblast and its path to independence in 1990–1991]. In: Levye ideologii, dvizheniya i organizatsii v istorii. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedeniya, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni: sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii. Moskva: ROSSPEN, 2019, pp. 317–321. (in Russ.)
18. Samushkina, E.V., 2008. Simvolicheskie i sotsio-normativnye aspekty sovremennogo etnopoliticheskogo dvizheniya Respubliki Altai, Respubliki Tyva, Respubliki Khakasiya: konets XX – nachalo XXI v. [Symbolic and socio-normative aspects of the modern ethnopolitical movement in the Altai Republic, the Republic of Tuva, and the Republic of Khakassia: late 20th – early 21st centuries], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)
19. Toporkov, V.V., 1998. Formirovanie mezhnatsional'nogo soglasiya v Respublike Sakha (Yakutiya) [Formation of interethnic harmony in the Republic of Sakha (Yakutia)], avtoreferat dissertatsii kandidata politicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)
20. Sevast'yanov, G.N. ed., 2005. Tragediya velikoi derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soyuza [Tragedy of a great power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moskva: Sotsial'no-politicheskaya mysl'. (in Russ.)
21. Khamutaev, V.A., 2010. Buryatskoe natsional'noe dvizhenie v obshchestvenno-politicheskom razvitii Rossii (1980–2000-e gg.) [The Buryat national movement in socio-political development of Russia (1980s–2000s)], avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)
22. Khakhovskaya, L.N., 2016. Formy mobilizatsii etnichnosti na Chukotke v gody perestroiki [Forms of ethnicity mobilization in Chukotka during the Perestroika years]. In: Geologiya, geografiya, biologicheskoe raznoobrazie i resursy Severo-Vostoka Rossii: materialy III Vserossiiskoi konferentsii (Magadan, 12–14 oktyabrya 2016 g.). Magadan: SVKNII DVO RAN, 2016, pp. 358–361. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию /
received 17.08.2025;
рекомендована к печати /
accepted 01.09.2025*

УДК 947:656.7(571.63)"199"

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/65-74>

Н.С. Воронцов*

**«ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ» ПРИМОРЬЯ: ПЛАНЫ ОТКРЫТИЯ НОВЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ АЭРОПОРТОВ В 1990-е гг.**

Статья посвящена анализу проектов создания второго международного аэропорта в Приморском крае в 1990-е гг. в дополнение к действующему аэропорту Владивосток (Кневичи). Автор исследует причины появления этих инициатив, их связь с геополитическими и экономическими изменениями в регионе после распада СССР, а также факторы, приведшие к их провалу. Основное внимание уделяется двум ключевым проектам: конверсии военного аэродрома в Золотой Долине для нужд СЭЗ «Находка» и амбициозному плану строительства аэропорта на искусственных территориях в Уссурийском заливе в рамках Владивостокского универсального транспортного узла. Рассматриваются также второстепенные инициативы, такие как использование военных аэродромов в Воздвиженке, Чернышевке и Хороле. Автор приходит к выводу, что крах этих проектов был обусловлен сочетанием факторов: отсутствием стабильного финансирования, бюрократическими препонами, нереалистичностью некоторых замыслов и общим экономическим кризисом 1990-х гг.

Ключевые слова: Приморский край, международные аэропорты, транспортная инфраструктура, гражданская авиация, свободные экономические зоны, инвестиционные проекты

«Castles in the air» of Primorye: plans for the new international airports in the 1990s. NIKOLAY S. VORONTSOV (Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

The article analyzes projects to establish a second international airport in Primorsky Krai during the 1990s, intended to complement the existing Vladivostok (Knevichi) airport. The author investigates the reasons behind these initiatives, their connection to the geopolitical and economic changes in the region following the collapse of the USSR, and the factors that led to their failure. The primary focus is on two key projects: the conversion of the military airfield in Zolotaya Dolina for the Nakhodka Special Economic Zone and the ambitious plan to construct an airport on artificial land in Ussuri Bay as part of the Vladivostok Universal Transport Hub. Secondary initiatives are also considered, such as utilizing the military airfields in Vozdvizhenka, Chernyshevka, and Khorol. The author concludes that the failure of these projects was due to a combination of factors: a lack of stable funding, bureaucratic obstacles, the unrealistic nature of some plans, and the general economic crisis of the 1990s.

Keywords: Primorsky Krai, international airports, transport infrastructure, civil aviation, free economic zones, investment projects

* ВОРОНЦОВ Николай Степанович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, nsv91@yandex.ru

© Воронцов Н.С., 2025

Введение

История социально-экономического развития Приморского края тесно переплетена с хроникой становления регионального транспортного комплекса, включая гражданскую авиацию, которая не раз демонстрировала свою незаменимость для жизнеобеспечения обширных и удаленных от центра страны дальневосточных территорий и их жителей. В конце XX в., когда геополитическая ситуация и экономические потребности способствовали активизации международных связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе, функция воздушных ворот Приморья была возложена на международный аэропорт Владивосток (Кневичи). С 1992 г. и по сей день он остается единственным аэропортом в Приморском крае, осуществляющим регулярные международные рейсы. Однако в новейшей истории авиации Приморья не раз поднимался вопрос об открытии второго международного аэропорта.

Большинство предложений, возникших в годы перестройки и продолжавших появляться на всем протяжении 1990-х гг., развивали идею репрофилирования аэродромов Военно-воздушных сил, а также ВВС и ПВО Тихоокеанского флота [12, с. 97–99], которые предполагалось либо перевести в режим совместного базирования, либо полностью передать в ведение гражданской авиации. Конверсия военных аэродромов должна была сопровождаться их капитальной модернизацией с привлечением отечественных (государственных либо частных) и иностранных инвестиций. Предполагалось, что эти объекты станут важными звеньями международных грузовых и пассажирских авиаперевозок. Помимо планов конверсии военных аэродромов, в начале 1990-х гг. была представлена и более амбициозная идея – строительство совершенно нового международного аэропорта на искусственных насыпных территориях в Уссурийском заливе в рамках Владивостокского универсального транспортного узла, призванного объединить морской, железнодорожный, автомобильный и воздушный транспорт.

Предложения, поток которых поступал в 1990-е гг. от органов власти и управления, регионального бизнеса и отдельных инициативных граждан, были чрезвычайно разнообразны по масштабам, экономической целесообразности и потенциальной осуществимости. Некоторые замыслы подкреплялись технико-экономическими обоснованиями, сметами и прогнозами рентабельности. Иные же представляли собой скорее «воздушные замки» и благие пожелания. Являясь не просто летописью несбывшихся надежд, но и отражением социально-экономических процессов, захлестнувших Приморье в непростой период поиска стратегии выживания и развития, данные инициативы заслуживают внимания наряду с прочими как осуществленными,

так и нереализованными проектами развития дальневосточных территорий России.

На сегодняшний день история планов создания новых международных аэропортов в Приморском крае остается недостаточно изученной. В научной литературе эти вопросы освещались преимущественно эпизодически, в контексте более масштабных проблем [5; 8; 11; 14]. Вместе с тем, исследовательский интерес к природе возникновения и «затухания» идей инфраструктурного обновления сохраняется, о чем свидетельствует, например, появление в 2024 г. коллективного труда дальневосточных историков, социологов и экономистов «Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России» [18], посвященной, в значительной степени, нереализованным замыслам 1990-х – 2000-х гг. В этой связи представляется актуальным рассмотреть проблему нераскрытого потенциала региона на примере планов интенсификации международного авиасообщения.

Несмотря на скромную историографию вопроса, дискуссия об открытии новых аэропортов в Приморье в 1990-е гг. богато отражена в источниковой базе: материалах делопроизводства региональных и муниципальных органов управления, переписке с министерствами и ведомствами, научными учреждениями и предприятиями. Важным источником являются многочисленные публикации в региональной периодической печати. На основе совокупности этих материалов в данной статье предпринята попытка воссоздать картину обсуждения перспектив новых воздушных ворот Приморья, выявить ключевых участников данного процесса, проанализировать их аргументы, исследовать факторы, помешавшие воплощению замыслов.

Аэропорт в Золотой Долине

Вопрос об открытии на юге Приморского края современного аэропорта международного класса стал предметом широкого обсуждения в конце 1988 – начале 1989 гг. в связи с разработкой планов создания зон совместного предпринимательства (ЗСП) – предшественников свободных экономических зон (СЭЗ). Идея организации таких зон, озвученная главой Советского государства М.С. Горбачевым 16 сентября 1988 г. во время его визита в Красноярск, должна была пройти апробацию в Южном Приморье [11, с. 90–91].

12 января 1989 г. на заседании научно-экономического совета Государственной внешнеэкономической комиссии (ГВЭК) при Совете министров СССР были рассмотрены предложения по созданию ЗСП на двух площадках Приморского края – в Хасанском районе и в городе Находка (с

возможным включением территории Партизанского района). Выбор места для реализации новаторского эксперимента требовал учета различных факторов, среди которых особое внимание уделялось транспортному комплексу. Находка обладала рядом преимуществ. В период, когда Владивосток был закрыт для иностранцев, именно в Находке размещались иностранные консульства (в т.ч. Генеральное консульство Японии), работали внешнеторговые организации и совместные предприятия. Опыт взаимодействия с внешним миром и уже налаженные контакты обеспечивали фундамент для запуска новых проектов [15, с. 69–70]. Кроме того, Находка располагала мощным портовым комплексом, специализированными терминалами и складскими помещениями. Город был связан железной дорогой с Транссибирской магистралью, что существенно упрощало логистику для будущей зоны совместного предпринимательства (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 95).

Вместе с тем, прямого воздушного сообщения со странами АТР город не имел. Ближайший международный аэропорт на советской территории размещался в Хабаровске. Еще один аэропорт, способный принимать крупные гражданские самолеты, располагался в Приморском крае, к северу от Владивостока, однако в конце 1980-х гг. он еще не был открыт для международных рейсов. Представители иностранного бизнеса, в частности, японские предприниматели, открывавшие в те годы советский Дальний Восток, отмечали, что вместо желаемого полтора часового прямого рейса из Японии в Находку им приходилось совершать либо морское плавание, либо путешествие, включавшее полет в Хабаровск, пересадку на поезд и долгую поездку по железной дороге. В итоге путь иностранца в ЗСП «Находка» в среднем занимал трое суток [23]. Данное обстоятельство обусловило необходимость быстрого проектирования и строительства новой воздушной гавани.

Гражданским аэродромом местных воздушных линий, пригодным для реконструкции и расширения, город не располагал. В этой связи уже в первые месяцы работы над концепцией свободной зоны члены ГВЭК обратили внимание на военные аэродромы Министерства обороны СССР, размещавшиеся в соседнем Партизанском районе. Наиболее подходящим местом представлялся аэродром ВВС Золотая Долина вблизи одноименного села в 15 км к северо-востоку от Находки. Идею использовать аэродром для гражданских авиаперевозок поддержал первый секретарь Приморского крайкома КПСС А.А. Волинцев. Партийные руководители Приморья уже в начале 1989 г. составили предварительную смету расходов, оценив первоочередные затраты на реконструкцию аэродрома

в пределах 25–30 млн руб. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 3–4). Впрочем, последующие оценки показали, что создание современного аэропорта, соответствующего международным стандартам, потребует значительно больших вложений – от 1 до 1,5 млрд руб. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 796. Л. 60).

Сформированный по итогам выборов весной 1990 г. Приморский краевой Совет народных депутатов поддержал идею создания СЭЗ в Находке с открытием международного аэропорта [8, с. 41]. Стронником подобных начинаний был новый председатель крайисполкома В.С. Кузнецов. В своей программе, озвученной на первой сессии краевого Совета в апреле 1990 г., он подчеркивал важность коренной модернизации транспортного комплекса, в т.ч. развития авиасообщения с опорой на два международных аэропорта вблизи Владивостока и Находки (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1110. Л. 111).

Несмотря на поддержку идеи руководством РСФСР, передача аэродрома на нужды СЭЗ потребовала длительных переговоров. Летом 1991 г. заместитель председателя крайисполкома В.К. Лозовой, курировавший данное направление, сообщил депутатам, что вопрос использования аэродрома в Золотой Долине все еще не прошел стадию согласования с Министерством обороны СССР, а сам министр обороны Д.Т. Язов не скрывал своего раздражения, несмотря на устное обещание содействовать передаче аэродрома. Процесс принятия решения также затягивался из-за технических вопросов, связанных с эксплуатацией и реконструкцией ВПП. Вследствие разногласий возник альтернативный вариант – в качестве площадки для будущего международного аэропорта был предложен военный аэродром Николаевка, расположенный в 50 км к северу от Находки (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1325. Л. 19, 31). В июле 1991 г. народный депутат РСФСР и одновременно председатель административного комитета СЭЗ «Находка» (далее – АК СЭЗ) И.Г. Устинов сообщил о принципиальном согласии Д.Т. Язова открыть аэродром Николаевка для приема гражданских рейсов, включая международные [7]. Ожидалось, что вопрос будет рассмотрен Кабинетом министров СССР, а затем окончательно решен Президентом СССР М.С. Горбачевым [3]. Тем не менее к моменту распада Советского Союза проект по-прежнему находился на этапе обсуждения.

В январе 1992 г. АК СЭЗ «Находка» сформировал рабочую группу по созданию акционерного общества для авиаперевозок с аэродромов Партизанского района. Сообщалось, что сменивший Д.Т. Язова во главе военного ведомства маршал авиации Е.Н. Шапошников выразил готовность открыть сразу два военных аэродрома – в Золотой Долине и в Николаевке – для гражданских самолетов [6]. Приоритет был отдан ближайшему к Находке аэродрому Золотая Долина. Вслед за

Е.Н. Шапошниковым министр обороны Российской Федерации П.С. Грачев одобрил преобразование аэродрома в аэропорт совместного базирования военной и гражданской авиации. Несмотря на финансовые трудности, проект последовательно поддерживали глава администрации Приморского края В.С. Кузнецов и сменивший его в мае 1993 г. Е.И. Наздратенко. Последний выступал за скорейшее открытие грузового авиасообщения и организацию «надежного трансконтинентального валютного транзита контейнеров» (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 53. Л. 128).

Современный аэропорт должен был соответствовать стандартам Международной организации гражданской авиации (ИКАО). В декабре 1992 г. проектный институт «Ленаэропроект» выполнил технико-экономический расчет строительства аэропорта в Золотой Долине, а институт «Дальаэропроект» занялся подготовкой технико-экономического обоснования (ТЭО) и рабочей документации. Предложения проектировщиков предусматривали удлинение ВПП с 2 до 3 км и расширение с 40 до 60 м, строительство пассажирского аэровокзала, грузового терминала, помещений для организации пограничного, таможенного, санитарного и фитосанитарного контроля, а также жилого комплекса, гостиниц, детского сада, поликлиники, магазина валютной торговли и бизнес-центра (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 53. Л. 99, 128).

Привлечением потенциальных зарубежных партнеров должен был заняться Международный фонд «Интерприватизация» [2]. Поиск инвесторов проходил на фоне обострения противоречий между администрацией Приморского края и АК СЭЗ. Е.И. Наздратенко настаивал на том, что руководители свободной зоны незаконно использовали полученные из федерального бюджета средства (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 138. Л. 17). Проведенная в январе 1994 г. ревизия деятельности АК СЭЗ за 1992–1993 гг. установила многочисленные факты нарушения финансовой дисциплины, нецелевого использования кредитных средств, неудовлетворительного ведения бухгалтерского учета по бюджетному кредиту. Еще до завершения проверки И.Г. Устинов был отстранен от руководства СЭЗ и заменен С.А. Дудником (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 139. Л. 63, 103).

Как и предшественник, новый руководитель АК СЭЗ подтвердил намерение открыть международный аэропорт на базе аэродрома Золотая Долина. С помощью инвесторов планировалось создание «крупного трансконтинентального контейнерного аэропорта с возможным учреждением свободной таможенной зоны в его пределах». К июлю 1994 г. были выполнены предварительные технико-экономические расчеты, определена смета расходов с разбивкой на две очереди. Общий

объем освоенных средств по данному проекту в 1993 г. составил 180 млн руб., а предполагаемый объем капиталовложений на 1994 г. – около 6 млрд руб. (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 149. Л. 19).

22 сентября 1994 г., вскоре после принятия Правительством России постановления «О некоторых мерах по развитию СЭЗ в Находке», предусматривавшего создание аэропорта [16], было образовано акционерное общество «Золотая Долина» под руководством В.Я. Мордовина. В его создании участвовали АК СЭЗ, комитеты по управлению имуществом города Находки и Партизанского района, АО «Восточный Порт» [14, с. 130]. В декабре того же года пресс-служба мэрии Находки сообщила о скором начале работ по реконструкции аэродрома для приема гражданских самолетов, включая «Русланы» и «Боинги» [4]. Весной 1995 г. состоялись переговоры АО «Золотая Долина» и АК СЭЗ с представителями американской компании «Lockheed Air Terminal», завершившиеся подписанием 8 апреля 1995 г. в Сан-Франциско контракта на разработку концептуального плана по преобразованию аэродрома Золотая Долина в коммерческий аэропорт [22].

К этому времени было выполнено несколько пробных рейсов гражданских самолетов с пассажирами на борту, преимущественно южнокорейскими и российскими бизнесменами. Каждый рейс требовал отдельного согласования. В газетных публикациях, несмотря на явное разочарование долгим ожиданием, вновь появился оптимизм – журналисты отмечали, что АК СЭЗ «предполагает, наконец, продемонстрировать некое реальное экономическое шевеление, а главное – наладить экономический воздушный грузовой мост между Находкой и Европой». Ожидалась также организация чартерных рейсов из стран АТР [21].

Однако ни в 1995 г., ни в 1996 г. открытия аэропорта в Золотой Долине не произошло. Технический рейс гражданского самолета с комиссией на борту был осуществлен лишь 27 марта 1997 г., когда на аэродроме совершил посадку прибывший из Хабаровска самолет Ан-12. Председатель АК СЭЗ С.А. Дудник, комментируя результаты полета, обещал скорое открытие регулярного грузового и пассажирского авиасообщения, скорую сертификацию воздушного порта по стандартам ИКАО, регулярные рейсы в Республику Корея и Китай, а также организацию транзитных перевозок Европа – Азия [1]. В 1998 г. С.А. Дудник, к тому времени ставший председателем Думы Приморского края, не упускал возможность в своих интервью подчеркнуть важность проекта для региональных властей и бизнеса, уверенно заявляя, что «программа конверсии военного аэродрома воплощается» [19].

Однако в конце года ситуация изменилась: АО «Золотая Долина» и его генеральный директор В.Я. Мордовин стали фигурантами громкого финансового скандала, который вскоре перерос в уголовное дело, связанное с очередным нецелевым использованием кредитов, выделенных АК СЭЗ «Находка» для конверсии аэродрома. Арест В.Я. Мордовина в Москве 17 марта 1999 г. и последовавшее длительное разбирательство окончательно подорвали доверие к затратному и неоднозначному проекту [22]. В результате работа над проектом строительства международного аэропорта была заморожена. Спустя десятилетия, по состоянию на 2025 г., город Находка по-прежнему не имеет собственной воздушной гавани.

Международный аэропорт на искусственных территориях

Еще одно предложение по созданию международного аэропорта в Приморском крае было выдвинуто в 1992 г. товариществом с ограниченной ответственностью «Восток-Транзит», созданным бывшим председателем Владивостокского горисполкома Е.М. Блиновым и специализировавшимся на грузовых перевозках. Идея «Восток-Транзита» заключалась в строительстве Владивостокского универсального транспортного узла (ВУТУ) на берегу Уссурийского залива, а также на искусственных территориях, которые предстояло «отвоевать» у моря путем отсыпки грунта. Здесь, на юго-восточной окраине Владивостока, прежде занятой преимущественно объектами Министерства обороны, золоотвалом ТЭЦ и городской свалкой, предполагалось возвести бизнес-центры, гостиницы, склады, причалы и уходящие далеко в море молы-волноломы. Эти волноломы и должны были послужить платформой для размещения взлетно-посадочных полос (ВПП) нового международного аэропорта.

Предварительное ТЭО масштабного проекта, разработанное по заказу «Восток-Транзита» компанией «МИДА» в сотрудничестве с московской фирмой «Сим-Ресурс», было представлено на рассмотрение городским, краевым и федеральным властям в середине 1992 г. Этот документ можно рассматривать как своеобразное зеркало эпохи, отразившее в себе парадоксы переходного периода – смешение стилей и подходов, чередование советской бюрократической фразеологии с терминами-неологизмами, заимствованными из англоязычного дискурса. Предложенный концепт аэропорта в составе ВУТУ не имел аналогов в советской практике проектирования и строительства крупных аэропортов. Авторы идеи обосновывали свое предложение мировым опытом, не называя конкретный прообраз (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 54. Л. 77). По своей компоновке, прежде всего –

расположению ВПП и предполагаемой траектории захода самолетов на посадку – он напоминал международные аэропорты Гибралтара и Гонконга (Кайтак). Не исключено, что сотрудников «Восток-Транзита» и организаций-партнеров вдохновил также строящийся в те годы аэропорт Кансай вблизи города Осака, целиком размещенный на искусственном острове.

Аэропорт ВУТУ предназначался для обслуживания как пассажирских, так и грузовых воздушных судов. Необходимость его создания в дополнение к уже существующему аэропорту Владивосток (Кневичи) была обоснована нормами градостроительства, которые предписывали сооружение второго воздушного порта в городах с населением более 800 тыс. чел. В реальности Владивосток не достиг этой отметки, хотя прогнозы 1980-х гг. действительно предполагали демографический рост, косвенно создавая дополнительные аргументы для строительства второго аэропорта. Помимо внутренних потребностей региона авторы идеи учли международный фактор, предложив включить аэропорт в особую «экстерриториальную зону», свободную от пошлин и визовых ограничений для иностранных граждан. Среди намеченных к сооружению объектов транспортного узла аэропорт занимал одну из ключевых позиций. Его строительство предполагалось осуществить в два этапа: в 1993–2000 гг. построить и ввести в эксплуатацию ВПП и аэровокзальный комплекс, в 2000–2010 гг. – расширить пропускную способность аэропорта, доведя годовой пассажиропоток до 2,5 млн чел. В концепте аэропорта были предусмотрены аэровокзальный комплекс, 3–4 ВПП, рулежные дорожки, зона стоянки самолетов, вертолетная площадка и ангары для технического обслуживания авиатехники. Авторы проекта полагались на естественный звукопоглощающий барьер из лесов по периметру аэродрома и окружающих сопков, а также звукопоглощающие сооружения. Они также предложили оснастить аэропорт устройствами для разгона туманов над Уссурийским заливом (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 54. Л. 76–79).

Подготовленные «Восток-Транзитом» материалы были изучены в администрации Приморского края и отправлены в Москву. Курировавший переписку по данному проекту вице-президент России А.В. Руцкой дал поручение Министерству транспорта детально изучить представленные документы и эскизные проработки. В марте 1993 г. заместитель министра транспорта А.В. Клевцов отметил, что замысел «заслуживает внимания» и может стать значимым шагом в развитии транспортной инфраструктуры региона, однако ТЭО нуждается в доработке (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 54. Л. 106–107).

Обсуждение планов открытия нового аэропорта во Владивостоке происходило на фоне тяжелых испытаний, обрушившихся на действующий аэропорт Владивосток (Кневичи). Несмотря на то, что на основании распоряжения Правительства России от 17 июля 1992 г. он получил статус международного [17], управлявшее им Владивостокское авиапредприятие под руководством В.А. Сайбеля с трудом изыскивало ресурсы, необходимые для стабильной работы. Острейшей проблемой являлся дефицит авиатоплива из-за роста цен, нехватки сырья на нефтеперерабатывающих заводах, развала системы государственной поддержки авиапредприятий. В июле 1992 г. [10] и в августе 1993 г. аэропорт Владивосток был на грани полной остановки авиасообщения из-за отсутствия горючего (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 52. Л. 16).

В условиях хронического дефицита ресурсов идее нового аэропорта, как и всему проекту ВУТУ, предстояло доказать свою жизнеспособность градостроительному совету при городском управлении архитектуры и градостроительства Владивостока. К экспертизе были привлечены специалисты Летно-исследовательского института им. М.М. Громова (г. Жуковский, Московская область), института «Ленгипрогор» (г. Санкт-Петербург), институтов ДВР РАН и ряда отраслевых институтов и организаций Приморья.

В течение весны и лета 1993 г. краевые и городские власти получили экспертные заключения. Эксперты почти единодушно критиковали воздушный компонент ВУТУ. В замечаниях «Ленгипрогора» отмечался неудачный выбор площадки для строительства аэропорта в районе действующей Владивостокской ТЭЦ-2. Кроме того, проектируемая жилая зона Владивостока пересекалась с зоной подлета самолетов. Важными упущениями также были признаны отсутствие продуманной схемы транспортного сообщения между аэропортом и центром города, несоответствие отведенных под ВПП участков требованиям безопасности полетов. Заключение, подписанное главным инженером института В.А. Щетинским, однозначно указывало на неприемлемость строительства аэропорта в данном месте. Специалисты Летно-исследовательского института им. М.М. Громова также настаивали на необходимости переработки всего раздела, посвященного международному аэропорту, обратив внимание на недостаточную длину ВПП и указав на абсурдность размещения воздушной гавани в зоне частых туманов (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 219. Л. 116, 125).

На заседании градостроительного совета 24 мая 1993 г. и в ходе последовавшего обмена мнениями были озвучены и другие принципиальные замечания, поставившие под сомнение целесооб-

разность всего концепта транспортного узла. В частности, заместитель начальника краевого управления градостроительства и городского хозяйства В.В. Аникеев указал на нереальность запланированных сроков и сметы строительства, а также усомнился в самой возможности создания искусственных территорий и размещения на них аэропорта. Он иронично отметил, что «авторы концепции забежали вперед на 30–50 лет в своих фантазиях» (ГАПК. Ф. 85. Оп. 9. Д. 219. Л. 107).

Краевые власти, в сравнении с городскими, более благосклонно отнеслись к проекту. 25 августа 1993 г. администрация Приморского края «в предварительном порядке» сочла возможным согласование строительства, но при этом поставила условия: компании-проектировщику следовало разработать полное ТЭО, предоставив не менее двух его вариантов, учесть затраты на корректировку генплана Владивостока, согласовать свои предложения с Владивостокским авиапредприятием и Министерством транспорта России (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 54. Л. 110). Однако, несмотря на осторожную поддержку краевых властей, а также интерес некоторых чиновников федерального уровня, необходимыми ресурсами для воплощения своих замыслов «Восток-Транзит» не располагал. Отечественные и зарубежные инвесторы, способные поддержать реализацию концепции Владивостокского универсального транспортного узла либо отдельных его элементов, так и не были найдены. Планы постройки международного аэропорта у кромки океана остались невоплощенными.

Идеи «второго плана»: Воздвиженка, Чернышевка, Хороль, Сухая Речка

Кроме вышеназванных замыслов, в течение 1990-х гг. обсуждались планы сооружения международных аэропортов в других уголках Приморья. Среди прочих предложений внимания заслуживает проект создания гражданского аэропорта на базе стратегического аэродрома дальней авиации ВВС России в поселке Воздвиженка в 12 км к северу от города Уссурийска.

В очерке исследовательницы транспорта из Тихоокеанского института географии ДВО РАН Р.В. Вахненко, опубликованном в 1998 г., именно этот проект оценивался наиболее комплиментарно, поскольку обладал хорошими стартовыми условиями: высокими техническими характеристиками ВПП, позволявшими принимать все типы самолетов, используемых на международных маршрутах, удобным положением вблизи города Уссурийска и крупного железнодорожного узла, наличием автодорог, соединяющих аэродром с городами и портами Приморья, а также приграничными территориями Китая. «Потенциальные возможности аэро-

порта огромны, – отмечала Р.В. Вахненко, – на первоначальном этапе он сможет стать крупнейшим пунктом обработки международных грузов и перерабатывать до 12 тыс. тонн грузов, а в будущем довести объем переработки до 100 тыс. тонн». По ее оценке, после реконструкции аэродром Воздвиженка мог взять на себя функции транзитного пункта для заправки транспортных самолетов, совершающих межконтинентальные перелеты из Северной Америки в Европу. В перспективе аэропорт под Уссурийском мог развивать и пассажирские перевозки [5, с. 43–44].

В конце 1997 г. подготовкой реконструкции аэродрома в Воздвиженке занялось ОАО «Уссурийский аэропорт». По замыслам его учредителей, озвученным исполнительным директором компании В.А. Ерукаевым, новый аэропорт должен был занять нишу грузовых авиаперевозок, избегая при этом прямой конкуренции с более крупным аэропортом Владивостока в области пассажирского авиасообщения. В рамках этой концепции предполагалось, что Уссурийский аэропорт сможет работать в тандеме с Владивостокским, образовав единый Южно-Приморский аэроузел. Аэропорт в Воздвиженке мог бы взять на себя значительную часть «северного завоза», обеспечив доставку грузов в населенные пункты северной зоны Дальнего Востока России.

Для реализации своих планов компания намеревалась привлечь инвестиции в размере 30 млн долл. США. Две трети от этой суммы планировалось получить в виде кредита, а оставшуюся треть – заработать за счет эксплуатации аэропорта после пуска его первой очереди. ОАО «Уссурийский аэропорт» рассчитывало на поддержку иностранных инвесторов, возлагая особые надежды на Европейский банк реконструкции и развития. Представители компании обещали, что аэропорт сможет принести первую прибыль уже во второй половине следующего, 1998 г., при согласии главнокомандующего Военно-воздушными силами на совместное базирование военной и гражданской авиации [25].

Помимо проектов использования для гражданских нужд военных аэродромов вблизи крупных городов, возникали и более экзотические идеи. Так, еще в сентябре 1992 г. в краевой газете «Утро России» была опубликована заметка жителя города Арсеньева А. Чирко с предложением открыть международный аэропорт вблизи села Чернышевка Анучинского района на базе аэродрома Министерства обороны. «Международный аэропорт, способный принимать “Боинги”, – вот что вдохнет новую жизнь в этот уголок Приморья», – утверждал автор. Свой замысел он обосновал загруженностью аэропортов Владивостока и Хабаровска, а также задержкой в строительстве нового международного аэропорта в Золотой Долине. В числе

преимуществ Чернышевки им называлась проходящая вблизи села автодорога и железнодорожная ветка Сибирцево – Новочугуевка, наличие в 20 км разезда Тихоречное с резервуарами, пригодными для хранения авиатоплива. По словам А. Чирко, летом 1992 г. он познакомил со своими соображениями начальника управления экономики и планирования администрации Приморского края В.Н. Пименова, который с интересом отнесся к этому предложению [24]. Однако обращение к властям и публикация в прессе не способствовали воплощению идеи в жизнь.

Среди возможных локаций для размещения международного аэропорта рассматривался и военный аэродром вблизи поселка Хороль – восточная запасная посадочная площадка для космических кораблей типа «Буран». Данный аэродром находился в приемлемом состоянии благодаря проведенной в середине 1980-х гг. капитальной реконструкции его ВПП, удлинненной до 4,5 км, расширенной до 60 м и оборудованной трехслойным бетонным покрытием, что обеспечивало необходимые условия для приема всех типов воздушных судов [5, с. 44].

Еще одно предложение по открытию нового аэропорта рассматривалось в контексте обсуждения проекта строительства Приморского нефтегазового комплекса на юге края в 1998–2000 гг. При подготовке перечня инвестиционных проектов Комитет по организации строительства, помимо самого комплекса, предложил предусмотреть в числе объектов внешней инфраструктуры новый аэропорт, именуемый в переписке «Владивосток II». Пунктом размещения аэропорта должен был стать бывший военный аэродром Сухая Речка в Хасанском районе Приморского края. Дальнейшая судьба этого предложения в документах не отразилась. Практических шагов по его воплощению также не последовало (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 753. Л. 57).

Подобные идеи не были уникальны для Приморья и в исследуемый период встречались и в других дальневосточных субъектах России. Так, в 1994 г. власти Хабаровского края в качестве перспективного проекта рассматривали возможность реконструкции аэропорта Советская Гавань (Май-Гатка) и его включения в Ванинско-Совгаванский международный транспортный узел (Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-353. Оп. 10. Д. 1495. Л. 60). Однако именно Приморье выделялось многообразием предложений, порой слабо согласованных между собой, грозящих распылением и без того незначительных ресурсов, жизненно необходимых гражданской авиации региона. Увлечение планами открытия новых международных аэропортов совпало с тяжелейшим кризисом местного воздушного сообщения, обернувшимся закрытием многих малых аэропортов в крае [9, с. 121, 126], а также топ-

ливным кризисом, ударившим по международному аэропорту Владивосток.

Так, в феврале 1995 г. Владивостокский аэропорт, как и двумя годами ранее, вновь оказался на грани полной остановки полетов из-за острой нехватки авиатоплива. Руководителю ОАО «Владивосток-Авиа», образованного годом ранее на базе прежнего Владивостокского авиапредприятия, В.А. Сайбелю пришлось обращаться за помощью к командующему ВВС и ПВО Тихоокеанского флота, а также срочно искать новых поставщиков горючего [13].

В этой связи не вызывает удивления скептическое отношение самого В.А. Сайбеля к многочисленным предложениям открыть новые международные аэропорты в Приморье. В декабре 1997 г. на вопрос журналиста о перспективах сооружения аэропортов под Находкой и Уссурийском он ответил, что «поражен близорукостью некоторых, даже весьма ответственных руководителей, которые в условиях тотального отсутствия финансовых возможностей в крае ведут какие-то игры вокруг то Золотой Долины, то Уссурийского аэропорта». В противовес им В.А. Сайбель предлагал «собрать средства в кулак» и сосредоточиться на модернизации аэропорта Владивосток, в т.ч. завершить строительство международного аэровокзала [20].

Несмотря на новые испытания, вызванные экономическим кризисом 1998 г. и повлекшие за собой сокращение штата сотрудников, отмену части международных и внутренних рейсов, аэропорт Владивосток и ОАО «Владивосток Авиа» в целом сумели преодолеть трудности и завершить ранее начатые работы. Так, 4 марта 1999 г. был открыт международный пассажирский аэровокзал аэропорта Владивосток, построенный по проекту южнокорейской корпорации «Хендэ» и российского института «Дальаэропроект» [9, с. 155]. Это событие не только имело практическое значение, но и оказалось весьма символичным, практически совпав по времени с прекращением работ над альтернативными проектами международных аэропортов в регионе. Новый XXI в. аэропорт Владивосток встретил в статусе единственной международной воздушной гавани Приморья.

Заключение

Следует признать, что попытки реализации всех представленных в данном исследовании планов открытия новых международных аэропортов в Приморском крае в итоге зашли в тупик. Поток предложений, концептов и замыслов, поступающих от региональных и муниципальных органов власти, коммерческих структур и равнодушных граждан, был поглощен водоворотом финансового и организационного хаоса.

Многие инициативы, изначально лишённые серьёзной экономической основы, поддержки со стороны влиятельных политических и финансовых кругов, остались лишь на страницах бюрократической переписки и газет. Другие проекты, имевшие, на первый взгляд, более проработанную базу, также столкнулись с непреодолимыми препятствиями. Являясь лишь элементами более масштабных, но вместе с тем чрезвычайно неоднозначных в плане реалистичности и целесообразности замыслов (СЭЗ «Находка», Владивостокский универсальный транспортный узел, Приморский нефтегазовый комплекс), они неизбежно разделяли все связанные с ними трудности. В отрыве же от них «авиационный компонент» также оказался нежизнеспособным. В том редком случае, когда аэропорт мог вписаться в уже существующий транспортно-логистический узел, как ожидалось с Уссурийским аэропортом, его реализации воспрепятствовали общие для большинства крупных инфраструктурных проектов 1990-х гг. проблемы: не найдя в атмосфере экономической нестабильности поддержки ни на региональном, ни на федеральном уровне, он был обречен стать очередным «воздушным замком». Расчет на привлечение иностранных инвестиций оказался неоправданным: масштабные и дорогостоящие работы по созданию новых аэропортов никто из потенциальных зарубежных партнеров финансировать не желал. Оставшись один на один с проблемами поиска стратегии выживания, гражданская авиация Приморья была вынуждена с трудом изыскивать средства для поддержания работы уже существующих аэропортов, в первую очередь – международного аэропорта Владивосток (Кневичи). В итоге опасность распыления крайне ограниченных ресурсов, непродуманность проектов, неспособность государства оказать действенную помощь и незаинтересованность инвесторов обусловили крах планов по открытию новых международных аэропортов в Приморском крае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещенко С. Открыт воздушный коридор для свободной экономической зоны // Владивосток. 1997. 4 апреля. С. 4.
2. Американцев заинтересовал проект «Аэропорт» // Находка. 1993. Апрель. С. 2.
3. Аэродром для зоны // Красное знамя. 1991. 16 июля. С. 1.
4. Аэродром «Золотая Долина» – для гражданских нужд // Находкинский рабочий. 1994. 6 декабря. С. 1.
5. Вахненко Р.В. Дальний Восток: международное сотрудничество в области транспорта // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. 1998. № 4. С. 36–45.

6. Воздушные ворота СЭЗ // Советское Приморье. 1992. 1 февраля. С. 1.
7. Военный аэродром для гражданских самолетов // Владивосток. 1991. 11 июля. С. 7.
8. Воронцов Н.С. Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: исторический очерк // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 31–44.
9. Гражданская авиация Приморья. Из века в век. Владивосток: Rollfilm, 2002.
10. Закрыт аэропорт «Владивосток»: нет горючего для самолетов // Утро России. 1992. 17 июля. С. 2.
11. Иванов С.А. Советские свободные экономические зоны как идея развития // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 86–103.
12. Колесниченко К.Ю. Военная авиация в Приморье в 1980-е – 2000-е годы: военно-политический и социальный аспекты // Ойкумена. Регионоведческие исследования. №. 3. 2013. С. 95–105.
13. Кутенких Н. Владимир Сайбель: Прошу у пассажиров прощения // Владивосток. 1995. 14 февраля. С. 3.
14. Лаврентьев А.В. Условия реализации международных транспортных проектов на Дальнем Востоке России (1990-е гг. – нач. XXI в.) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2011. № 2. С. 124–132.
15. Наумов Ю.А. Исторические аспекты становления города Находка // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 2. С. 61–76.
16. Постановление Правительства Российской Федерации № 1033 от 08.09.1994 г. «О некоторых мерах по развитию СЭЗ в Находке» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 20. Ст. 2279.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.07.1992 г. № 1304-р «Об открытии аэропорта Владивосток (Кневичи) для международных полетов» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 4. Ст. 211.
18. Савченко А.Е. и др. Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России. М.: Common Place, 2024.
19. Сергей Дудник силен на длинных дистанциях // Конкурент. 1998. 27 января – 3 февраля. С. 10.
20. Старицын В. Владимир Сайбель: «Я ни на кого не уповаю» // Конкурент. 1997. 2–7 декабря. С. 4.
21. Тузюк В. Железные птицы из Золотой Долины // Владивосток. 1995. 4 марта. С. 1.
22. Тузюк В. Рейсы аэропорта «Золотая Долина»: Госдума, «Белый дом», тюрьма // Владивосток. 1999. 15 сентября. С. 1, 7.
23. Фокин Г. Три года разговоров... // Находка. 1991. 25 июня. С. 3.
24. Чирко А. Аэропорт... в Чернышевке? // Утро России. 1992. 10 сентября. С. 1.
25. Яковлев К. Появится ли в Приморье новый аэропорт? // Владивосток. 1997. 21 ноября. С. 6.

REFERENCES

1. Aleshchenko, S., 1997. Otkryt vozdushnyi koridor dlya svobodnoi ekonomicheskoi zony [Air corridor opened for the free economic zone], Vladivostok, 1997, April 4, p. 4. (in Russ.)
2. Amerikantsev zainteresoval projekt «Aeroport» [Americans got interested in the «Airport» project], Nakhodka, 1993, April, p. 2. (in Russ.)
3. Aerodrom dlya zony [An airfield for the zone], Krasnoe znamya, 1991, July 16, p. 1. (in Russ.)
4. Aerodrom «Zolotaya Dolina» – dlya grazhdanskikh nuzhd [Zolotaya Dolina airfield – for civilian needs], Nakhodkinskii rabochii, 1994, December 6, p. 1. (in Russ.)
5. Vakhnenko, R.V., 1998. Dal'nii Vostok: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti transporta [Russian Far East: international cooperation in the field of transport], Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi akademii ekonomiki i upravleniya, no. 4, pp. 36–45. (in Russ.)
6. Vozdushnye vorota SEZ [Air gateway of the free economic zone], Sovetskoe Primor'ye, 1992, February 1, p. 1. (in Russ.)
7. Voennyi aerodrom dlya grazhdanskikh samoletov [Military airfield for civilian aircrafts], Vladivostok, 1991, July 11, p. 7. (in Russ.)
8. Vorontsov, N.S., 2018. Nerealizovannye projekty svobodnykh ekonomicheskikh zon v Primor'ye: istoricheskii ocherk [Unrealized projects of special economic zones in Primorye: a historical overview], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 31–44. (in Russ.)
9. Grazhdanskaya aviatsiya Primor'ya. Iz veka v vek [Civil aviation of Primorye: from century to century]. Vladivostok: Rollfilm, 2002. (in Russ.)
10. Zakryt aeroport «Vladivostok»: net goryuchego dlya samoletov [Vladivostok airport closed: no fuel for aircraft], Utro Rossii, 1992, July 17, p. 2. (in Russ.)
11. Ivanov, S.A., 2021. Sovetskie svobodnye ekonomicheskie zony kak ideya razvitiya [Soviet special economic zones as an idea for development], Rossiya i ATR, no. 1, pp. 86–103. (in Russ.)
12. Kolesnichenko, K.Yu., 2013. Voennaya aviatsiya v Primor'ye v 1980-e – 2000-e gody: voennopoliticheskii i sotsial'nyi aspekty [Military aviation in Primorye in the 1980s – 2000s: military-political and social aspects], Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya, no. 3, pp. 95–105. (in Russ.)
13. Kutenkikh, N., 1995. Vladimir Saibel': Proshu u passazhirov proshcheniya [Vladimir Saibel: I apologize to the passengers], Vladivostok, February 14, p. 3. (in Russ.)

14. Lavrentiev, A.V., 2011. Usloviya realizatsii mezhdunarodnykh transportnykh proektov na Dal'nem Vostoke Rossii (1990-e gg. – nach. XXI v.) [Conditions for the implementation of international transport projects in the Russian Far East, the 1990s – early XXIst century], *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 124–132. (in Russ.)
15. Naumov, Yu.A., 2014. Istoricheskie aspekty stanovleniya goroda Nakhodka [Historical aspects of the making of the city of Nakhodka], *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 61–76. (in Russ.)
16. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii № 1033 ot 08.09.1994 g. «O nekotorykh merakh po razvitiyu SEZ v Nakhodke» [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1033 of September 8, 1994 «On certain measures for the development of the free economic zone in Nakhodka»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1994, no. 20, article 2279. (in Russ.)
17. Savchenko, A.E. et al., 2024. Potentsial'nyi Dal'nii Vostok. Kak rastsvetayut i ugasayut proekty razvitiya v samom bol'shom regione Rossii [Potential Far East: How development projects flourish and fade in Russia's largest region]. Moskva: Common Place. (in Russ.)
18. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17.07.1992 g. № 1304-r «Ob otkrytii aeroporta Vladivostok (Knevichi) dlya mezhdunarodnykh poletov» [Order of the Government of the Russian Federation No. 1304-r of July 17, 1992 «On the opening of Vladivostok Airport (Knevichi) for international flights»], *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1992, no. 4, article 211. (in Russ.)
19. Sergei Dudnik silyon na dlinnykh distantsiyakh [Sergei Dudnik: strong in long-distance races], *Konkurent*, 1998, January 27 – February 3, p. 10. (in Russ.)
20. Staritsyn, V., 1997. Vladimir Saibel': «Ya ni na kogo ne upovayu» [Vladimir Saibel: «I rely on no one»], *Konkurent*, December 2–7, p. 4. (in Russ.)
21. Tuzyuk, V., 1995. Zheleznye ptitsy iz Zolotoi Doliny [Iron birds from the Golden Valley], *Vladivostok*, March 4, p. 1. (in Russ.)
22. Tuzyuk, V., 1999. Reisy aeroporta «Zolotaya Dolina»: Gosduma, «Belyi dom», tyur'ma [Flights from «Golden Valley» airport: State Duma, White House, prison], *Vladivostok*, September 15, pp. 1, 7. (in Russ.)
23. Fokin, G., 1991. Tri goda razgovorov... [Three years of talk...], *Nakhodka*, June 25, p. 3. (in Russ.)
24. Chirko, A., 1992. Aeroport... v Chernyshevke? [An airport... in Chernyshevka?], *Utro Rossii*, September, 10, p. 1. (in Russ.)
25. Yakovlev, K., 1997. Poyavitsya li v Primor'e novyi aeroport? [Will a new airport appear in Primorye?], *Vladivostok*, November 21, p. 6. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию /
received 18.07.2025;
рекомендована к печати /
accepted 15.08.2025*

АНТАГОНИЗМ ИЛИ СРОДСТВО? СООТНОШЕНИЕ АНТИЧНОГО *TECHNE* И СОВРЕМЕННОГО КОНЦЕПТА ТЕХНИКИ

В статье реконструируется смысловое содержание античного *techne* и предпринимается попытка раскрыть его связь с концептом техники в современной философии. При реконструкции смысла античного *techne* основное внимание уделяется размышлениям Платона и Аристотеля. Автор анализирует эпистемологический, онтологический и антропологический аспекты *techne*, в т.ч. через проблематизацию его оппозиции с понятиями *episteme* и *physis*. В ходе исследования подвергаются проверке гипотезы о возможном тождестве, различии и сродстве античного *techne* и современного концепта техники. С этой целью автор привлекает к анализу различные подходы к концепту техники, включая принцип органопроекции (Э. Капп, М. Маклюэн), акторно-сетевую теорию (Б. Латур), а также социально-политическую интерпретацию техники в полемике Ю. Хабермаса и Г. Маркузе. Автор заключает, что концепт техники в современной философии не тождественен античному *techne*, но сохраняет с ним сродство через общую проблематику.

Ключевые слова: техника, *techne*, философия техники, античная философия, органопроекция

Antagonism or resonance? The interplay between ancient *techne* and the modern concept of technology. NIKOLAI V. KSHEVIN (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

The article reconstructs the semantic content of the ancient concept of *techne* and attempts to reveal its connection to the modern philosophical concept of technology, with a primary focus on the reflections of Plato and Aristotle. The author analyzes the epistemological, ontological, and anthropological aspects of *techne*, notably through a problematization of its opposition to *episteme* and *physis*. The study tests hypotheses concerning the possible identity, difference, and affinity between ancient *techne* and the modern concept of technology. For this purpose, the author draws upon various modern approaches, including the organ projection principle (E. Kapp, M. McLuhan), actor-network theory (B. Latour), and the socio-political interpretation of technology from the debate between J. Habermas and H. Marcuse. The author concludes that the modern philosophical concept of technology is not identical to ancient *techne*, but retains an affinity with it through a shared set of problems.

Keywords: technology, *techne*, philosophy of technology, ancient philosophy, organ projection

Введение

Содержательное наполнение того, что подразумевается под техникой в философии, весьма многообразно, что само по себе подводит нас к вопросу о том, как упорядочить это многообразие,

иными словами, понять его. Это понимание не предполагает наличия строгих и исчерпывающих определений, скорее оно говорит нам о необходимости прояснения проблемных полей вокруг разных вариантов существования концепта техники в

* КШЕВИН Николай Владимирович, аспирант кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, kshevin.zrb71@gmail.com

© Кшевин Н.В., 2025

философии. Следовательно, при работе с ним следует удерживать в голове вопрос о том, что вообще подразумевается каждый раз, когда философия говорит о технике? Если мы усматриваем преемственность с греческим *techne*, то технику можно отождествить с искусством в наиболее широком смысле этого слова. В то же время о концепте техники можно говорить как о способе описания специфических объектов, которые обладают измерениями эффективности работы, долговечности и полезности, что ставит под вопрос целесообразность обращения к греческому *techne* для их описания. В таком случае возникает целый ряд вопросов, требующих дополнительного прояснения. Во-первых, если мы имеем дело с некоторой линией преемственности, то какие именно тематические элементы античного *techne* наследует современный концепт техники и обязательно ли это наследование? Во-вторых, если это наследование не обязательное, или же его вовсе нет, то что именно мешает нам поставить знак равенства между античным *techne* и тем, как современные философы работают с концептом техники? Иначе говоря, мы намереваемся обратиться к вопросу о том, как соотносится античное *techne* и современный концепт техники, и попытаться выявить, с чем же мы в итоге имеем дело – с тождеством, разрывом или сродством?

Реконструкция античного *techne*

Французский медиолог Режи Дебре отмечает, что существует внутренний антагонизм между философией и техникой, который уходит своими корнями в античность [1, с. 65–66, 69–70]. По мнению Дебре, философия, будучи тем, что происходит из оппозиции *techne* и *episteme*, оказывается тяготеющей к вечному и необходимому, противопоставляя себя практическому и опытному [4, с. 281].

На первый взгляд, с утверждением Дебре легко согласиться, т.к. в западной философской традиции противопоставление вечного и преходящего выступает в качестве одного из главных философских сюжетов. Тем не менее, мы считаем, что тезис Дебре о принципиальном антагонизме философии и техники и его корнях в античной традиции требует более глубокого анализа. Представление о напряжении между философией и техникой у Дебре может оказаться продуктивным, т.к. оно отсылает нас к античной традиции и может сообщить что-то существенное об античном понимании *techne* и его связи с современным пониманием техники в философии.

Элементы этого напряжения могут быть обнаружены в критике софистов и противопоставлении их методов тому, как производит свою работу философ у Платона. Так, в диалоге «Софист» мы можем наблюдать ряд операций, позволяющих дать определение тому, кого называют софистом. Эти операции начинаются с достаточно тривиального упражнения – попытки дать определение тому, кто является

рыболовом-удильщиком. Тем, что позволяет вычленировать родовую сущность человека, который ловит рыбу, оказывается его «искусство» рыболовства: владение ответом на вопрос о том, как ловить рыбу, в его практическом применении¹. Определение родовой сущности софиста, трудное на первый взгляд, оказывается теперь задачей куда проще. Это человек, чье искусство – спорить на любую тему.

Для Дебре же основным предметом философского спора в традиционном греческом смысле оказывается скорее должное, которое может быть названо неизменным. Неизменное становится предметом истины, оно вечно. Называть это искусством было бы неверным, т.к. люди обучаются искусству через взаимодействие с вещами. Рыболов ловит рыбу с помощью удочки, софист производит утверждения о вещах с помощью мудрости. Для Платона рыболов и софист являются родами одного порядка, они создают что-то изменчивое в мире, в котором все продолжает меняться [11, с. 85]. Если строго следовать за Дебре, то все искусство (*techne*) оказывается именно об этом – об изменчивом, которое произведено лишь по подобию вечного, и по своей сущности несовершенно. Мы зафиксируем, что для Режи Дебре различие между философией и *techne* выглядит как разница между двумя вопросами – «Что есть это?» и «Как есть это?». Первый вопрос отсылает нас к родовой сущности, к миру неизменного, второй – к частностям, посредством которых что-то оформлено в мире тем или иным образом. И софист, и рыбак могут быть более или менее искусны в том, что они делают, он или является философом, или не является им. Родовая сущность философа обладает иным качеством, она не располагается в одном ряду с рыбаком, плотником и софистом [11, с. 130]. Однако именно это отличие родовой сущности философа позволяет ему задаваться вопросом о том, кто такой софист и кто такой рыбак как таковые.

Несмотря на то, что мы согласились с интуицией Дебре относительно интеллектуального напряжения между техникой и философией, которое истекает из греческой традиции понимания *techne*, и даже привели в пользу этой позиции ряд аргументов, мы считаем, что это напряжение требует дальнейшего уточнения. Поскольку Дебре указывает нам на античные корни обнаруженного им антагонизма, мы считаем разумным еще раз обратиться к этой теме, но уже на ином масштабе рассмотрения. Внесем еще один вопрос, который позволит уточнению состояться: что такого специфического делает философ, что отличает, с точки зрения греческой мысли, его способ действовать и мыслить от *techne*?

¹ Один из общепринятых вариантов перевода *techne* – «искусство» как общее название для всего того, чего изначально не было в природе.

В контексте данного вопроса мы хотели бы вновь вернуться к анализу мысли Платона. Как указывает Е.Ю. Погорельская, искусство-*techne* – это способ. Способ сам по себе не определяет то, на что он будет направлен. В диалоге «Теэтет» искусство Сократа – помогать рождаться истине. Т.е. и у философа, и у софиста есть свое *techne*, разница – в характере его реализации. Кроме того, *techne* философа имеет важную особенность: оно тесно связано с любовью. В диалоге «Пир» наблюдаем формулу: любовь рождает благо [12]. Таким образом, при более глубоком анализе можно заключить, что в мысли Платона нет того антагонизма, который, по мнению Дебре, фундирует антагонизм техники и философии.

Однако было бы странно считать, что утверждение Дебре об антагонизме философии и техники в античной мысли совершенно лишено оснований. Обратимся к статье А.А. Санженакова, в которой затронута тема *techne* как у Платона, так и у Аристотеля [13]. Анализ мысли Платона на примере диалога «Ион» демонстрирует здесь связь между методом (заучивание текста поэзии) и истиной (постижение идеи, заложенной в поэзии). При этом первое, как средство, является маркером второго, но связь между ними не обязательна (знание текста некоторой поэзии автоматически не ведет нас к постижению замысла поэта, но совокупность первого и второго и составляют искусство рапсодов). Это наблюдение соотносится с выводами о мысли Платона применительно к *techne*, которые мы сделали ранее. Однако далее в статье следует анализ мысли Аристотеля, у которого уже явно прослеживается онтологическое различие *episteme* и *techne* как двух типов знания. *Episteme* – это знание о том, что не может быть иначе, а *techne* – о том, что может быть или не быть. Таким образом, мы наблюдаем деление на знание о вечном и неизменном и знание об изменяющемся, динамичном и нестабильном, что близко к содержанию упомянутого высказывания Дебре.

Какие еще онтологические различия определяют *techne* у Аристотеля? На наш взгляд, небольшая статья Вольфганга Шадевальда, посвященная разделению понятий «природа» и «техника», способна дополнить наш взгляд на этот вопрос [15]. Вернемся к упомянутому ранее противопоставлению *techne* и *episteme*. Как уже было сказано, это противопоставление выглядит как деление знания на два типа. Первый выводится из накопления опыта и его практического применения, что делает его почти тождественным по смыслу слову «искусность». Второй тип знания отличается по качеству, он направлен на неизменное и вечное, и именно этот тип применим к тому, что делает философ.

Благодаря тонкой работе с оппозициями вокруг *techne* у Аристотеля Шадевальду удается подчеркнуть набор различий, позволяющий нам лучше понять место *techne* в контексте понятийной сетки античной мысли Аристотеля. Таким образом в смысловую сетку *techne* подключается *physis* в качестве постоянного коррелята: «Фисис для Аристотеля, во-первых, означает в широком смысле становление, бытие или сущность (*Wesen*) всех вещей, которые существуют и как таковые содержат внутри себя источник движения, тогда как процессы становления и производства в технике не происходят в силу собственных внутренних факторов, но инициируются так или иначе человеком» [15, с. 92]. Коротко рассмотрим, как это включение оформлено у Шадевальда. Противопоставление *physis*–*techne* обосновывается через обращение к пониманию *physis* у Аристотеля, согласно которому в сферу *physis* могут быть включены все вещи, которые имеют причину в самих себе, или же причиной которых выступает «первый двигатель». В противовес этому вещи, причиной которых является человек (все, что само по себе не бывает без его участия), попадают в область *techne*. Подобное рассмотрение добавляет к греческому пониманию *techne* еще одно важное измерение: пара *episteme*–*techne* рассматривается нами как эпистемологическая, в то время как пара *physis*–*techne*, которая выводится из одного и того же деления на вечное и временное, поднимает онтологическую проблематику, т.к. затрагивает вопросы первопричин. В то же время становится очевидной прочная связь между человеком и *techne*, предопределяющая значимость антропологической проблематики: «В природе возникновение и развитие по направлению к этому результату, форме или конфигурации (эйдос) происходят сами по себе. В технике результат-форма принципиально представляется и конструируется в акте человеческого мышления» [15, с. 100].

Подведем итог тому, что мы можем сказать об античном понимании *techne* применительно к высказыванию Режи Дебре. Он делает слишком широкое обобщение, когда говорит об античных корнях антагонизма между философией и техникой. Такое высказывание оказывается применимо к Аристотелю, но его применимость к Платону сомнительна. Таким образом, утверждение о некоем антагонизме между техникой и философией в античной мысли является преувеличением. Для Аристотеля *techne* оказывается неразрывно связано с проблемой деления на вечное и преходящее, выступая на стороне последнего. Эта проблема может быть рассмотрена с разных аспектов. Эпистемологический аспект демонстрирует нам противопоставление *episteme*–*techne*, в котором последнее представляет тип знания, обладающий

практической применимостью и совершенствующийся со временем. Онтологический аспект демонстрирует нам противопоставление *physis–techne*, в котором последнее представляет все сущее, причина «движения» которого существует не сама по себе, но лишь при участии человека. Данный аспект предполагает возможность *techne* только при посредничестве человека, что делает необходимым включение в рассмотрение антропологической проблематики.

Таким образом, если суммировать характеристики понимания *techne* у Аристотеля и Платона, можно сказать, что общим местом античного толкования *techne* становится проблематизация взаимоотношения практики и знания. Ключевым можно считать вопрос о характере этого взаимоотношения: является ли практика альтернативным видом знания (знание-как) или же это совокупность методов, уловок и хитростей, которые не противопоставляются знанию как таковому, но являются инструментом его достижения?

Современное состояние концепта техники

Выше мы кратко охарактеризовали, какие различия и различия с чем оформляют античное понимание *techne*. Далее мы попытаемся ответить на вопрос, как эти различия работают в современном концепте техники. В случае полного соответствия мы сделаем вывод об их тождестве. Если никаких связей не будет обнаружено, то можно будет констатировать разрыв. Наконец, признаки развития и переосмысления некоторых (или даже всех) аспектов античного понимания *techne* будут свидетельствовать в пользу сродства.

Начнем с анализа антропологической проблематики. Уже у Э. Каппа, которого В.Г. Горохов и В.М. Розин упоминают в качестве одного из первых современных философов техники [2], мы можем обнаружить принцип органопроекции, согласно которому все, что мы так или иначе определяем как технику, функционально уподоблено органам человека [7]. В дальнейшем эта идея получит свое развитие у М. Маклюэна, который поставит знак равенства между техникой и медиа, т.к. техника, будучи продуктом органопроекции, окажется для него продлением органов чувств человека за пределы его физиологического тела: «А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [9, с. 9]. Так или иначе, современное понимание техники в философии неразрывно связано с принципом органопроекции, в рамках которого техника не может быть рассмотрена отдельно от человека, более того –

выступает в качестве проекции человека в мире. Итак, сохранение внимания к антропологической проблематике при осмыслении техники сближает современную философию с античной традицией.

Однако возникает вопрос: если сегодня доминирует тенденция рассматривать концепт техники в связи с принципом органопроекции, существуют ли иные варианты сборки концепта, которые не прибегают к этому принципу? В качестве одного из таких вариантов в нашем случае может быть названа акторно-сетевая теория (АСТ), проект которой предполагает предоставление агентности не-человеческим акторам, в числе которых и технические объекты [6]. АСТ является олицетворением тенденции критического пересмотра субъект-объектной парадигмы в современной философии. В таком случае условная «сделанность» техники человеком не обладает каким-либо определяющим значением. Куда более значимым становится то, что актуально делает техника и каков социальный контекст такого действия. В подтверждение этого можно привести знаменитый кейс Б. Латура о дверном доводчике, поломка которого меняет действия других акторов, задействованных в операции по «прохождению в дверь» [8], или кейс А. Мол и М.Д. Лаэт о зимбабвийском втулочном насосе [3]. АСТ предлагает нам подход, который позволяет поставить человека и другие не-человеческие объекты, включая технику, на одну ступень теоретического рассмотрения. В отличие от подхода, который диктует нам принцип органопроекции, в случае с АСТ способ рассмотрения проблемы человек–техника не предполагает построения иерархии, в которой подчеркивалась бы первичность проекции человека по отношению к технике.

Ранее мы указали, что антропологическая проблематика *techne* у Аристотеля выводится из его онтологического аспекта, а именно из противопоставления *techne*, всего того, что есть по причине человека, и *physis*, всего того, что есть по причинам, от человека не зависящим. Однако это не означает, что не существует способов сборки концепта техники в другом формате, не предполагающем этого противопоставления. Наиболее ярким примером здесь может выступить другой немецкий философ техники, Ф. Дессауэр. Попытка представить человека как включенного в природу в контексте концепта техники приводит его к заключению, что сферы антропогенного (технического) и не-антропогенного соотносятся друг с другом без антагонизма, как микрокосм и макрокосм [5]. Другой пример можно найти у Л. Мамфорда, который утверждает, что антагонизм природы и техники имеет социальную природу и возможное общество будущего должно будет перейти к некоторому иному этапу, на котором этот

антагонизм будет преодолен, а технологии станут жизнеориентированными [10].

Наконец, коснемся эпистемологического аспекта *techne*. Вопрос о практической применимости *techne* как типа знания становится ключевым в споре Г. Маркузе и Ю. Хабермаса, нашедшем отражение в статье последнего [14]. Концепт техники, рассмотренный в рамках их спора с точки зрения определенного типа власти, обретает вид технонауки – причудливого гибрида технического разума, науки и капитализма под эгидой максимизации прибыли при минимизации издержек. В этом смысле для Хабермаса технический разум – как то, что сфокусировано только на утилитарном – предстает в качестве одного из основных выражений капиталистической максимы массового производства и массового потребления товаров и услуг. Понимание техники Хабермасом восходит к принципу органопроекции, согласно которому вся техника – это проекция органов человека [14, с. 59], и поскольку капитализм связан с господством техники и технического разума, помыслить некоторую иную технику (способную к эмансипации от капиталистической максимы) становится попросту невозможно [14, с. 61]. Именно так сформулирован основной аргумент Хабермаса против Маркузе в вопросе о мыслимости иной, жизнеориентированной техники. Пример данной полемики подчеркивает важность социально-политического аспекта современного концепта техники. Может ли техника и техническое знание (технический разум) иметь эмансипационный потенциал от утилитарного, эффективного и оптимального? Этот вопрос тесно связан как с природой технического знания, так и с социально-политическим смыслом этого знания [14, с. 58]. Poleмика Хабермаса и Маркузе и ее современное продолжение в контексте акселерационизма демонстрируют нам, что ответы на этот вопрос могут отличаться, но в каждом из случаев мы так или иначе сталкиваемся с различными вариациями сборки концепта техники.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что современный концепт техники имеет пересечения с греческим *techne*, но не является тождественным ему. Несмотря на наличие общих проблемных полей, *techne* видится нам как некоторая конкретная сборка концепта техники, придающая связанной с ним проблематике определенное направление. Современная философия, в свою очередь, скорее предполагает сосуществование множества вариантов сборки концепта техники, в качестве одного из которых можно рассматривать греческое *techne*. Эти варианты по-разному затрагивают некоторую общую пробле-

матику, к которой нас отсылает техника в широком смысле слова, что позволяет концепту техники функционировать подобно ярлыку, который отсылает нас одновременно к различным смысловым вариантам его сборки, не отменяющим, а иногда даже дополняющим друг друга. В связи с этим мы полагаем, что основной и, пожалуй, продуктивной чертой концепта техники является его принципиальная множественность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976.
2. Горохов В.Г., Розин В.М. Введение в философию техники: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 1998.
3. Де Лаэт М., Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. 2017. № 1. С. 117–232.
4. Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010.
5. Дессауэр Ф. К философии техники. Что есть техника? – термин и сущность // Онтология проектирования. 2016. № 3. С. 390–406.
6. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория: объектно-ориентированная социология без объектов? // Логос. 2017. № 3. С. 83–112.
7. Капп Э. Философия машины // Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой. 1925. С. 96–129.
8. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 199–222.
9. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
10. Мамфорд Л. Техника и природа человека // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3130>
11. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
12. Погорельская Е.Ю. Учение о *techne* в рассуждениях Платона // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3. С. 134–141.
13. Санженаков А.А. Истоки аналитического подхода к проблемам техники: Аристотель об *эпистеме* и *технэ* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 128–132.
14. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007.
15. Шадевальд В. Понятия «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 90–103.

REFERENCES

1. Aristotle, 1976. *Sochineniya*: v 4-kht. T. 1 [Works: in 4 vols. Vol. 1]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

2. Gorokhov, V.G. and Rozin, V.M., 1998. Vvedenie v filosofiyu tekhniki: uchebnoe posobie [Introduction to the philosophy of technology: a textbook]. Moskva: INFRA-M. (in Russ.)
3. De Laet, M. and Mol, A., 2017, Zimbabviiskii vtulochnyi nasos: mekhanika tekuchei tekhnologii [The Zimbabwe Bush Pump: mechanics of a fluid technology], Logos, no. 1, pp. 117–232. (in Russ.)
4. Debray, R., 2010. Vvedenie v mediologiyu [Introduction to mediology]. Moskva: Praksis. (in Russ.)
5. Dessauer, F., 2016. K filosofii tekhniki. Chto est' tekhnika? – termin i sushchnost' [On the philosophy of technology. What is technology? – term and essence], Ontologiya proektirovaniya, no. 3, pp.390–406. (in Russ.)
6. Erofeeva, M., 2017. Aktorno-setevaya teoriya: ob'ektno-orientirovannaya sotsiologiya bez ob'ektov? [Actor-network theory: an object-oriented sociology without objects?], Logos, no. 3, pp. 83–112. (in Russ.)
7. Kapp, E., 1925. Filosofiya mashiny [The philosophy of machine]. In: Rol' orudiya v razvitii cheloveka. Leningrad: Priboi, 1925, pp. 96–129. (in Russ.)
8. Latour, B., 2006. Gde nedostayushchaya massa? Sotsiologiya odnoi dveri [Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts]. In: Sotsiologiya veshchei. Moskva: Territoriya budushchego, 2006, pp. 199–222. (in Russ.)
9. McLuhan, M., 2003. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moskva; Zhukovsky: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. (in Russ.)
10. Mumford, L. Tekhnika i priroda cheloveka [Technics and the nature of man]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3130> (in Russ.)
11. Plato, 1993. Sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 2 [Collected works: in 4 vols. Vol. 2]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
12. Pogorel'skaya, E.Yu., 2023. Uchenie o techne v rassuzhdeniyakh Platona [The Doctrine of *techne* in Plato's reasoning], Vestnik Gumanitarnogo universiteta, no. 3, pp. 134–141. (in Russ.)
13. Sanzhenakov, A.A., 2020. Istoki analiticheskogo podkhoda k problemam tekhniki: Aristotel' ob *episteme* i *techne* [The origins of an analytical approach to the problems of technology: Aristotle on *episteme* and *techne*], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya, no. 53, pp. 128–132. (in Russ.)
14. Habermas, J., 2007. Tekhnika i nauka kak «ideologiya» [Technology and science as 'ideology']. Moskva: Praksis. (in Russ.)
15. Schadewaldt, W., 1989. Ponyatiya «priroda» i «tekhnika» u grekov [The Greek concepts of nature and technique]. In: Filosofiya tekhniki v FRG. Moskva: Progress, 1989, pp. 90–103. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию /
received 09.06.2025;
рекомендована к печати /
accepted 21.07.2025*

УДК 1:62(430)"19"

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/81-90>

А.А. Левенец, Ф.М. Уваров*

ДИСКУРС О ТЕХНИКЕ В НЕМЕЦКОМ КУЛЬТУРКРИТИЦИЗМЕ
НАЧАЛА XX В. **

Статья посвящена анализу взглядов на технику в рамках немецкой культуркритики начала XX в. Рассматривая концепции таких мыслителей, как Г. Зиммель, К. Ясперс, О. Шпенглер и Г. Фрайер, авторы стремятся показать культуркритицизм как целостную, но при этом наделенную множеством граней парадигму философской критики эпохи Модерна в целом и ее технического измерения в частности. Все рассмотренные мыслители сходятся в понимании техники как фундаментальной «жизненной формы», а не просто инструмента. При этом техника зачастую предстает в культуркритическом дискурсе как сила, угрожающая субъективности, свободе и жизненной силе человека. Вместе с тем авторы демонстрируют разнообразие подходов внутри критики культуры: от пессимистического диагноза отчуждения и массовизации до попыток интеграции техники в новую политическую и культурную реальность (например, в рамках «реакционного модернизма»).

Ключевые слова: критика культуры, философия техники, Германия, Г. Зиммель, К. Ясперс, О. Шпенглер, Х. Фрайер

The discourse on technology in the early XXth-century German cultural criticism. ANASTASIIA A. LEVENETS (HSE University, Moscow, Russia), FEDOR M. UVAROV (HSE University, Moscow, Russia)

This article analyzes views on technology within the framework of early 20th-century German *Kulturkritik* (cultural criticism). By examining the concepts of thinkers such as G. Simmel, K. Jaspers, O. Spengler, and H. Freyer, the authors aim to present *Kulturkritik* as a holistic yet multifaceted paradigm of philosophical critique directed at modernity in general and its technical dimension in particular. While these thinkers share an understanding of technology as a fundamental «form of life» rather than a mere instrument, they also frequently portray it in their discourse as a force threatening human subjectivity, freedom, and vitality. Finally, the authors demonstrate the diversity of approaches within this critique – ranging from a pessimistic diagnosis of alienation and massification to attempts to integrate technology into a new political and cultural reality (e.g., within the framework of «reactionary modernism»).

Keywords: cultural criticism, philosophy of technology, Germany, Georg Simmel, Karl Jaspers, Oswald Spengler, Hans Freyer

Введение

Небывалый прогресс техники, влияющий на все сферы человеческой жизни, способствовал развитию философской рефлексии о технике как особой форме человеческой деятельности. На ру-

беже XIX–XX вв. техника окончательно оформляется как некоторая отдельная действительность, появляются новые, во многом экзистенциальные проблемы, связанные с ней, что становится причиной оформления философии техники как отдель-

* ЛЕВЕНЕЦ Анастасия Александровна, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории трансцендентальной философии, аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, aatomashevskaya@gmail.com

УВАРОВ Федор Максимович, аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, feduvarov@gmail.com

© Левенец А.А., Уваров Ф.М., 2025

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ной дисциплины¹. Предшественниками формирования этой области философского знания принято считать немецких «философствующих инженеров» (Э. Гартиг, И. Бекманн, А. Ридлер и др.), которые в своих трудах рассуждали о понятии техники как таковой, о научном оформлении взглядов на технику и т.д. [9, с. 11–20]. Однако первым мыслителем, поставившим слова «философия» и «техника» в один ряд, стал немецкий философ Эрнст Капп, который в 1877 г. выпустил труд под заглавием «Основные направления философии техники. К истории возникновения культуры с новой точки зрения». В своем исследовании Капп вводит термин «органопроекция» и подчеркивает, что в технике человек в первую очередь встречает самого себя. Концепция органопроекции Каппа призвана показать, что «технический продукт производится и проектируется деятельностью органа, и поэтому его примитивная форма была предназначена и предписана изнутри организма...» [24, р. 57]². Можно сказать, что философия техники Каппа является попыткой представить собственную теорию возникновения культуры, основанную на теории эволюции. Однако техника вполне способна стать неким отдельным, неподконтрольным человеку миром. Для предотвращения этой проблемы Капп настаивает на параллельном развитии технических наук и человеческого духа [1, с. 11–13].

На первых этапах развития философия техники включала два основных направления: технический оптимизм и технический пессимизм. Технический оптимизм характеризуется идеализацией техники, взглядом на нее как на ключевой фактор решения общественных проблем. Например, Ф. Бон считал, что целью технического прогресса является достижение счастья для всего человечества [1, с. 181–182].

Наиболее известным течением, анализирующим технику с пессимистических позиций, является сформировавшаяся в Германии на рубеже XIX–XX вв.³ критика культуры (Kulturkritik).

¹ Как верно отмечает А.В. Михайловский, под техникой в данном случае необходимо понимать «не только машины и инструменты, но и организации, структурированные в соответствии с критерием целерациональности, к которым относятся и фабрики, и бюрократия, и даже армия» [7, с. 76].

² Согласно Каппу, человек отвечает на вызовы окружающей его действительности собственными творениями, т.е. техникой, которая так или иначе копирует самого человека (например, топор становится продолжением руки, телеграфная система связи – нервной системой и т.д.). В качестве наиболее совершенной формы органопроекции Капп называет государство, образование которого похоже на самоуправление человеческого тела. [24, р. 129–132].

³ Несмотря на то, что окончательное оформление критики культуры произошло лишь в начале XX в., его идейные истоки находятся уже в трудах Ж.-Ж. Руссо. Он видел в культуре причину потери человеком самого себя и настаивал на возвращении к естественному состоянию. Фундаментом для развития идей критики культуры стала и философия Ф. Ницше, который считал современную ему культуру несостоятельной, т.к. она отрицает жизнь саму по себе, буквально противоречит человеку [1, с. 9–10, 11–13, 177, 181–182].

Ее представители фиксируют парадокс современной цивилизации: чем стремительнее она развивается, тем больше в ее прогрессе видится упадок [18, р. 7–8]. Оформление культуркритического взгляда на технику происходит как ответ на масштабные экономические, социальные и политические изменения, охватившие страну в эпоху правления Вильгельма II (1888–1918 гг.). Речь идет в первую очередь о научно-техническом и промышленном развитии Германии. Невиданный до этого рост машиностроения, горнодобывающей промышленности, тотальная механизация и рационализация всех областей, включая сельское хозяйство, вывели Германию на второе место в мире по уровню промышленного производства. Демографический всплеск и увеличение числа мигрантов способствовали росту городского населения и, как следствие, численности рабочего класса. Таким образом, историческая ситуация начала XX в. стимулировала обращение философов к вопросам осмысления нового общественного устройства и места в нем индивида⁴. Эпоха Модерна и характерная для нее культура, буржуазное капиталистическое общество, стремящиеся к обезличиванию человека и все большей массовизации жизни, нарастающая индустриализация, специализация, рационализация человеческих действий активизировали философский поиск причин происходящего [23]. Последовавшие затем поражение в Первой мировой войне, крах Германской империи и учреждение Веймарской республики, а также масштабные экономические кризисы 1920-х и 1931–1932 гг. также способствовали развитию культуркритических тенденций.

Разговор о культуркритике неизбежно начинается с трудности определения данной философской позиции. Исследователь Г. Болленбек определяет критику культуры как своеобразное хранилище «историй потерь и патологических открытий, которые, ссылаясь на лучшие времена, направлены против собственного времени» [21, р. 6].

Другой авторитетный исследователь данного течения Р. Конерсманн и вовсе называет критику культуры «отражением изменившегося мира» [27, р. 4] и предлагает в качестве ее ключевой характеристики емкую формулу: «критика культуры во имя самой культуры» [26, р. 10]. Оба мыслителя согласны, что культуркритика по-своему парадоксальна, ведь ее позиция напрямую зависима от культуры, которую она критикует. Тем не менее, культуркритицизм не является простой «критикой ради критики».

⁴ Г. Болленбек отмечает, что различные культуркритические позиции во многом проникнуты общим нарративом о «плохом настоящем, хорошем прошлом и будущем спасении» [20, р. 27], а также характеризуются выстраиванием аргументации с точки зрения философии истории. В качестве некоторого стандарта мысли берется идея о «естественном состоянии» или «Золотом веке», которые сейчас оказываются недостижимы, а также развивается мотив современного падения человека, которое воспринимается как фатальная утрата.

В рамках данного исследования мы придерживаемся определения критики культуры, представленного в монографии А.В. Михайловского: «Культуркритика – это философская позиция, рассматривающая культуру как форму искажения, симуляции, отчуждения, дегенерации и деградации истинных способов бытия» [7, с. 92].

Критика культуры глубоко проникнута экзистенциальными вопросами, она пытается понять, каково место человека в мире господства объективности, находящей свое наиболее яркое выражение в технике. Техника рассматривается представителями культуркритицизма по большей части как дегуманизирующее явление, лишшающее человека самости. Как отмечает польский философ Г. Сколимовски, «философия техники возникла как результат критической оценки нашей цивилизации... Наш долг – философов, мыслителей, инженеров и просвещенных граждан – ответить на те проблемы, которые мы, как цивилизация, породили» [10]. Несмотря на то, что культура в целом в рамках этого движения рассматривается с пессимистических позиций, а дискурс о механизации и массовизации, охвативших общество, выражен особенно ярко, техника анализируется последователями критики культуры по-разному.

В настоящем исследовании мы проанализируем культуркритические взгляды на технику таких мыслителей, как Г. Зиммель, К. Ясперс, О. Шпенглер и Г. Фрайер⁵, с целью раскрыть специфику дискурса о технике в рамках немецкой критики культуры начала XX в., а также выявить варианты решения «вопроса о технике», предлагавшиеся в пределах культуркритической парадигмы.

Современная культура и техника как утрата жизни (Г. Зиммель)

Немецкий философ и социолог Георг Зиммель посвятил многие свои труды анализу ситуации, в которой оказался человек в современную ему эпоху. Являясь сторонником философии жизни, Зиммель сосредоточивает свое внимание на рассмотрении актуальной культуры как ситуации утраты витальных мотивов в деятельности людей. Техника как форма культуры также рассматривается им в качестве причины угасания жизни.

⁵ Отметим, что О. Шпенглера и Г. Фрайера нельзя отнести к классическому типу культуркритицистов. Они предлагают скорее собственную критику устоявшегося понимания культуры и техники как инструментального средства, лишшающего человека субъектности и свободы. Д. Херф объединяет этих авторов как сторонников «реакционного модернизма». Для данного подхода характерна интеграция техники в культуру немецкого социализма. Реакционные модернисты говорили о принятии техники вопреки ее явному противопоставлению человеческой природе. Во многом определяющей для них стала идея технически развитой нации, которая будет способствовать установлению нового порядка, грядущего на смену хаотичному капиталистическому обществу [22].

Зиммель утверждает, что культура есть уникальное соединение объективного и субъективного. Он пишет: «Культура возникает тогда, ... когда встречаются два элемента ... субъективная душа и объективное духовное произведение» [4, с. 449]. Полное и подлинное культурное развитие человека не может быть направлено исключительно на духовное или материальное созидание, оно должно соединять два этих проявления в равной мере.

Объективная культура обладает уникальным характером развития, не зависящим от природы и преодолевающим ее. Современный человек обнаруживает себя в ситуации неумолимого развития объективной культуры, за которым не успевает субъективная. Духовное развитие человека далеко от того количества вещей и объектов, которое существует на данный момент. Человек не может охватить объективную часть культуры, из-за чего она начинает захватывать его. Человек не просто не развивается, но оказывается потерянным, лишенным свободы, объективированным. Культура вещей захватывает человеческий мир, не оставляя в нем места для человека. Все это приводит к кризису культуры, тяжело переживаемому человеком. Неутолимая жажда, проявляющаяся в появлении все новых и новых потребностей, приводит к тому, что «личных ценностей ищут в той сфере, в которой их вообще не бывает: то, что успехи в технике прямо оцениваются как успехи в области культуры, что в области духа методы часто рассматриваются как нечто священное и считаются более важными, чем содержания и их результаты ... все это свидетельствует о постепенном вытеснении целей средствами...» [3, с. 491]. Зиммель подчеркивает, что при нормальном соотношении объективной и субъективной культуры техника не является одной из форм культуры.

Чтобы преодолеть гнет объективности, полагает Зиммель, человеку необходимо вырасти как личности. Силы для подобного преодоления заложены в самой его природе вместе с жизнью. Именно жизнь способствует культурному развитию, т.к. стремится выразить себя через культурные формы. Но проблема кроется как раз в понятии формы. Жизнь, неспособная облачить себя в некоторую ограниченную форму, противостоит собственным творениям, находясь в постоянном поиске других, более подходящих форм. Однако современная Зиммелю эпоха характеризуется стремлением человека преодолеть понятие формы в принципе. Жизнь начинает стремиться к выражению в виде чистой динамики. Она является наиболее сильным творческим процессом, который стремится к возвращению силы индивидуальной жизни. Зиммель подчеркивает, что в его время происходит невиданный доселе рост ценности индивидуальности, формируется понимание обще-

ства как пространства раскрытия индивида. Однако господство объективной культуры, руководствующейся интеллектом, способствует увяданию творческого порыва жизни [6, с. 89–98].

Зиммель отмечает, что развитию объективной культуры во многом способствовали разделение труда и его специализация. Подобные явления дробят культуру, обеспечивают ее сложность. Во многом за счет них объективные части культуры становятся самостоятельными, поглощая творческую жизнь субъекта. Деньги и интеллект превращаются в наиболее значимые принципы современной культуры. Именно деньги предстают новой тотальной целью, в то время как вещи, каждая из которых на самом деле обладает собственной целью, превращаются в средства. При этом деньги сохраняют и принадлежность к категории средств как обеспечивающий существование общества фактор, из-за чего традиционное разделение на цели и средства устраняется; все, что угодно, может быть как целью, так и средством, в т.ч. и человек [5].

Какова же роль техники в глобальной объективации культуры? Зиммель считает, что именно машинное производство послужило ее основной причиной. Современный мир направлен на поддержание процессов производства и потребления, стремится придать им массовый характер, из-за чего создается огромное количество вещей, которые есть не что иное, как произведения объективной культуры. Массовое производство оторвано от субъективности как потребителей, так и производителей, т.к. товар должен быть удобен и полезен для всех, вне зависимости от индивидуальных потребностей. Помимо этого, Зиммель фиксирует разрыв между объективной и субъективной культурой, который проявляется в технике. Объективная культура находит свое воплощение в орудиях труда, в то время как субъективная – в сознании, душе рабочего. Сейчас орудия труда оказываются куда более развитыми, чем сам рабочий, из-за чего последний поглощается ими [6, с. 101–102].

Технические средства неумолимо развиваются и в ходе своего развития захватывают витальные силы человека, становятся над жизнью. Техника начинает превращаться в самостоятельный мир, неподконтрольный субъекту. Она более не является средством, технический прогресс ставит себе целью именно бесконечное развитие, без внимания к тому, ради чего это развитие необходимо. Человек продолжает поддерживать работу техники, но начинает забывать, ради чего это делается, какова цель того или иного технического средства. Таким образом, техника постепенно устанавливает то-

тальное господство над постепенно разрушающейся субъектностью⁶. Преодолеть же тотальное проникновение в жизнь объективной культуры и, как следствие, техники человек способен за счет обращения к собственным витальным силам. Необходимо осознать, что сама культура должна быть поставлена на службу жизни, как средство ее раскрытия вовне и возвращения к самой себе, что возможно за счет уравнивания в ней объективных и субъективных сил [6, с. 90–108].

О человеке на пути технического прогресса (К. Ясперс)

Карл Ясперс, немецкий философ и психиатр, склонен рассуждать о современной ему эпохе, положении в ней индивида и техническом прогрессе в духе культуркритицизма. Ясперс размышляет о ситуации современности как о пространстве господства массового общества, где индивид как таковой обесценивается, а личностная жизнь упраздняется в угоду бытия в массе. Ключевым понятием для анализа феномена массового общества у Ясперса становится техника, такое общество описывается с помощью понятий «организация» и «аппарат». Он пишет: «Масса и аппарат связаны друг с другом. Крупный механизм необходим, чтобы обеспечить массам существование. Он должен ориентироваться на свойства массы: в производстве – на рабочую силу массы, в своей продукции – на ценности массы потребителей» [17, с. 313].

Техника определяет жизнь массового общества, настраивает его на линию бесконечного производства, работы и труда, следования плану, смысл которого остается для человека скрытым. Технический прогресс призван оформить жизнь массы, но человек не ощущает ничего, кроме нависшей над ним угрозы, нехватки смысла и самой жизни. Масса существует как некоторая универсальная упорядоченность, проникнутая техникой. В такой структуре разрушается личностный мир человека. Сам он становится машиной, количественной единицей производства. Общество превращается в механизированный организм, человек мыслится в первую очередь как исполнитель функций. Массовое общество – набор обезличенных, автоматизированных частей, которые уже не осознаются как субъекты деятельности.

⁶ В очерке «Большие города и духовная жизнь» (1903) философ фиксирует ситуацию, в которой оказался субъект вследствие господства объективной культуры: «Развитие современной культуры характеризуется перевесом того, что можно было бы назвать объективным духом, над духом субъективным; это значит: в языке и праве, в технике и искусстве, в науке и предметах домашнего обихода заключен дух, за ежедневным ростом которого субъект поспевает далеко не вполне, а часто отстает от него» [2, с. 11].

Ясперс пишет, что такое существование лишает человечество историчности как его фундаментальной характеристики, а человека – его жизненного существования как такового. Человек отныне – не субъект истории, но объект техники. Аппарат контролирует общество, следит, чтобы каждый его участник выполнял положенные ему функции, вследствие чего сама связь человека и жизни оказывается разорванной. Техника превращается в политический инструмент, выгодный технократам. Человек не может помыслить себя в отрыве от техники, из-за чего вынужден подчиняться ей и тем, кто ею владеет [11, с. 118–120].

В проникнутом техникой массовом обществе, состоящем уже не из личностей, но из автоматов, человек ощущает глубочайшее одиночество. Он стремительно бежит от него, стараясь влиться в существующий порядок за счет труда и работы, сохранить свое место в обществе, что, однако, не избавляет его от страхов.

Задача человека в мире технического прогресса состоит в преодолении техники, что возможно за счет осознания современной эпохи как исторически уникальной ситуации. Техника становится своеобразным испытанием для человека, преодолев которое он сможет восстановить утраченное личностное бытие. Ясперс отмечает, что простой пессимизм ни к чему не приведет. Важно осознать, что мы не можем просто отказаться от техники: «С технизацией мира мы вступили на путь, по которому надлежит следовать дальше. Повернуть вспять означало бы затруднить существование до невозможности. Порицание не поможет, необходимо преодоление» [17, с. 402].

Человек должен найти внутренние силы для преодоления техники вместо ее отрицания, осмыслить технику как важную часть исторической ситуации, выстроить дистанцию по отношению к ней, которая позволит посмотреть на феномен техники как таковой. Человеку необходимо оказать сопротивление массовизации и технизации, обратить процесс превращения себя в средство. Для этого, как считает Ясперс, человек должен преодолеть собственную зависимость от техники путем обращения к личным жизненным силам, своему бытию как таковому, которое еще не до конца оформлено как часть мира технического господства [1, с. 187–188].

Техника как тактика жизни (О. Шпенглер)

Освальд Шпенглер, немецкий философ, во многом впитавший интенции философии жизни, представил авторскую концепцию разделения цивилизации и культуры, которая наиболее полно описана в труде «Закат Европы» (1918–1922). Шпенглер пишет о том, что человечество как таковое не имеет конкретного плана и не движется

по пути линейного бесконечного прогресса. Вся история есть не что иное, как свод биографий различных культур, каждая из которых – отдельный живой организм. Любое живое творение по определению является конечным. Так и культура переживает стадию создания, оформления и разрушения, что невозможно предотвратить [28, р. 6–8].

Шпенглер определяет цивилизацию как культуру, находящуюся в состоянии упадка. Культура, которая изначально создается как репрезентация различных незаурядных мыслей, становится источником создания идей, которые в итоге и разрушают эту культуру. Одной из таких идей, в частности, является техника. Европейская, «фаустовская» культура, как называет ее Шпенглер, дошла до технического освоения мира, что становится ее последним вздохом [19, р. 147–148]. Шпенглер пишет: «Фаустовский изобретатель и первооткрыватель – нечто уникальное. ... У всей нашей культуры – душа первооткрывателя» [15, с. 532]. Стремление к технике изначально заложено в европейской культуре как естественная часть ее жизни. Тем не менее, именно техницизм становится одним из признаков того, что фаустовская культура вступила на путь цивилизации и движется к своему завершению.

В работе «Человек и техника» (1931) Шпенглер анализирует как природу самой техники, так и отношение к ней человека. Мыслитель выступает против двух характерных для его времени взглядов на технику: излишней идеализации, склонной выносить технику за рамки культуры, и рассмотрения техники как средства для достижения полезных целей, конечной точкой которых является установление бесконечного счастья для всех. Шпенглер предлагает нам посмотреть на технику не с точки зрения того, какой она должна быть для человечества, а с точки зрения того, чем она на самом деле является, т.к. историческое развитие техники не зависит от человеческих желаний [16, с. 454–457].

Шпенглер утверждает, что техника характерна для всех живых организмов, а не только для человека. Жизнь организма есть постоянная борьба с природой, другим, самим собой. Организм движется в рамках этой борьбы, осуществляет ее за счет техники как тактики самой жизни. Техника не должна пониматься лишь как инструмент. Техника – это не способ создания вещей, но способ взаимодействия с ними в ходе борьбы. Сама техника еще не предполагает наличия орудия, т.к. под ней Шпенглер понимает скорее деятельность с определенной целью, чем вещественную составляющую [25, р. 25–27].

Тем не менее, техника в современную Шпенглеру эпоху приходит к инженерным методам и созданию машин. Подобные явления начинают

мыслиться в качестве прогресса, что Шпенглер решительно отвергает. Он отмечает, что идея прогресса в корне не верна, т.к. не замечает столь важную характеристику любой формы культуры, как конечность. Шпенглер пишет: «Есть что-то комичное в этом марше в бесконечность, к цели, о которой всерьез даже не задумывались ... не осмеливались представить, ибо цель является концом» [16, с. 458]. Человеку необходимо оставить попытки предотвратить конец культуры, т.к. он неизбежен.

Представление о технике как тактике жизни во многом повторяет ницшеанскую идею о воле к власти. Техника буквально становится средством и символом борьбы за власть, за счет техники ставятся цели, главной из которых является борьба как таковая и утверждение жизни. С помощью техники человек противостоит самой природе, стремится вырваться из повиновения естественного мира, создав свой собственный, искусственный мир. Человек как вид протестует против собственной видовой природы, хочет выйти за рамки видовых различий. Однако природа также противостоит человеку в форме различных катаклизмов. Борьба с природой, как считает Шпенглер, будет продолжаться вплоть до завершения жизни человечества, она неизбежно будет им проиграна, но человеку ничего не остается, кроме как продолжать ее, героически принимать реальность и сохранять стремление к борьбе как проявление жизни.

Как уже было сказано, фаустовская культура, проникнутая техникой, переживает свой закат. Шпенглер называет признаком этого состояния «предательство техники». Он отмечает, что техника стала настоящим достижением западных цивилизаций, которое давало им огромное преимущество по сравнению с другими. Представители фаустовской культуры изначально одни владели природными ископаемыми и способами их добычи и обработки. Шпенглер пишет: «Вместо того чтобы держать в тайне технические знания ... ими стали хвастаться и предлагать всему миру в высших школах...» [16, с. 491]. Западная цивилизация, поделившись с другими культурами техникой, подписала себе приговор, т.к. они начинают использовать технику как средство ее разрушения. Крах неизбежен, и все, что остается человеку, принять его с достоинством. Не следует трусливо отворачиваться, прикрываясь оптимизмом. Нужно с честью пройти оставшийся путь, зная о неизбежном поражении, что и покажет всю силу человека фаустовской культуры [25, р. 27–30].

Народ и техника (Х. Фрайер)

Немецкий философ Ханс Фрайер стал одним из первых академических социологов, который обратился к технике как центральной теме соб-

ственных размышлений [8]. Он был учеником Г. Зиммеля, что, несомненно, сказалось на формировании его мысли. Несмотря на влияние критики культуры, Фрайер предлагает своеобразный способ ее преодоления. Можно сказать, что критика культуры Фрайера – это критика способов отношения к культуре и ее понимания, сформированных буржуазной эпохой [12, с. 99–108].

В статье «К философии техники» (1929) Фрайер выступает как против активного технического оптимизма, так и против технического пессимизма. Он считает, что к технике нельзя относиться как к системе средств, которая может по-разному использоваться в зависимости от целей. Фрайер не является сторонником технического прогресса, т.к. он не осмыслен человеком. Техника еще не схвачена как неотъемлемая часть человеческой культуры в ее историческом контексте; цели, которым должна служить техника, еще не отрефлексированы. Фрайер настаивает на большом значении философии истории техники, которая отличается от обычной философии техники тем, что способна поставить вопрос о задачах и значении технологий, осмыслить их как судьбу культуры [13].

Фрайер пишет: «...То, что мы называем техникой, есть измененный дух, желающий овладеть нами. И вот какое серьезнейшее решение нам следует принять: сопротивляться ли этому духу всеми силами или отдаться ему и подвергнуться трансформации под его воздействием» [13, с. 75]. Он отмечает, что появление и развитие техники делает явным наступление новой эпохи человечества, от влияния которой скрыться невозможно. Технику необходимо принять как форму человеческой культуры. Человек должен принять собственные творения, т.к. именно в них он и может узнать себя. Судьба не только европейской культуры, но и всего человечества решается через вопрос о технике, имеющий всемирный характер. Техника изменяет человека и историю.

Фрайер критикует идею Зиммеля о диалектике средства, под которой понимается смена привычной иерархии целей и средств. Техника не является банальной системой средств. Человек, его дух и культура, самостоятельно избрали ее. Человечество стремилось к исследованию, а затем к освоению и порабощению природы, для чего и начало развитие в техническом ключе. Созданию техники предшествует волевое человеческое решение, которым определяется дальнейшее место техники в исторической ситуации. Техника не является ценностно-нейтральной, ее цель определена человеком с самого начала, а технический прогресс – не хаотичный процесс, не поддающийся человеческой власти [13].

Фрайер фиксирует проблемное место в современной технике. Несмотря на то, что она является

формой человеческой культуры, сегодня она разделена с жизнью народа, на службу которому должна быть поставлена. К такому состоянию техники привело забвение идеи национального государства, эпоха классового общества. Это способствовало разрыву техники и воли народов. Человек утрачивает связь с народом, а потому и связь с техникой, начинает мыслить ее как противоположную культуре форму. Современная техника не осмысливается людьми как основа нынешней культуры. При этом достижение такой техникой своего совершенства без должного осмысления ее человеком приведет культуру к краху под гнетом цивилизации, где средства станут господствовать над людьми [8]. Фрайер отмечает: «...Остается ... подлинно философско-исторический вопрос в отношении техники: или контроль над ее развитием безнадежно утрачен, или остается шанс интегрировать ее в жизненную тотальность европейских народов. Иными словами, возможен ли такой рабочий порядок, такое устройство общества, такая политическая система, которые бы создали живое ядро для системы техники» [13, с. 78].

В работе «Революция справа» (1931) Фрайер проясняет идею жизни народа и отдельного человека внутри народа, а также понимание техники с точки зрения политических народных интенций. Фрайер пишет о том, что «революция слева» более не является актуальным способом преобразования мира. Буржуазное общество понимается как набор различных интересов и голосов, за нескладным гулом которых ничего не слышно. В таком обществе нет единой идеи и государства. Напротив, существует большое количество политических институтов, борющихся за власть. Государство становится нейтральным инструментом, в рамках которого люди решают свои вопросы за счет обращения к экономике и хозяйству. Человек же, тоже становящийся нейтральным, существует не для жизни, а для поддержания экономики. Однако он сопротивляется лишению его человечности, создается напряжение в виде борьбы угнетенных и угнетателей, пролетариата и буржуазии. Рабочий жаждет эмансипации, стремится добиться ее революционным путем. Это и есть «революция слева». Ей не удалось свершиться, т.к. буржуазия включает рабочего в собственный дискурс, наделяет его формальным признанием в качестве человека. Революция подменяется борьбой за права, рабочий не создает новый общественный порядок, но стремится к успешному функционированию в уже существующей ситуации. Таким образом, революция XIX в., «революция слева» сводится на нет [14, с. 27–49].

Однако за ней следует пока еще не свершившаяся революция XX в., «революция справа». Эта революция представляет не отдельный класс лю-

дей, но народ как таковой. Народ не обладает отдельным общественным интересом, который можно было бы интегрировать в систему. Он противопоставляет себя ныне существующему порядку, противостоит классовому обществу и нейтрализации всех сфер общественной жизни. Каждый человек в народе – неисчислимо, не замыкающееся в рамках экономики, имеющее ценность само по себе. Народ понимает собственную уникальность по сравнению с иными народами. Если рабочий как тип одинаков в каждой стране, то народ отличен. Народ как субъектная сила возвращает государству субъектность и политичность. Государство теперь связано не с обществом, но с народом и его волей, которая едина, а потому слышима. Революция справа меняет привычный уклад мира, производит переоценку ценностей. Происходит эмансипация человека, он свободен внутри общей воли народа, творящей историю [14, с. 75–99].

Внутри народа формируется новое отношение к технике. Если ранее она понималась как средство угнетения, противоположная человеку сила, то отныне техника становится формой реализации народных целей, способствующей объединению земли и людей. Фрайер пишет: «После того, как народ созрел для технической жизни ... преобразился смысл самой техники. Это уже не магическое средство принуждения в руках ее владельцев, но широкий пласт природы, кровеносная система духа и воли, пронизывающая землю и делающая ее единством человеческого мира» [14, с. 90]. Переход к народу как политической силе, которая интегрировала технику в собственную культуру, возможен исключительно благодаря господству. Через господство народ объединяется с государством, воля первого непосредственно выражается через последнее, а именно – через правителя. Техника становится средством политической власти. Политика всегда предшествует технике, т.к. она опирается на план, разрабатываемый через господство. Техническое освоение природы – не спонтанный процесс, а планируемое государством действие. Техника избирается как средство достижения целей народа, которые ставятся в истинной политике. В национальном государстве техника одновременно и приводится в активное действие, и сдерживается. В этом и состоит подлинное понимание техники как политического средства, обладающего историчностью. Техника находится не над человеком, не вне его. Техника, согласно Фрайеру, – пособница народа, государства, политики, ими же и контролируемая [8].

Заключение

Анализ вышеперечисленных подходов к феномену техники в рамках культуркритицизма убедительно продемонстрировал, что данное течение

представляет собой относительно цельную систему взглядов. Техника в ней рассматривается в первую очередь как жизненная форма. Жизнь как категория анализа человеческого бытия, в т.ч. в связи с техникой, присутствует в трудах представителей данного течения в различных формах. Говорится здесь и о связи техники с культурой. При этом техника понимается как непосредственная часть культуры, захватывающая человека, но оставляющая пространство для интерпретации этого захвата. Классические культуркритицисты (Г. Зиммель, К. Ясперс) склонны считать, что в современном им мире человек так или иначе оказывается поглощен техникой. Однако сторонники «реакционного модернизма» (О. Шпенглер, Г. Фрайер) подчеркивают, что при слиянии человека с техникой последняя обращается на службу людям, помогает достичь поставленных человечеством целей.

Ключевыми при анализе техники с точки зрения критики культуры являются вопросы о связи техники и свободы, а также о возможном преодолении техники. Критика культуры задается вопросом о том, остается ли место для сохранения личной человеческой свободы в мире господства техники. Г. Зиммель и К. Ясперс полагают, что из-за поглощения техникой человек теряет себя и свою свободу, но способен преодолеть технический гнет за счет обращения к самому себе, к собственной жизни. Представители же «реакционного модернизма» склонны считать, что при правильном отношении к технике человек, напротив, получает возможность обрести свободу.

Таким образом, культуркритицизм представляет собой уникальный подход к осмыслению статуса техники и ее влияния на человеческую жизнь, соединяющий в себе разнообразные варианты ответа на «вопрос о технике». Сегодня, когда прогресс техники набирает все новые обороты, вопросы о том, что есть техника, как именно она влияет на человека и соотносится с ним, сохраняют актуальность. В этой связи критика культуры продолжает оставаться интересной оптикой для исследования сущности техники, в т.ч. и потому, что подчеркивает важность человека в разговоре о технике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и в Германии в конце XIX – начале XX столетия. М.: Логос, 2009.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3. 2022. С. 1–12.
3. Зиммель Г. Кризис культуры // Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 489–493.
4. Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры // Зиммель Г. Избранное: в 2-х т. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 445–474.
5. Зиммель Г. Философия денег // Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М.; СПб.: Университетская книга; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 159–208.
6. Левит С.Я. Философия культуры Г. Зиммеля // Вестник культурологии. 2019. № 1. С. 82–108.
7. Михайловский А.В. Маятник модерна. Дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024.
8. Михайловский А.В. Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 62–72.
9. Розин В.М. Философия техники: история и современность. М.: ИФ РАН, 1997.
10. Сколимовски Х. Философия техники как философия человека // Электронная библиотека по философии. URL: <http://filosof.hitoric.ru/books/item/f00/s00/z0000959/st000.shtml>
11. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М.: РОССПЭН, 2009.
12. Филиппов А.Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма // Фрайер Х. Революция справа. М.: Праксис, 2008. С. 99–143.
13. Фрайер Х. К философии техники // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 73–79.
14. Фрайер Х. Революция справа. М.: Праксис, 2008.
15. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998.
16. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век: антология. М.: Юрист, 1995. С. 454–492.
17. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 288–419.
18. Baden, S., Bauer, C. and Hornuff, D., 2018. Formen der Kulturkritik. Paderborn: Wilhelm Fink.
19. Bammé, A., Kotzmann, E. and Oberheber, U., 1993. Basic questions about metaphysics of technology: Spengler, Heidegger, Günther. The Journal of Speculative Philosophy, Vol. 7, no. 2, pp. 143–158.
20. Bollenbeck, G., 2007. Eine Geschichte der Kulturkritik. Von Rousseau bis Günther Anders. Munich: Beck.
21. Bollenbeck, G., 2007. Kulturkritik – ein Reflexionsmodus der Moderne. Zeitschrift für Kulturphilosophie, Vol. 1, no. 2, pp. 6–14.
22. Herf, J., 1984. Reactionary modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Jung, T., 2016. Eine “Klage, die so alt ist, als die Geschichte”? Dimensionen des Wandels im

Diskurs der modernen Kulturkritik. In: Agard, O. and Besslich, B. eds., 2016. Kulturkritik zwischen Deutschland und Frankreich (1890–1933). Frankfurt am Main: Peter Lang, pp. 25–40.

24. Kapp, E., 2015. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten. Hamburg: Felix Meiner.

25. Kidd, I.J., 2012. Oswald Spengler, technology, and human nature. *The European Legacy*, Vol. 17, no. 1, pp. 19–31.

26. Konersmann, R., 2001. Das kulturkritische Paradox. In: Konersmann, R. ed., 2001. Kulturkritik. Reflexionen in der veränderten Welt. Leipzig: Reclam, pp. 9–37.

27. Konersmann, R., 2008. Kulturkritik. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

28. Swer, G.M., 2019. Technology and the end of Western civilisation: Spengler's and Heidegger's histories of life/being. *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*, Vol. 19, no. 1, pp. 1–10.

REFERENCES

1. Gorokhov, V.G., 2009. Tekhnika i kul'tura: vozniknovenie filosofii tekhniki i teorii tekhnicheskogo tvorchestva v Rossii i v Germanii v kontse XIX – nachale XX stoletiya [Technology and culture: the emergence of the philosophy of technology and theories of technical creativity in Russia and Germany in the late 19th and early 20th centuries]. Moskva: Logos. (in Russ.)

2. Simmel, G., 2022. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Big cities and spiritual life], Logos, no. 3, pp. 1–12. (in Russ.)

3. Simmel, G., 1996. Krizis kul'tury [Crisis of culture]. In: Simmel, G., 1996. Izbrannoe: v 2-kh t. T. 1. Filosofiya kul'tury. Moskva: Yurist, pp. 489–493. (in Russ.)

4. Simmel, G., 1996. Ponyatie i tragediya kul'tury [The concept and tragedy of culture]. In: Simmel, G., 1996. Izbrannoe: v 2-kh t. T. 1. Filosofiya kul'tury. Moskva: Yurist, pp. 445–474. (in Russ.)

5. Simmel, G., 2015. Filosofiya deneg [The philosophy of money]. In: Simmel, G., 2015. Izbrannoe. Problemy sotsiologii. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga; Tsentri gumanitarnykh initsiativ, pp. 159–208. (in Russ.)

6. Levit, S.Ya., 2019. Filosofiya kul'tury G. Zimmelya [Georg Simmel's philosophy of culture], Vestnik kul'turologii, no. 1, pp. 82–108. (in Russ.)

7. Mikhailovsky, A.V., 2024. Mayatnik moderna. Diskussii o tekhnike v Germanii [The pendulum of modernity. Discussions on technology in Germany]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

8. Mikhailovsky, A.V., 2011. Filosofiya tekhniki Khansa Freiera [Hans Freyer's philosophy of technology], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 62–72. (in Russ.)

9. Rozin, V.M., 1997. Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost' [Philosophy of technology: its history and present state]. Moskva: IF RAN. (in Russ.)

10. Skolimovski, H., 1979. Filosofiya tekhniki kak filosofiya cheloveka [Philosophy of technology as a philosophy of man]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/i-tem/f00/s00/z0000959/st000.shtml> (in Russ.)

11. Tavrizyan, G.M., 2009. Filosofiya XX veka o tekhnike i «teknicheskoi tsivilizatsii» [20th century philosophy on technology and «technological civilization»]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

12. Filippov, A.F., 2008. Khans Freier: sotsiologiya radikal'nogo konservatizma [Hans Freyer: the sociology of radical conservatism]. In: Freyer, H., 2008. Revolyutsiya sprava. Moskva: Praksis, pp. 99–143. (in Russ.)

13. Freyer, H., 2011. K filosofii tekhniki [On the philosophy of technology], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 73–79. (in Russ.)

14. Freyer, H., 2008. Revolyutsiya sprava [Revolution from the right]. Moskva: Praksis. (in Russ.)

15. Spengler, O., 1998. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy [The decline of the West. Vol. 2. Perspectives of world-history]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

16. Spengler, O., 1995. Chelovek i tekhnika [Man and technics]. In: Kul'turologiya XX vek: antologiya. Moskva: Yurist, 1995, pp. 454–492. (in Russ.)

17. Jaspers, K., 1991. Dukhovnaya situatsiya vremeni [The spiritual situation of the time]. In: Jaspers, K., 1991. Smysl i naznachenie istorii. Moskva: Politizdat, pp. 288–419. (in Russ.)

18. Baden, S., Bauer, C. and Hornuff, D., 2018. Formen der Kulturkritik. Paderborn: Wilhelm Fink.

19. Bammé, A., Kotzmann, E. and Oberheber, U., 1993. Basic questions about metaphysics of technology: Spengler, Heidegger, Günther. *The Journal of Speculative Philosophy*, Vol. 7, no. 2, pp. 143–158.

20. Bollenbeck, G., 2007. Eine Geschichte der Kulturkritik. Von Rousseau bis Günther Anders. Munich: Beck.

21. Bollenbeck, G., 2007. Kulturkritik – ein Reflexionsmodus der Moderne. *Zeitschrift für Kulturphilosophie*, Vol. 1, no. 2, pp. 6–14.

22. Herf, J., 1984. Reactionary modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge: Cambridge University Press.

23. Jung, T., 2016. Eine “Klage, die so alt ist, als die Geschichte”? Dimensionen des Wandels im Diskurs der modernen Kulturkritik. In: Agard, O. and Besslich, B. eds., 2016. Kulturkritik zwischen Deutschland und Frankreich (1890–1933). Frankfurt am Main: Peter Lang, pp. 25–40.

24. Kapp, E., 2015. Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus neuen Gesichtspunkten. Hamburg: Felix Meiner.

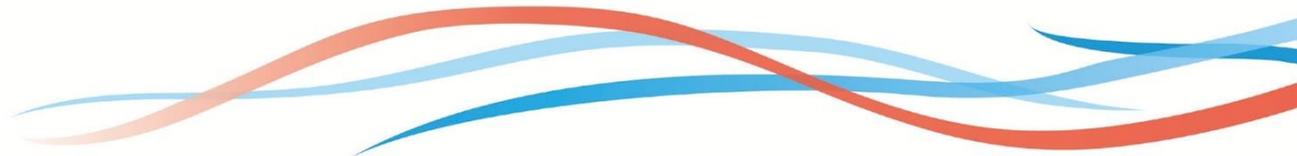
25. Kidd, I.J., 2012. Oswald Spengler, technology, and human nature. *The European Legacy*, Vol. 17, no. 1, pp. 19–31.

26. Konersmann, R., 2001. Das kulturkritische Paradox. In: Konersmann, R. ed., 2001. *Kulturkritik. Reflexionen in der veränderten Welt*. Leipzig: Reclam, pp. 9–37.

27. Konersmann, R., 2008. *Kulturkritik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

28. Swer, G.M., 2019. Technology and the end of Western civilisation: Spengler's and Heidegger's histories of life/being. *Indo-Pacific Journal of Phenomenology*, Vol. 19, no. 1, pp. 1–10.

*Статья поступила в редакцию /
received 29.05.2025;
рекомендована к печати /
accepted 21.07.2025*



УДК 130.2

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/91-99>

А.И. Криман*

ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Статья посвящена философскому осмыслению феномена творчества в условиях развития технологий искусственного интеллекта. Автор исследует, как генеративные нейросети бросают вызов традиционным представлениям о творчестве как исключительно человеческой деятельности, основанной на уникальности субъекта-творца. В работе анализируются историко-философские аспекты понятия «творчество», его секуляризация и последующая трансформация в эпоху цифровых технологий. Особое внимание уделяется проблемам авторства, аутентичности и смыслопорождения в искусстве, создаваемом при участии искусственного интеллекта. В рамках постгуманистического подхода и акторно-сетевой теории творчество переосмысливается как пространство диалога и симпозииса, где стираются бинарные оппозиции и возникает распределенная агентность. В статье выдвигается тезис о том, что в эпоху искусственного интеллекта творчество становится пространством диалога между человеческим и не-человеческим, открывая путь к новым гибридным формам субъектности и художественного выражения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творчество, философия творчества, постгуманизм, авторство, нейросети, субъектность, алгоритм

Creativity in the age of artificial intelligence. ANASTASIYA I. KRIMAN (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

The article is devoted to a philosophical examination of creativity in the age of artificial intelligence (AI). It explores how generative neural networks challenge traditional conceptions of creativity as an exclusively human activity rooted in the unique agency of the subject-creator. The analysis traces the evolution of the concept of «creativity» in the history of philosophy – from its secularization to its ongoing transformation in the digital era – with particular attention to ensuing problems of authorship, authenticity, and meaning-making in AI-generated art. Employing a posthumanist framework and actor-network theory, the paper redefines creativity as a site of dialogue and symposiosis, where binary oppositions dissolve and distributed agency emerges. The central thesis is that AI does not replace human creativity but rather transforms it into a collaborative space between the human and non-human, thereby paving the way for new hybrid forms of subjectivity and artistic expression.

Keywords: artificial intelligence, creative act, philosophy of creativity, posthumanism, authorship, neural networks, subjectivity, algorithm

Введение

Творчество традиционно рассматривалось как одно из высших проявлений человеческого, как деятельность, в которой наиболее полно выражается уникальность человеческого бытия. Однако современные технологические разработки в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) ставят под

вопрос исключительно человеческую природу творчества. Нейросети сегодня пишут стихи и прозу, создают музыкальные композиции, генерируют визуальные образы и тексты, претендуя на статус творцов наравне с человеком. Однако можем ли мы со всей ответственностью говорить о творчестве в контексте деятельности нейросетей?

* КРИМАН Анастасия Игоревна, научный сотрудник отдела философии Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия, postkriman@ya.ru

© Криман А.И., 2025

Философское осмысление феномена творчества в эпоху ИИ требует пересмотра традиционных оппозиций «человек–машина», «субъект–объект» «природа–культура», лежащих в основе западноевропейской метафизики. Как отмечает Ф. Феррандо, «постгуманистическое мировоззрение характеризуется постдуализмом, постгуманизмом, постантропоцентризмом» [11, с. 31], что создает предпосылки для нового понимания творчества как феномена, выходящего за рамки исключительно человеческой деятельности. «“Смерть человека”, объявленная Фуко, формализует эпистемологический и моральный кризис, который выходит за рамки бинарных оппозиций и затрагивает различные полюса политического спектра» [21, р. 23]. Таким образом, человеческое в тандеме с не-человеческим – как в понимании постгуманизма, так и в понимании трансгуманизма демонстрирует новые возможности в творчестве, выходящие за рамки привычных представлений.

Актуальность данного исследования обусловлена не только стремительным развитием технологий ИИ, но и глубинными трансформациями в понимании человеческой субъектности, происходящими в современной философии. В современной философской дискуссии идея автономного субъекта, лежащая в основе новоевропейской культуры, подвергается критическому переосмыслению. В этом контексте анализ творчества машин становится ключом к пониманию трансформаций человеческой субъективности в дигитальную эпоху.

Цель данной статьи – философское осмысление феномена творчества в условиях развития технологий ИИ, выявление новых аспектов субъектности, возникающих в пространстве взаимодействия человека и машины.

Историко-философские аспекты понимания творчества

Понятие «творчество» имеет глубокие этимологические корни, связанные с идеей творения и Творца. В русском языке слово «творчество» происходит от глагола «творить», который исторически имел сакральное значение и относился прежде всего к божественному акту создания мира. Как отмечает В.В. Виноградов, «слово творчество не включено даже в словарь 1847 г. В предшествующих лексиконах его и подавно нет» [5, с. 312]. В словаре 1847 г. отмечены лишь слова «творец» (со значениями: 1) Бог, создатель мира... 2) церк. Производитель, исполнитель... 3) Сочинитель), «творить» (делать, производить), «творческий» (принадлежащий, свойственный творцу). Примечательно, что в широкий обиход понятие «творчество»

входит только в конце XIX – начале XX вв., что совпадает с процессами секуляризации и освобождения общества от религиозного влияния. М. Горький в «Беседах о ремесле» писал: «Прежде всего очень советую начинающим поэтам и прозаикам выкинуть из своего лексикона аристократическое, церковное словечко – “творчество” и заменить его более простым и точным: работа» [7, с. 324]. Эта рекомендация отражает процесс десакрализации понятия творчества, перевод его из религиозной сферы в область человеческой деятельности.

«Язык – это дом бытия» [12, с. 192], и трансформации, происходящие в понимании творчества, непосредственно отражаются в языке. Переход от сакрального понимания творчества как божественного акта к его секуляризованной трактовке как человеческой деятельности можно рассматривать в контексте общих процессов модернизации и становления человека как автономного субъекта.

В христианской традиции творчество рассматривается в контексте божественного творения мира. В Книге Бытия читаем: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» [3, Быт. 1:26–27]. В этом отрывке содержатся три ключевых элемента, которые подвергаются деконструкции в современной философии и антропологии: 1) иерархическое наделение сущностью от Бога к человеку; 2) бинарное разделение на мужчин и женщин; 3) наделение человека правом владычествовать над животными, что поддерживает антропоцентрическую иерархию. Относительно сегодняшней действительности творчество освобождается от исконно религиозной коннотации, однако вопрос о его сакральности остается открытым.

Философ Н.А. Бердяев разрабатывает оригинальную концепцию творчества, преодолевающую разрыв между божественным и человеческим. По Бердяеву, «творческий акт всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы... Творчество по существу есть выход, исход, победа» [2, с. 8–9]. Для Бердяева творчество является продолжением божественного акта творения: «В творчестве сам человек раскрывает в себе образ и подобие Божье, обнаруживает вложенную в него божественную мощь» [2, с. 98]. Таким образом, в творчестве человек приближается к божественному, преодолевает свою тварную природу.

Однако современная постсекулярная философия подвергает критике данную модель, указывая на ее антропоцентрический характер. Как отмечает Ж.-М. Шеффер, «главным онтологическим основанием возникновения тезиса [о человеческой исключительности] является христианство. Однако своей критической точки он достигает в эпоху Просвещения» [17, с. 34]. По христианскому учению, человек далеко отстоит от своего божественного образца из-за первородного греха. В эпоху Возрождения и Просвещения происходит радикальная трансформация: «...Человек западной цивилизации начинает присваивать себе божественный образец, отождествлять себя с ним: парадоксальным жестом он делает трансцендентность имманентной» [17, с. 36]. Человек идет дальше и уже сам создает условных големов, которые претендуют на творчество.

Искусственный интеллект: от алгоритма к творчеству

История использования компьютеров для творческой деятельности насчитывает уже несколько десятилетий. Первые эксперименты в этой области относятся к 1950-м гг., когда были созданы компьютерные программы, способные генерировать музыку на основе заданных правил. Однако результаты были довольно посредственными. Значительный прогресс в области компьютерного творчества произошел в конце XX – начале XXI вв. с развитием нейронных сетей и технологий машинного обучения. С появлением глубоких нейронных сетей и методов обучения с подкреплением ИИ вышел на принципиально новый уровень, позволяющий моделировать сложные когнитивные процессы, в т.ч. связанные с творческой деятельностью.

Современные нейросети способны генерировать изображения, музыку, тексты, обладающие высокой степенью реалистичности и художественной выразительности. Например, система DALL-E компании OpenAI создает изображения на основе текстовых описаний, а GPT-4 пишет стихи и прозу, стилизованные под различных авторов. Некоторые тексты, созданные современными языковыми моделями, практически неотличимы от текстов, написанных людьми. Творчество нейросетей постепенно институционализируется. В 2016 г. впервые прошел конкурс художественных произведений, созданных роботами. В 2018 г. на аукционе Christie's картина «Портрет Эдмонда Белами», созданная ИИ, была продана за 432 500 долл. Это событие стало своеобразной точкой перехода ИИ-искусства из экспериментальной области в признанную часть арт-рынка. Но возможно ли считать

продукт деятельности нейросетей чем-то действительно новым или достаточно определить его в сфере искусства или прикладных технологий, оставив претензию на творчество исключительно за человеком?

Интересную позицию в этом вопросе занимает Маргарет Боден, различающая «исторический» и «психологический» типы творчества. Психологическое творчество (P-creativity) – это создание идеи, новой для конкретного индивида, независимо от того, была ли эта идея создана кем-то ранее. Историческое творчество (H-creativity) – создание идеи, которая является новой в историческом масштабе [20, р. 32]. По мнению М. Боден, современные системы ИИ, безусловно, способны к P-creativity, но их способность к H-creativity остается под вопросом. Существенное ограничение творческих возможностей ИИ связано с тем, что нейросети обучаются на уже существующих произведениях искусства и, следовательно, могут лишь комбинировать и трансформировать известные образцы, но не создавать принципиально новое. Как отмечает С. Пинкер, «человеческий мозг – не просто вычислительное устройство. Его когнитивные способности, включая творчество, основаны на сложном взаимодействии эмоций, социального опыта и культурных ценностей» [10, с. 203].

Однако исследования показывают, что человеческое творчество также во многом опирается на уже существующие идеи. Обращаясь к истории, мы можем обнаружить, что творчество всегда было коллективным процессом, включающим заимствование, комбинирование и трансформацию уже известных образцов. В этой перспективе деятельность ИИ можно рассматривать как продолжение многовековой традиции творческого диалога и трансформации культурных форм.

Искусственный интеллект в художественной практике

Практическое применение ИИ в художественном творчестве демонстрирует многообразие подходов и результатов, которые требуют философского осмысления. Рассмотрим несколько показательных примеров. Проект «Следующий Рембрандт» (The next Rembrandt) представляет собой портрет, созданный ИИ на основе анализа всех известных работ Рембрандта. Над созданием проекта работала команда специалистов из Microsoft, Делфтского технического университета, Дома-музея Рембрандта в Амстердаме и Королевской галереи Маурицхёйс в Гааге. Нейросеть изучила 346 картин художника, проанализировала геометрию лиц,

особенности композиции, цветовую палитру и технику мазка [30]. Результатом стало произведение, которое визуально неотлично от подлинных работ мастера. Этот проект поднимает фундаментальные вопросы о природе творчества и авторства. С одной стороны, перед нами техническое достижение – алгоритм, способный имитировать стиль великого художника. С другой стороны, это не просто копия существующей картины, а новое произведение, синтезирующее характерные черты творчества Рембрандта. Проект ставит под вопрос романтическое представление о художнике как о гении, наделенном уникальным видением мира. Если стиль можно алгоритмизировать, то в чем заключается неповторимость творческого акта?

Другой показательный пример – картина «Портрет Эдмонда Белами», созданная парижской группой Obvious Art с использованием Generative Adversarial Networks (GAN) [22]. Технология GAN представляет собой систему из двух нейронных сетей – генератора и дискриминатора. Генератор создает новое изображение на основе набора, затем дискриминатор пытается определить разницу между изображением, созданным человеком, и изображением, созданным генератором. Цель состоит в том, чтобы обмануть дискриминатор. Примечательно, что подпись на картине – это часть математической формулы, использованной при создании изображения.

В музыкальной сфере интересный эксперимент был проведен композитором Дэвидом Тьюдором, использующим алгоритмы, которые из механических звуков создают музыку, напоминающую природные звуки. Эта работа иллюстрирует сложную диалектику естественного и искусственного в творчестве [31]. Проект «The Neural Network Synthesizer: for Neural Synthesis and Neural Network Plus» демонстрирует постгуманистическую триаду в действии, где человеческое, технологическое и природное сливаются в единой симфонии. И хотя он возник задолго до нейросетей, способных генерировать имитации в т.ч. и природных звуков, нас интересует момент включения технологического в творческий процесс.

Особый интерес представляет проект компании Яндекс, в рамках которого нейросети обучались создавать музыкальные альбомы, стилизованные под популярные группы, и писать стихи в стиле Егора Летова. Этот проект демонстрирует, что современные алгоритмы способны улавливать не только формальные характеристики стиля, но и его эмоциональную, смысловую составляющую [16].

Все эти примеры свидетельствуют о том, что ИИ становится значимым актором в пространстве

художественного творчества, что требует философского переосмысления традиционных категорий авторства, оригинальности и самого творческого акта.

Авторство и аутентичность

В традиционной эстетике и теории искусства автор рассматривался как единственный субъект творческого акта, источник уникального художественного видения. Как отмечает Р. Барт, «автор до сих пор царит в учебниках истории литературы, в биографиях писателей, в журнальных интервью и в сознании самих литераторов» [1, с. 384]. Однако уже в постструктурализме была провозглашена «смерть автора» – идея о том, что текст создается не столько индивидуальным сознанием, сколько языком, культурными кодами, интертекстуальными связями. Развитие технологий ИИ придает новое измерение проблеме авторства. Кто является автором произведения, созданного нейросетью: разработчик алгоритма, пользователь, задающий параметры, сама нейросеть или все они вместе? Творчество с использованием ИИ порождает распределенную агентность, в которой человеческие и не-человеческие акторы соучаствуют в создании произведения.

Интересный подход к этой проблеме предлагает Б. Латур в рамках акторно-сетевой теории, рассматривающей социальное как сеть отношений между человеческими и не-человеческими актантами. По Латуру, «агентность не является исключительной привилегией человеческих существ, но распределена между различными типами акторов – людьми, технологиями, природными объектами» [26, р. 63]. В этой перспективе авторство произведения, созданного с участием ИИ, можно рассматривать как результат сложного взаимодействия различных агентов в социо-технической сети, которая формирует многомерные комплексные отношения между актантами человеческой и не-человеческой природы [8]. Однако встает вопрос об исключительности акта творчества, его неповторимости, а значит и ценности.

Вальтер Беньямин в своей знаменитой работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936) писал о том, как технологии репродуцирования лишают произведение искусства его «ауры» – уникальности его существования в пространстве и времени [19]. Современные технологии ИИ создают новую ситуацию, которую можно назвать «эпохой технической воспроизводимости 2.0», где под вопросом оказывается не только аутентичность копии, но и оригинальность самого оригинала. Когда ИИ создает картину в стиле Ван Гога, мы имеем дело не с копией конкретного произведения, а с симуляцией самого творческого акта. Это не воспроизведение, а производство, претендующее на

оригинальность. В этом контексте традиционное противопоставление оригинала и копии теряет смысл, уступая место более сложной диалектике подлинного и симулятивного.

Интересно, что в некоторых случаях произведения, созданные ИИ, могут восприниматься как более «аутентичные», чем работы человека-имитатора. Например, музыкальная композиция, созданная нейросетью на основе анализа произведений Баха, может быть стилистически ближе к оригиналу, чем пьеса современного композитора, сознательно подражающего барочному стилю. Парадокс заключается в том, что алгоритмическая имитация может быть «честнее» человеческой, поскольку она лишена претензии на уникальность и самовыражение.

Смыслопорождение и понимание

Ключевым вопросом в дискуссии о творческих возможностях ИИ является вопрос о способности машины к смыслопорождению и пониманию. Как отмечает Дж. Сёрл в своем знаменитом мысленном эксперименте «Китайская комната», компьютер может успешно манипулировать символами в соответствии с формальными правилами, но не понимает значения этих символов [28]. Применительно к творчеству это означает, что ИИ может генерировать тексты или изображения, формально соответствующие определенным правилам и образцам, но не понимает их смысла и значения. Современные нейросети, такие как GPT-4 или DALL-E, демонстрируют впечатляющие результаты в генерации текстов и изображений, но их деятельность лишена интенциональности и самосознания. ИИ может имитировать результаты творческого процесса, но не сам творческий процесс, включающий в себя интенцию, рефлекссию, эмоциональное переживание.

Однако некоторые исследователи оспаривают это утверждение, указывая на то, что человеческое творчество также может быть описано в терминах вероятностных моделей и комбинаторики. Д. Хофштадтер, автор знаменитой книги «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда», предлагает рассматривать творчество как «странную петлю» – самореферентную структуру, в которой высшие уровни системы могут взаимодействовать с низшими [15]. По мнению Хофштадтера, нельзя исключать возможность возникновения подобных «странных петель» в достаточно сложных искусственных нейронных сетях.

Перспективы творчества в новой онтологии

Интересно, что в трансгуманистическом дискурсе происходит не столько наделение антропоморфными чертами технологического, сколько своеобразное «обожествление» человека и «очеловечивание» машины. Человек, подобно богу, создает новые формы жизни и сознания, а

машина наделяется чертами, традиционно ассоциируемыми с человеческой субъективностью. В трансгуманизме мы наблюдаем перенос атрибутов божественного творения на человека, который теперь сам создает бестиарий существ и творений. Однако критики трансгуманизма указывают на опасность такого подхода. Ф. Фукуяма называет трансгуманизм «самой опасной идеей в мире», поскольку он ставит под угрозу базовые ценности гуманизма и может привести к новым формам неравенства и эксплуатации [23]. Ю. Хабермас выражает обеспокоенность тем, что генетические модификации и киборгизация могут подорвать автономию личности и свободу самоопределения – ключевые условия творческой деятельности [24].

В отличие от трансгуманизма, постгуманизм не стремится к технологическому усовершенствованию человека, но предлагает радикальное переосмысление самого понятия человеческого. Как пишет Р. Брайдотти, «постгуманизм отказывается от антропоцентризма и иерархических бинарных оппозиций, предлагая вместо этого реляционную онтологию, в которой человеческое существует в сложной сети отношений с нечеловеческим» [4, с. 65]. В постгуманистической перспективе творчество не является исключительной привилегией человека, но распределено между различными агентами – человеческими и нечеловеческими. Постчеловеческое сознание характеризуется распределенной когницией, в которой человеческий разум сосуществует и взаимодействует с интеллектуальными машинами.

Интересный пример постгуманистического подхода к творчеству демонстрирует художник Эдуардо Кац, создавший «трансгенное искусство» – произведения, включающие в себя живые организмы, модифицированные с помощью генной инженерии. Его знаменитый проект «GFP Bunny» (2000) представляет собой зеленого флуоресцентного кролика, созданного путем внедрения гена медузы в ДНК зайца [25]. Это произведение размывает границы между искусством, наукой и этикой, ставя вопрос о том, кто является автором – художник, генетик или сама природа.

В литературе и кинематографе также появляются произведения, исследующие постгуманистические формы творчества. Например, роман Ричарда Пауэрса «Овергейт» (2019) рассказывает историю о деревьях, которые общаются друг с другом и влияют на жизнь людей, демонстрируя, что агентность и творческое начало могут быть присущи нечеловеческим формам жизни [9]. Таким образом, постгуманистическое искусство воспроизводит триаду человеческое/технологическое/животное, а трансгуманизм стоит на классических бинарных оппозициях человеческое/не-человеческое, зачастую заменяя божественное сакрализацией технологии.

Творчество как диалог человеческого и не-человеческого

В контексте современных философских и технологических трансформаций творчество можно переосмыслить как пространство диалога между человеческим и не-человеческим. Этот подход созвучен концепции «симпозиса» (совместного создания), предложенной Донной Харауэй: «Симпозис – это создание-вместе, когда ни один вид, включая наш собственный, не действует в одиночку» [14]. В этой перспективе ИИ можно рассматривать не как замену человеческому творчеству, а как партнера в творческом процессе, открывающего новые возможности для художественного выражения. Сотрудничество человека и ИИ в сфере искусства создает уникальный гибридный тип творчества, недоступный ни человеку, ни машине по отдельности.

Примером такого симпозического творчества может служить проект «AI Duet» от Google, где алгоритм машинного обучения взаимодействует с пианистом, создавая музыкальный диалог. Человек играет музыкальную фразу, а ИИ отвечает, основываясь на паттернах, выявленных в ходе обучения на тысячах музыкальных композиций [27]. Результат такого взаимодействия – импровизационное произведение, в котором сложно разделить человеческий и машинный вклад.

Другой показательный пример – сотрудничество К. Алладо-МакДауэлл и языковой модели GPT-3 при создании романа «Фармако-ИИ» (2020). Писательница предлагала начальные фрагменты текста, а нейросеть продолжала повествование, создавая неожиданные сюжетные повороты и образы. Как отмечает сама К. Алладо-МакДауэлл, «это был опыт соавторства, изменивший мое понимание творческого процесса. ИИ действовал не как инструмент, а скорее как младший партнер с собственным творческим голосом» [18].

Для описания процесса, в котором человеческая субъективность формируется во взаимодействии с техническими объектами, философ Б. Стиглер вводит понятие «технической трансиндивидуации». По Стиглеру, «технические объекты – не просто внешние инструменты, но конститутивные элементы человеческого опыта» [29, р. 178]. В этой перспективе ИИ можно рассматривать как технологию, участвующую в формировании новых форм творческой субъективности. Интересно, что в некоторых случаях взаимодействие с ИИ позволяет художникам преодолеть творческие блоки и открыть новые художественные возможности. Художники, работающие с системами ИИ, отмечают, что диалог с ИИ помогает им выйти за пределы привычных паттернов мышления и увидеть образы, которые они сами бы не создали. Это не замена человеческого творчества, а его расширение.

Этические аспекты творчества ИИ

Развитие творческих возможностей ИИ поднимает ряд сложных этических вопросов. Один из них касается культурного присвоения и эксплуатации. Когда нейросеть обучается на произведениях искусства, созданных людьми (часто без их явного согласия), а затем генерирует новые работы в том же стиле, возникает вопрос о справедливости такого заимствования. Обучение ИИ на произведениях искусства без согласия авторов можно рассматривать как форму эксплуатации творческого труда. Другая этическая проблема связана с возможностью использования ИИ для создания дезинформации и манипуляции общественным мнением. Технологии «глубокой подделки» (deepfake) позволяют создавать реалистичные видео и аудиозаписи, имитирующие речь и поведение реальных людей. Творческие возможности ИИ могут быть использованы для подрыва доверия к медиа и манипуляции массовым сознанием.

Существует также проблема культурного обеднения и стандартизации. Если ИИ будет все шире использоваться в творческих индустриях, это может привести к унификации культурных продуктов, основанных на статистически наиболее популярных паттернах. Алгоритмическое творчество, ориентированное на максимизацию популярности, может привести к культурной гомогенизации и исчезновению экспериментальных, авангардных форм искусства.

Новые горизонты человеческого творчества

Несмотря на впечатляющие достижения ИИ в сфере творчества, можно предположить, что человеческое творчество не исчезнет, но трансформируется, найдя новые формы выражения. Как отмечает Ю.Н. Харари, «автоматизация рутинных аспектов творческого процесса может освободить человека для более глубоких форм творческого самовыражения» [13, с. 376]. Один из возможных сценариев – смещение фокуса человеческого творчества с создания конечных продуктов на разработку творческих систем и алгоритмов. В будущем художник может быть не столько создателем конкретных произведений, сколько дизайнером творческих систем, задающим параметры и правила для алгоритмического генерирования искусства.

Другой сценарий – развитие форм творчества, наиболее тесно связанных с человеческим опытом, эмоциями, социальными отношениями. ИИ может превзойти человека в создании формально совершенных произведений, но человеческое творчество сохранит свою уникальность в выражении экзистенциального опыта, страданий, любви, поиска смысла.

В завершение обратимся к перспективе преодоления бинарной оппозиции человеческого и не-человеческого творчества. Как отмечает

Р. Брайдотти, «постчеловеческая субъективность предполагает новую форму отношений с не-человеческими агентами – не отношений исключения или господства, но взаимного становления» [4, с. 92]. В этой перспективе творчество можно рассматривать не как исключительно человеческую или машинную деятельность, но как процесс непрерывного становления, в котором участвуют различные агенты – люди, технологии, природные системы. Отношения разумного доверия предполагают признание ограничений и возможностей как человеческого, так и машинного интеллекта, и ориентацию на их взаимодополнительность.

Творчество в постчеловеческую эпоху может стать пространством преодоления онтологических границ, установленных западноевропейской метафизикой. Гегель в «Феноменологии духа» пишет: «Бессильная красота ненавидит рассудок, ибо от нее он требует того, к чему она неспособна. Но не та жизнь, которая страшилась смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь Духа. Он достигает своей истины, лишь обретая себя в абсолютном распаде» [6, с. 24]. Эти слова приобретают новое звучание в контексте «смерти» традиционных форм творчества и возникновения новых, гибридных форм на границе человеческого и машинного.

Заключение

Развитие технологий ИИ радикально трансформирует наше понимание творчества, ставя под вопрос традиционные представления об авторстве, оригинальности, субъективности. ИИ демонстрирует впечатляющие способности к созданию текстов, изображений, музыки, которые все сложнее отличить от произведений, созданных человеком. В данной статье мы рассмотрели феномен творчества в эпоху ИИ с позиций различных философских подходов, продемонстрировав, что современные дискуссии о творческих возможностях ИИ затрагивают фундаментальные философские вопросы о природе сознания, субъективности, смысла.

Анализ конкретных примеров использования ИИ в художественной практике позволил выявить как возможности, так и ограничения машинного творчества. С одной стороны, ИИ способен генерировать произведения, формально неотличимые от созданных человеком, с другой – его деятельность лишена интенциональности, самосознания, понимания смысла.

В контексте трансгуманистических и постгуманистических концепций творчество приобретает новое измерение – оно становится пространством диалога между человеческим и не-человеческим, пространством преодоления бинарных

оппозиций «субъект–объект», «природа–культура», «человек–машина». Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики связаны с анализом новых форм творческого взаимодействия человека и ИИ, а также с философским осмыслением культурных, этических, антропологических последствий развития ИИ-творчества.

В завершение можно высказать предположение, что в эпоху ИИ творчество не исчезнет, но будет претерпевать радикальную трансформацию, обретая новые формы и смыслы. Как пишет Н.А. Бердяев, «в творчестве снизу раскрывается божественное в человеке, от свободного почина самого человека, а не сверху» [2, с. 98]. Возможно, именно в творческом диалоге с ИИ человек сможет по-новому раскрыть свою сущность, преодолевая ограничения традиционного гуманизма и открывая путь к новым формам субъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2018.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2011.
4. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.
5. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999.
6. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
7. Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. М.: Художественная литература, 1953.
8. Криман А.И. Акторно-сетевая теория Б. Латура в контексте ухода от антропоцентризма в постгуманизме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2024. № 4. С. 152–161.
9. Пауэрс Р. Корни небес. М.: Эксмо, 2021.
10. Пинкер С. Как работает мозг. М.: Кучково поле, 2017.
11. Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
12. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
13. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018.
14. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: создание родства в Хтулуцене. М.: Ad Marginem Press, 2020.
15. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Бахрах-М, 2001.

16. Чумак Л. Сотрудники Яндекса записали альбом на стихи, созданные нейросетью // Russian business. URL: https://rb.ru/news/muzika_xxi_veka/
17. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
18. Allado-McDowell, K., 2021. *Pharmako-AI*. London: Ignota Books.
19. Benjamin, W., 1969. The work of art in the age of mechanical reproduction. In: Arendt, H. ed., 1969. *Illuminations*. New York: Schocken Books, pp. 217–251.
20. Boden, M.A., 2004. *The creative mind: myths and mechanisms*. London: Routledge.
21. Braidotti, R., 2013. *The posthuman*. Cambridge: Polity Press.
22. Edmond de Belamy // *Obvious Art*. URL: <https://obvious-art.com/portfolio/edmond-debelamy/>
23. Fukuyama, F., 2004. Transhumanism: the world's most dangerous idea. *Foreign Policy*, no. 144, pp. 42–43.
24. Habermas, J., 2003. *The future of human nature*. Cambridge: Polity Press.
25. Кас, Е., 2000. GFP bunny. URL: <https://www.ekac.org/gfpbunny.html>
26. Latour, B., 2005. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.
27. Mann, Y., 2017. *AI duet*. URL: <https://experiments.withgoogle.com/ai-duet>
28. Searle, J., 1980. Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*, Vol. 3, no. 3, pp. 417–424.
29. Stiegler, B., 1998. *Technics and time: the fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press.
30. The next Rembrandt. URL: <https://www.vml.com/work/next-rembrandt>
31. Warthman, F. and Tudor, D. *The neural network synthesizer: for neural synthesis and neural network plus*. URL: <https://davidtudor.org/Articles/warthman.html>
5. Vinogradov, V.V., 1999. *Istoriya slov* [The history of words]. Moskva: Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. (in Russ.)
6. Hegel, G.W.F., 2000. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of spirit]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
7. Gorky, M., 1953. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 25* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 25]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ.)
8. Krیمان, A.I., 2024. *Aktorno-setevaya teoriya B. Latura v kontekste ukhoda ot antropotsentrizma v postgumanizme* [B. Latour's actor-network theory in the context of moving away from anthropocentrism in posthumanism], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. Referativnyi zhurnal*, no. 4, pp. 152–161. (in Russ.)
9. Powers, R., 2021. *Korni nebes* [The overstory]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)
10. Pinker, S., 2017. *Kak rabotaet mozg* [How the mind works]. Moskva: Kuchkovo pole. (in Russ.)
11. Ferrando, F., 2022. *Filosofskii postgumanizm* [Philosophical posthumanism]. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (in Russ.)
12. Heidegger, M., 1993. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: articles and speeches]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
13. Harari, Y.N., 2018. *Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego* [Homo deus: a brief history of tomorrow]. Moskva: Sindbad. (in Russ.)
14. Haraway, D., 2020. *Ostavayas' so smutoi: sozдание rodstva v Khtulutsene* [Staying with the trouble: making kin in the Chthulucene]. Moskva: Ad Marginem Press. (in Russ.)
15. Hofstadter, D., 2001. *Gödel', Esher, Bakh: eta beskonechnaya girlyanda* [Gödel, Escher, Bach: an eternal golden braid]. Samara: Bakhrakh-M. (in Russ.)
16. Чумак Л. Сотрудники Яндекса записали альбом на стихи, созданные нейросетью // Russian business. URL: https://rb.ru/news/muzika_xxi_veka/
17. Schaeffer, J.-M., 2010. *Konets chelovecheskoi isklyuchitel'nosti* [The end of the human exception]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
18. Allado-McDowell, K., 2021. *Pharmako-AI*. London: Ignota Books.
19. Benjamin, W., 1969. The work of art in the age of mechanical reproduction. In: Arendt, H. ed., 1969. *Illuminations*. New York: Schocken Books, pp. 217–251.
20. Boden, M.A., 2004. *The creative mind: myths and mechanisms*. London: Routledge.
21. Braidotti, R., 2013. *The posthuman*. Cambridge: Polity Press.
22. Edmond de Belamy // *Obvious Art*. URL: <https://obvious-art.com/portfolio/edmond-debelamy/>

REFERENCES

1. Bart, R., 1994. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. (in Russ.)
2. Berdyaev, N.A., 2018. *Smysl tvorchestva* [The meaning of the creative act]. Moskva: AST. (in Russ.)
3. Bibliya. *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Old and New Testament]. Moskva: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo, 2011. (in Russ.)
4. Braidotti, R., 2021. *Postchelovek* [The posthuman]. Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (in Russ.)

23. Fukuyama, F., 2004. Transhumanism: the world's most dangerous idea. *Foreign Policy*, no. 144, pp. 42–43.
24. Habermas, J., 2003. *The future of human nature*. Cambridge: Polity Press.
25. Kac, E., 2000. GFP bunny. URL: <https://www.ekac.org/gfpbunny.html>
26. Latour, B., 2005. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press.
27. Mann, Y., 2017. AI duet. URL: <https://experiments.withgoogle.com/ai-duet>
28. Searle, J., 1980. Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*, Vol. 3, no. 3, pp. 417–424.
29. Stiegler, B., 1998. *Technics and time: the fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press.
30. The next Rembrandt. URL: <https://www.vml.com/work/next-rembrandt>
31. Warthman, F. and Tudor, D. The neural network synthesizer: for neural synthesis and neural network plus. URL: <https://davidtudor.org/Articles/warthman.html>

*Статья поступила в редакцию /
received 29.07.2025;
рекомендована к печати /
accepted 05.09.2025*

УДК 122/129

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/100-107>

О.Л. Грановская, И.Г. Беспалов*

ДИАЛЕКТИКА РАЗРЫВА: КОНЦЕПТ ПЛАСТИЧНОСТИ К. МАЛАБУ КАК РЕСУРС ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ

Статья посвящена анализу рецепции гегелевской философии в современной мысли, в частности, радикальному переосмыслению диалектики и телеологии, предложенному французским философом Кэтрин Малабу. Авторы рассматривают критику гегелевской системы со стороны постструктуралистов и либеральных мыслителей, усматривавших в ее телеологической завершенности угрозу плюрализму, свободе и открытости исторического процесса. В качестве альтернативы далее исследуется разработанный Малабу концепт пластичности, который позволяет преодолеть жесткие телеологические рамки классической диалектики, открывая возможность включения в нее элементов разрыва, деструкции и биологически обусловленной символизации. В статье прослеживается, как Малабу соединяет гегелевское становление с деконструкцией и нейронаукой, предлагая новую онтологию, в которой биологическое и символическое сосуществуют как равноправные модусы бытия. Авторы приходят к выводу, что философия Малабу предлагает путь трансформации гегелевской системы, а не отказа от нее, сохраняя ее диалектический потенциал в условиях постметафизического мышления.

Ключевые слова: диалектика, пластичность, телеология, К. Малабу, Г.В.Ф. Гегель, субъективность, разрыв, темпоральность

The dialectics of rupture: Malabou's plasticity and the rethinking of Hegelian teleology. OLGA L. GRANOVSKAYA (Far Eastern Federal University), ILYA G. BESPALOV (Far Eastern Federal University)

The article analyzes the reception of Hegelian philosophy in contemporary thought, focusing on the radical rethinking of dialectics and teleology proposed by French philosopher Catherine Malabou. It begins by examining critiques of the Hegelian system from post-structuralist and liberal thinkers, who perceived its teleological completeness as a threat to pluralism, freedom, and historical openness. In response to these critiques, the study explores Malabou's concept of plasticity as an alternative framework – one that transcends the rigid teleology of classical dialectics by incorporating elements of rupture, destruction, and biologically conditioned symbolization. The paper further traces how Malabou integrates Hegelian becoming with deconstruction and neuroscience, proposing a new ontology in which the biological and the symbolic coexist as equal modes of being. Ultimately, the authors argue that Malabou's philosophy offers a path for transforming, rather than rejecting, the Hegelian system, thus preserving its dialectical potential within a post-metaphysical context.

Keywords: dialectics, plasticity, teleology, C. Malabou, G.W.F. Hegel, subjectivity, rupture, temporality

Введение

Спустя почти двести лет со дня смерти Гегеля его философия остается в центре современных дискуссий. Причиной тому – не только архитек-

тура его философской системы, построенной на логико-метафизическом фундаменте и претендующей на внутреннюю замкнутость, но, прежде всего, разработанный им метод – диалектика, в

* ГРАНОВСКАЯ Ольга Леонидовна, доктор философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, granovskaya.ol@dvfu.ru

БЕСПАЛОВ Илья Геннадьевич, аспирант Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, bespalov.ig@dvfu.ru

© Грановская О.Л., Беспалов И.Г., 2025

рамках которой бытие мыслится как процесс самоформления, проходящий через череду противоречий, их снятия и перехода к новой форме, включая как моменты непрерывности, так и возможность прерываний, трансформаций и разрывов. Именно в этой последовательности – тезис, антитезис, синтез – Гегель обнаруживает структуру движения духа и истории.

Однако современная философия, особенно французская постструктуралистская традиция, поставила под вопрос не только телеологическую завершенность гегелевской системы, но и саму возможность гармонизации противоречий. Жак Деррида, в рамках своей деконструкции бинарных оппозиций западной метафизики, указывал на структурную невозможность завершенного синтеза ряда структур, пребывающих в процессе «разрыва и смещения» [2, с. 51]. В своей работе «О грамматологии» он противопоставил концепции диалектического снятия идею следа, который не может быть окончательно вписан ни в одну целостную синтетическую структуру.

Жиль Делез, развивая концепт различия, критиковал диалектику как инструмент редукции многообразия к синтетическому единству [5, с. 118]. Джордж Агамбен, в свою очередь, поднимал вопрос об «остатке» [1] – том, что принципиально не поддается включению в символический порядок. Их критика демонстрирует, что попытка свести историческое и онтологическое становление к замкнутой структуре противоречит опыту множественности, непредсказуемости и разрыва.

Не менее значимым является вызов со стороны либеральной философии, обеспокоенной политико-этическими последствиями идеи исторической необходимости. Либеральная традиция, основанная на защите индивидуальной свободы, автономии и плюрализма ценностей, воспринимала гегелевскую мысль как потенциально опасную – особенно в ее телеологической версии, где развитие подчинено заранее заданной логике Абсолюта. Ключевым ее критиком в этом контексте стал Исая Берлин, предложивший в работе «Две концепции свободы» (1958) различие между негативной и позитивной свободой. Последняя в гегелевском прочтении, согласно Берлину [9, р. 203], заключалась в подчинении субъекта универсальному разуму, воплощенному в духе народа, государства или истории. Такая модель свободы, писал он, приводит к тому, что несогласие интерпретируется как неразумность, а индивидуальный выбор уступает место «истинной» воле, определяемой извне. В этом либералы усматривали не просто теоретическое противоречие, но прямую угрозу моральной автономии личности.

Карл Поппер предлагал более жесткую формулировку: он обвинил Гегеля в подмене философского мышления идеологией историцизма. Согласно Попперу, если ход истории является логически необходимым, то любое сопротивление «объективному процессу» оказывается иррациональным [6, с. 269]. Такая логика, утверждал он, разрушает саму возможность критики власти и оправдывает насилие как неизбежный этап исторического становления. В этом смысле гегелевская телеология воспринималась Поппером не как метафизическая гипотеза, а как идеологический инструмент.

Последователь Берлина Джон Грей развивает эту аргументацию, утверждая, что стремление к синтезу и завершенности, характерное для гегелевской философии, неизбежно подавляет множественность и различие [4, с. 16]. С точки зрения Грея, идея универсального целого вступает в конфликт с идеалом ценностного плюрализма, который лежит в основе либерального мировоззрения. Попытка «примирения» всех противоречий приводит, по его мнению, к иерархизации ценностей и исключению инаковости [4, с. 86]. Грей позиционирует «агональный» либерализм Берлина в качестве антитезы гегельянству, поскольку он стоит на защите хрупкого многообразия жизни «против тотализирующих метанарративов» [10, с. 132].

Возражения Берлина и Грея направлены не столько против диалектики как таковой, сколько против тех политических и аксиологических следствий, к которым, по их мнению, может привести гегелевская идея исторической необходимости и универсального духа. Берлин усматривал в телеологическом мышлении источник оправдания насилия и пренебрежения свободой личности. Грей, развивая эту линию, критиковал универсализм гегелевского мышления за подавление ценностного плюрализма и навязывание единой логики исторического развития. Их критика может быть резюмирована по трем основным направлениям.

В эссе «Историческая неизбежность» Берлин подчеркивает, что вера в историческую неизбежность, «в то, что все происходящее неизбежно, что попытки сопротивляться этому тщетны... ведет к моральной безответственности, к оправданию пассивности перед лицом зла» [3, с. 136], другими словами, разрушает пространство моральной ответственности. В одном из первых своих исследований, посвященных марксизму, он делает вывод, что Маркс превратил гегелевскую диалектику в орудие для обоснования диктатуры, где страдания настоящего объявляются необходимой платой за счастье будущего [8].

Основная идея Берлина и его последователей – ценностный плюрализм, утверждение множественности человеческих ценностей. Он критикует концепцию «позитивной свободы», сторонником которой был, по его мнению, Гегель «с его стремлением к «истинному» Я: «...Эта концепция чаще других превращалась в орудие тирании, когда правители навязывали свою волю во имя “выс-

ших интересов» народа» [9, с. 230]. Джон Грей добавляет к этому: «Универсалистские проекты, будь то гегельянство или марксизм, игнорируют несоизмеримость ценностей... Они пытаются подчинить жизнь абстрактным схемам, отрицая реальность конфликта между благами» [4, с. 145].

Будучи сторонником индивидуальной свободы, Берлин также критикует Гегеля за концепцию достижения свободы через подчинение всеобщей воле: «Это открывает путь к тоталитаризму, где индивид растворяется в коллективе» [3, с. 180]. В своей работе «Либерализмы» Грей развивает эту идею: «Марксизм, как наследник Гегеля, отрицает множественность истинных ценностей... Это ведет к подавлению инакомыслия во имя “исторической необходимости”» [10, р. 67].

Итак, все эти критики сходятся в одном: в их интерпретации Гегель предлагает философию, в которой свобода возможна только как реализация объективной необходимости, а значит она теряет свое личностное, экзистенциальное измерение. Свобода в гегелевской системе становится формой внутреннего согласия с необходимым, а не правом на отказ и сопротивление. На этом фоне интересную попытку радикального переосмысления гегелевского наследия, а не отказа от него, представляет собой философия Кэтрин Малабу. Развивая свою мысль на пересечении традиций деконструктивистской философии и современных нейронаук, Малабу выдвигает концепт пластичности как категорию, способную удерживать напряжение между формообразованием и разрушением, между синтезом и разрывом. В ее интерпретации гегелевская диалектика не теряет своей силы, но перестает быть моделью финализма: становление предстает как пластичный процесс, допускающий травму, непредсказуемость и возможность подлинной свободы. Пластичность у Малабу – не только философская категория, но и онтологический принцип, позволяющий вписать в философскую систему как контингентность, так и историческую трансформацию, не разрушая при этом ее логического ядра.

Цель данной статьи – выявить, каким образом понятие пластичности позволяет Малабу осуществить радикальную трансформацию гегелевской телеологии. Мы рассмотрим ее философию в контексте как критики тотальности, озвученной Ж. Деррида, Ж. Делёзом, И. Берлиным и Дж. Греем, так и позитивных попыток ее переосмысления, характерных для Дж. Агамбена, А. Бадью, Ж.-Л. Нанси. В центре нашего внимания – вопрос о том, может ли диалектика быть контингентной, открытой к непредсказуемому, и какую роль в этом играет телесный, биологический аспект бытия.

В статье используется сравнительно-исторический и герменевтический методы, а также метод

концептуального анализа. Концептуальный анализ применяется для выявления семантического и философского значения понятия «пластичность» и его функций в корпусе работ К. Малабу. Сравнительно-исторический подход используется для анализа эволюции представлений о телеологии – от ее гегелевского переосмысления как формы рациональности до критики у Берлина, Делеза, Деррида и Малабу. Герменевтический подход служит не только для интерпретации ключевых текстов Малабу [11; 13; 14], но и для выявления параллелей с постметафизической философией и нейронаукой, что позволяет сформировать целостную картину философской трансформации диалектики в ее современном прочтении.

Пластичность: между Гегелем и Деррида

Кэтрин Малабу – французский философ, ученица Жака Деррида, чье исследование гегелевской традиции отличается концептуальной новизной и методологической глубиной. Центральным понятием ее работ становится пластичность, которую она наследует у Гегеля, но радикально переосмысливает.

Малабу начинает разрабатывать этот концепт в своей диссертации, опираясь на его употребление в различных областях: от материаловедения и нейронаук до повседневной речи. Она выделяет три основные модальности пластичности: активная пластичность – способность придавать форму; пассивная пластичность – способность воспринимать форму, поддаваться оформлению (например, как глина или воск); разрушительная пластичность – способность к уничтожению формы, к радикальному и необратимому разрыву, подобному действию взрывчатого вещества (*plastoïde*) [11, р. 8–11].

Если в классической философии пластичность понималась преимущественно как способность формировать и сохранять, то Малабу добавляет к этому еще одно, наиболее радикальное измерение – способность разрушать. Именно это третье значение позволяет ей переосмыслить гегелевскую диалектику не как процесс гармонизирующего синтеза, а как открытую структуру, допускающую травму, прерывание и исчезновение формы без последующего восстановления. В этом контексте гегелевское понятие *Aufhebung* (снятие) утрачивает свою однозначную направленность к целостности: оно становится не гарантией примирения, а точкой возможного разрыва. «Гегель, как мне кажется, еще не знал, насколько его система пластична. Он оставил за собой возможность быть прочитанным как философ катастрофы» [11, р. 15], – пишет Малабу.

Пластичность, таким образом, перестает быть просто метафорой гибкости и превращается в аналитический инструмент, выявляющий внутреннюю нестабильность самой диалектики. «Пластичность – это не просто способность быть фор-

мой, но и сила, способная разрушать саму форму» [11, р. 12], – подчеркивает она. Диалектический процесс, в ее интерпретации, уже не ведет неизбежно к синтезу, а допускает необратимые сдвиги, утраты и события, которые невозможно вписать в традиционную гегелевскую логику завершения.

Чтобы продемонстрировать, как пластичность действует в гегелевской системе, Малабу обращается к различным примерам. Во-первых, пластичность в искусстве, особенно в скульптуре. Античная статуя – форма, в которой идеал запечатлевается в статичном образе, но в то же время указывает на внутреннюю динамику. Здесь форма и материя взаимодействуют: одна оформляет, другая принимает. Во-вторых, пластичность субъективности – характеристика тех, кто способен к саморазвитию, к формированию универсального через индивидуальное. Гегель говорит о философах, поэтах, политических деятелях как о «пластичных» индивидах, сумевших реализовать свою сущность как свободную и разумную. И, наконец, в качестве примера она приводит философскую пластичность – метод диалектики, осмысленный не как движение к предзаданному финалу, а как открытый процесс, допускающий разрывы, деформации и реорганизацию смысла.

Малабу интерпретирует *Aufhebung* не как автоматический синтез, а как возможность переформирования, где снятие сохраняет разрыв как источник нового смысла, а не устраняет его. Ссылаясь на «Лекции по истории философии», она подчеркивает гегелевский мотив самодвижения Духа: «Дух никогда не покоится, он всецело вовлечен в движение вперед...» [11, р. 187]. Это движение – не механическая прогрессия, а постоянное самопреодоление, в котором Дух формирует себя через внутренние различия и травмы.

В книге «Пластичность на закате письма» (2010) Малабу развивает свою концепцию, переходя от анализа письма к исследованию нейробиологических основ субъективности. Она призывает выйти за пределы письма и знака – опорных понятий деконструкции – в сторону телесных и биологических оснований мышления: «Если Деррида провозгласил закат письма, то я провозглашаю зарю мозга» [14, р. 3].

В книге «Новые раненные» (2012) Малабу исследует феномен нейропластичности: «Пластичность мозга – это не просто адаптация, это открытость к разрыву, к радикальному изменению, к новому способу бытия» [13, р. 10]. В этом контексте пластичность приобретает политико-этическое измерение: она становится средством сопротивления, механизмом переживания утраты и основой для конституирования новой субъективности. В этих двух работах Малабу обращается к клиническим случаям, в которых личность необратимо трансформируется в результате тяжелой нейро-травмы: старая идентичность исчезает без возможности компенсации.

Один из обсуждаемых ею клинических примеров – это посттравматическое состояние пациента, утратившего память о собственной биографии. В этом случае разрушение формы идентичности ведет не к ее восстановлению, как в классическом психоанализе, а к появлению новой, чуждой, неузнаваемой субъективности: «После травмы мы больше не можем говорить об “одном и том же” субъекте. Мы имеем дело с другим – не в смысле инаковости, а в смысле разрыва» [13, р. 37]. Этот пример иллюстрирует разницу между пластичностью и эластичностью: эластичность возвращает форму после давления, пластичность – допускает ее утрату. В классической диалектике, где субъект сохраняется через снятие, нет места такому радикальному реформатированию. У Малабу же субъект исчезает, уступая место новому.

Возможность разрушения формы показывает, что диалектическое становление может не завершаться синтезом, а включает в себя разрыв и непредсказуемость как внутренне присущие субъективации элементы. Таким образом, акцент смещается с идеи гармонии и логической завершенности на травму, утрату и непреодолимое различие – то, что традиционно исключалось из гегелевской системы.

В работе «Преобразующийся интеллект» (2018) Кэтрин Малабу впервые вводит понятие «морфируемая структура» [12, р. 8], обозначающее новый тип субъективности, формирующейся на пересечении нейробиологических, цифровых и политико-экономических процессов. Заимствовав термин «morphing» из языка цифровой графики, где он означает плавное преобразование одной формы в другую, Малабу придает ему философскую глубину: морфируемость здесь означает не просто способность изменяться, а онтологическую подверженность субъектной формы постоянной трансформации. Такая структура не только адаптируется к внешним условиям, но и программируется извне, утрачивая статус автономного, рационального и самоидентифицированного субъекта. Современное Я в ее концепции – это подвижная, уязвимая система, одновременно управляемая нейронными связями и алгоритмическими кодами: «Мы не просто носители интеллекта. Мы – изменяемая система, формируемая одновременно нейронными и цифровыми процессами» [12, р. 23].

В данной книге Малабу соединяет свою теорию пластичности с критикой рационалистской традиции, подчеркивая, что в эпоху цифрового контроля субъективность больше нельзя мыслить как внутренне устойчивую: она всегда «морфирема», политически уязвима и биологически обусловлена. Она анализирует новый тип субъективности, возникающий в условиях цифрового управления, например алгоритмы, определяющие поведение пользователей в социальных сетях. По ее мнению, цифровая архитектура не просто влияет

на выбор, а формирует привычки, эмоции и когнитивные паттерны: «Цифровая субъективность – это морфируемая структура, где нейронное и цифровое переплетаются, создавая нестабильного субъекта» [12, р. 81].

Такой субъект уже не может быть понятием в гегелевском смысле – он не стремится к разуму, не реализует свободу; он пластичен, но не автономен. Это определяет границы применения гегелевской диалектики в условиях цифрового капитализма. «Морфируемая структура» становится философским образом субъекта, существующего после письма и после стабильной идентичности – субъекта, находящегося в состоянии непрерывного переконструирования на стыке диалектики, деконструкции и нейронауки.

Пластичность в философии Малабу – это не просто свойство материи, но способ мышления и существования, способный объединить диалектику, деконструкцию и нейронауку в единую стратегию. В ее подходе ясно прослеживается отход от классической метафизики в сторону онтологии открытости, нестабильности и возможности разрушения. В этом контексте идеи Малабу созвучны философии Жана-Люка Нанси, «научившего ее видеть бытие как экспонируемое – как то, что раскрывается в совместности» [12, р. 87]. Она уточняет: «Я хотела бы усилить биологическое измерение этого экспонирования – через мозг, через травму» [12, р. 87]. Здесь совместность обретает не только онтологическое, но и телесное измерение, акцентирующее уязвимость и изменчивость субъекта. При этом Малабу подчеркивает: разрыв не предполагает полного уничтожения формы. В этом ее позиция расходится с философией различия Жилия Делёза, который, по ее мнению, доводит идею множественности до предела, исключаяющего саму возможность символизации: «Делёз уничтожает форму во имя разнородности, но тем самым отказывается от любой возможности символизации. Пластичность же сохраняет форму даже в момент разрушения» [12, р. 65].

Для Малабу форма остается ключевой философской категорией: она может быть разрушена, но даже в разрушении сохраняет способность означать, оставаясь частью процесса символизации. К этой проблематике Малабу обращается и в полемике с либеральной критикой телеологического монизма, продолжая разрабатывать идею формы как подвижной и нефиксированной. В «Новых раненых» она соглашается с И. Берлином в том, что идея исторического предназначения нередко служила оправданием насилия: «Телеология – это всегда политика» [13, р. 142]. Однако, в отличие от Берлина, она не отказывается от идеи формы, а настаивает на ее радикальной открытости, способности разрушаться и воссоздаваться. В «Преобразующемся интеллекте» она критикует

«агональный плюрализм» Дж. Грея, утверждая, что страх перед разрушением блокирует возможность подлинной трансформации: «Они хотят сохранить различие, но боятся разрушения. Однако только разрушение старых форм позволяет действительно новым ценностям проявиться» [12, р. 118].

Таким образом, мы видим, что в работах Малабу последовательно выстраивается линия мышлений, в которой форма предстает не как устойчивая структура, а как подвижная и изменчивая конфигурация, способная нарушать заданный порядок, открываться новому и приобретать политическую значимость. Пластичность, понимаемая как способность формы к разрушению и воссозданию, становится ключевым условием свободы, субъектности и исторического становления.

Динамика времени в философии

К. Малабу

Развивая концепцию пластичности, Кэтрин Малабу обращается к еще одному ключевому элементу гегелевской философии – времени. Именно темпоральная структура диалектики, по ее мнению, позволяет переосмыслить традиционные представления о телеологии и открывает путь к пониманию диалектики как незавершенного, открытого процесса. В своей диссертации Малабу подчеркивает, что гегелевская мысль не замыкается в системе завершения и синтеза, а предполагает гораздо более сложную организацию времени, в которой будущее мыслится не как результат, к которому все ведет, а как напряженное поле возможностей, включающее в себя риск, случайность и деструктивность.

В отличие от линейной, кумулятивной модели времени просвещенческого рационализма, время у Гегеля, по Малабу, носит двойственный характер. С одной стороны, оно структурировано, подчинено логике постепенного развертывания понятий – от абстрактного к конкретному, от простого к сложному. С другой – в него изначально встроена возможность неожиданности, события, нарушения логического хода. «Диалектика – это не просто логика развития, это логика времени: становление может быть задержано, ускорено и даже прервано» [11, р. 58]. Эта темпоральная неоднородность, по сути, и делает гегелевскую диалектику пластичной – подвижной, чувствительной к реальности, способной реагировать на разрывы.

Именно в этом контексте Малабу вводит выражение «voir venir» – «видеть грядущее». Она заимствует его из повседневного французского языка, но философски переосмысляет, превращая в аналитический инструмент. Voir venir, по Малабу, – это форма антиципации, в которой ожидание и неопределенность сосуществуют. Будущее в этом понимании не может быть сведено ни к полному знанию, ни к абсолютной слепоте. Оно присутствует как частичная ясность,

как предчувствие, способное разрушить любые логические или исторические предсказания. «“Видеть (то, что) грянет” – значит видеть, не видя; ждать, не дожидаясь; принимать то, что никогда не может быть полностью подготовлено» [11, р. xxiii].

Такое будущее Малабу называет «*avenir sans garantie*» – «будущее без гарантии». В отличие от марксистской интерпретации гегелевской диалектики, где история якобы ведет к предсказуемому итогу (например, к бесклассовому обществу), Малабу предлагает мыслить будущее как неустойчивую зону: «Не следует думать, будто Дух движется к зрелости. Он может быть ранен, травмирован, может распасться – и при этом не исчезнуть, а изменить свою траекторию» [11, р. 109]. Становление субъекта, таким образом, не ведет к финальной гармонии, но осуществляется через множественные линии разрыва, неопределенности и возможной катастрофы.

Малабу рассматривает катастрофу как философский случай разрушительной пластичности. Один из ярких примеров – нейронные изменения у солдат, переживших боевые действия. Малабу ссылается на нейропсихологические исследования, показывающие, что у ряда ветеранов войны фиксируются изменения мозговых структур, приводящие к полной трансформации характера, утрате эмоциональной отзывчивости, появлению агрессии. Она комментирует: «Речь не идет о психологической адаптации. Это онтологическая мутация» [11, р. 49]. Разрушительная пластичность демонстрирует, что форма может не только изменяться, но и исчезать, причем без надежды на возвращение. Это нарушает саму предпосылку *Aufhebung* как логики сохранения. Диалектика, в этой перспективе, становится полем борьбы, где форма не гарантирована.

Интерпретация времени у Малабу сближает ее с Хайдеггером, но с существенной оговоркой: она не следует за Хайдеггером в его полном разрыве с метафизикой. Напротив, она стремится показать, что сама гегелевская система уже содержит в себе «возможность незавершенности» – не как ошибку, а как конструктивный элемент: «Хайдеггер объявил завершение метафизики, Гегель – ее кульминацию. Я же утверждаю, что Гегель допускает незавершенность как структурную возможность внутри самой метафизики» [11, р. 144]. Вместо традиционного – «Хайдеггер читает Гегеля» – Малабу предлагает инверсию: вообразить ситуацию, в которой сам Гегель обращается к Хайдеггеру, словно читает его в будущем (этому разбору она посвящает параграф своей диссертации под названием «Гегель читает Хайдеггера»). Такое смелое смещение перспективы позволяет рассматривать гегелевскую диалектику не как замкнутую систему, а как открытую структуру, способную впитывать и переосмысливать ключевые интуиции хайдеггеровской философии. В первую очередь – интуицию времени как события, всплеска,

неожиданности. «Будущее Гегеля – это, возможно, и будущее Хайдеггера. Гегель может принять Хайдеггера. Он читает его в будущем» [11, р. 144]. Воображаемое чтение позволяет не просто сопоставить идеи двух философов, но выявить в гегелевской системе потенциал для выхода за пределы телеологического мышления: «Читать Хайдеггера через Гегеля – значит увидеть другую форму будущего: не как завершения, а как вторжения, всплеска, изумления» [11, р. 147].

Особое внимание Малабу уделяет двойственной структуре времени в самой гегелевской логике. Она различает два темпоральных режима: первый – поступательное, диалектическое развертывание понятий (связанное с *Aufhebung*), и второй – разрывное, дестабилизирующее время, связанное с гегелевской негативностью (*die Negativität*). В первом случае речь идет о логике сохранения и развития, где противоречие разрешается в более высокой синтетической форме, во втором – о времени разрушения, в котором появляется нечто качественно новое, невыводимое из предшествующего. Эти два режима не противоположны, они взаимодополняют друг друга, делая диалектику структурно подвижной: «Будущее не следует за прошлым, как следствие причины, оно разрывает его, как рана, и при этом именно через эту рану происходит открытие нового» [11, р. 117]. Так Малабу подводит к центральному выводу своей философии времени: диалектика не может быть понята как путь к заранее заданному финалу. Это открытая структура, в которой темпоральность служит не фоном, а внутренним ресурсом становления. Время здесь не только организует движение понятий, но и нарушает его, давая место новизне и событию. «Ждать – значит творить», и это ожидание никогда не может быть полностью рационализировано.

Таким образом, гегелевская диалектика в интерпретации Малабу – это не путь к завершенному знанию, а пластичная, темпорально чувствительная система, открытая к разрыву и переопределению. В ней субъект не следует по траектории необходимости, но участвует в становлении как в непредсказуемом процессе, где будущее мыслится не как результат, а как вызов. Это и позволяет Малабу преодолеть как телеологический финализм, так и хаотичную фрагментарность, сохранив при этом идею трансформации как онтологического принципа.

Пластичность как онтология сопричастности

В более поздних работах Кэтрин Малабу постепенно переходит от анализа диалектики как логической структуры к ее интерпретации как онтологического процесса, в котором материя, форма

и смысл находятся в постоянном взаимодействии. Пластичность в этом контексте становится не просто характеристикой отдельных сущностей, а фундаментальным принципом бытия как становления. Ни одна форма не существует в изоляции – каждая возникает, изменяется и исчезает в ходе взаимодействия с другими формами. Этот процесс Малабу обозначает как «взаимное надделение формой» (*mise en forme réciproque*) – формообразование, возникающее не в результате внешнего навязывания, а благодаря соучастию, взаимному воздействию и обмену между различными уровнями материи и смысла. «Форма – это не граница, не завершённый контур. Это энергия, которая циркулирует между материей и значением. Быть пластичным – значит быть способным не только сохранять, но и перестраивать себя» [13, р. 42].

Пластичность мыслится Малабу не как отказ от формы, а как признание ее первичного телесного истока и способности к радикальной трансформации, опережающей любые символические системы. Тем самым пластичность позволяет выйти за пределы симвоцентризма, открывая онтологическую приоритетность материального становления. Подобная оптика позволяет Малабу переосмыслить традиционное понимание символического порядка как автономной структуры, управляющей материей и телесностью: «Не следует считать, что мозг просто подчиняется символической системе. Напротив, нейропластичность демонстрирует, что сама структура мозга может быть местом появления новых форм субъективности, до всякой символизации» [15, р. 31].

Символическое у Малабу не нависает над телесным, как трансцендентный код, а возникает из самой материи. Речь идет о принципиально ином распределении онтологических приоритетов: не дух «вписывает» значение в тело, а тело – в его материальной и нейронной структуре – становится местом первичного смыслообразования. Малабу подчеркивает, что нейропластичность проявляется в способности мозга не просто адаптироваться к внешним условиям, но и порождать формы субъективности, которые не сводятся к языковым или знаковым структурам.

В этом контексте также важен диалог с философией Розы Брайдотти, особенно в рамках постгуманистической повестки. В «Постчеловеке» (2013) Брайдотти пишет: «Координируемое неповторимым контуром передачи информации, тело – это живая система записи, способная сохранять, извлекать и обрабатывать необходимую информацию с такой скоростью, что это кажется инстинктивной реакцией» [7, р. 56]. Малабу отвечает на это посредством концепта мозга как морфируемой структуры, подчеркивая, что мозг – это не просто орган

мышления, а «политическое и этическое поле», где решается судьба субъекта [15, р. 25]. Тем самым материя в ее философии получает статус активного агента – не подчиненного символическому, а продуцирующего его в самом акте своего становления. Символическое больше не выступает в роли внешнего архитектора формы, а само зависит от пластической логики, разыгрывающейся на уровне материи. Такая позиция позволяет Малабу преодолеть как телеологизм гегелевской формы, так и знакоцентризм деконструкции, предложив динамическую модель соформирования духа и тела в логике пластичности.

В философском смысле пластичность у Малабу размыкает границу между логическим и материальным, между концептом и телом. Символическое больше не является самоценной системой; оно вписано в плоть, травму, нейронную архитектуру, политическое насилие. В этом смысле пластичность – не просто характеристика адаптации, но возможность появления формы там, где прежде не было ни структуры, ни смысла.

Пластичность оказывается не теоретической схемой, а способом бытования субъекта, его отношения к другим, к истории, к языку. Субъект формируется и разрушается в процессе встречи, в соприкосновении с другим, в событии, которое нельзя ни предсказать, ни вписать в структуру. Это касается не только человеческой психики или мозга, но и политических форм: революции, катастрофы, травматический опыт становятся проявлением пластичности, которая действует не только как сила разрушения, но и как условие формирования новых форм субъективности.

Таким образом, Малабу предлагает не просто философию формы, но онтологию взаимного формирования, в которой символическое, материальное и ментальное неразрывно переплетены. Пластичность здесь – не метафора гибкости, а принцип, описывающий, как возможны бытие, субъект, структура и их трансформация. За пределами символического, но не вне смысла – так Малабу обозначает контуры новой метафизики, в которой материя уже не пассивна, а формирует сама и позволяет быть сформированной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Дж. *Номос sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.
2. Азарова Ю.О. Гегель и Деррида: философия, язык, рефлексия // *Философский журнал*. 2015. Т. 8. № 2. С. 82–111.
3. Берлин И. *Историческая неизбежность* // Берлин И. *Четыре эссе о свободе*. Лондон: Overseas publications interchange ltd, 1992. С. 135–231.

4. Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М.: Практикс, 2003.

5. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.

6. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. Т. 2. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.

7. Braidotti, R., 2013. The posthuman. Cambridge: Polity Press.

8. Berlin, I., 1978. Karl Marx: his life and environment. Oxford: Oxford University Press.

9. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. The proper study of mankind: an anthology of essays. New York: Farrar, Strauss and Giroux, pp. 191–242.

10. Gray, J., 1989. Liberalisms: essays in political philosophy. London: Routledge.

11. Malabou, C., 2005. The future of Hegel: plasticity, temporality and dialectic. London: Routledge.

12. Malabou, C., 2019. Morphing intelligence: from IQ measurement to artificial brains. New York: Columbia University Press.

13. Malabou, C., 2012. The new wounded: from neurosis to brain damage. New York: Fordham University Press.

14. Malabou, C., 2010. Plasticity at the dusk of writing: dialectic, destruction, deconstruction. New York: Columbia University Press.

15. Malabou, C., 2008. What should we do with our brain? New York: Fordham University Press.

REFERENCES

1. Agamben, G., 2011. Homo sacer. Suverenaya vlast' i golaya zhizn' [Homo sacer: Sovereign power and bare life]. Moskva: Evropa. (in Russ.)

2. Azarova, Yu.O., 2015. Gegel' i Derrida: filosofiya, yazyk, refleksiya [Hegel and Derrida: philosophy, language, reflection], *Filosofskii zhurnal*, Vol. 8, no. 2, pp. 82–111. (in Russ.)

3. Berlin, I., 1992. Istoricheskaya neizbezhnost' [Historical inevitability]. In: Berlin, I., 1992. Chetyre

esse o svobode. London: Overseas publications interchange ltd, pp. 135–231. (in Russ.)

4. Gray, J., 2003. Pominki po Prosveshcheniyu. Politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Enlightenment's wake. Politics and culture at the end of modernity]. Moskva: Praktiks. (in Russ.)

5. Deleuze, G., 1998. Razlichie i povtorenie [Difference and repetition]. Sankt-Peterburg: Petropolis. (in Russ.)

6. Popper, K., 1992. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2-kh t. T. 2 [The open society and its enemies: in 2 volumes. Vol. 2]. Moskva: Feniks; Kul'turnaya initsiativa. (in Russ.)

7. Braidotti, R., 2013. The posthuman. Cambridge: Polity Press.

8. Berlin, I., 1978. Karl Marx: his life and environment. Oxford: Oxford University Press.

9. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. The proper study of mankind: an anthology of essays. New York: Farrar, Strauss and Giroux, pp. 191–242.

10. Gray, J., 1989. Liberalisms: essays in political philosophy. London: Routledge.

11. Malabou, C., 2005. The future of Hegel: plasticity, temporality and dialectic. London: Routledge.

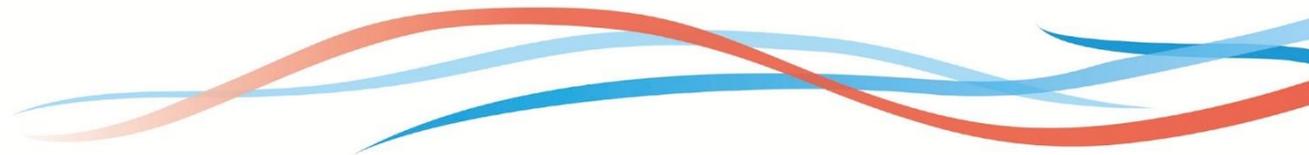
12. Malabou, C., 2019. Morphing intelligence: from IQ measurement to artificial brains. New York: Columbia University Press.

13. Malabou, C., 2012. The new wounded: from neurosis to brain damage. New York: Fordham University Press.

14. Malabou, C., 2010. Plasticity at the dusk of writing: dialectic, destruction, deconstruction. New York: Columbia University Press.

15. Malabou, C., 2008. What should we do with our brain? New York: Fordham University Press.

*Статья поступила в редакцию /
received 13.07.2025;
рекомендована к печати /
accepted 05.09.2025*



УДК 165.0

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-3/108-117>

В.Н. Сокольчик*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВА К НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В ПАРАДИГМЕ ОТКРЫТОЙ НАУКИ (НА МАТЕРИАЛАХ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В статье рассматриваются актуальные вопросы привлечения общества к биомедицинским исследованиям в контексте современной парадигмы открытой науки. Автор анализирует роль биоэтики как практико-ориентированного инструмента гуманистического сопровождения научной деятельности, способствующего соблюдению принципов прозрачности, доступности и воспроизводимости знаний. Особое внимание уделяется различиям между краудсорсингом и вовлечением сообществ, подчеркивается их методологическая и терминологическая специфика. Автор выявляет ключевые барьеры на пути привлечения общества к исследованиям, включая финансовые, правовые, социокультурные и образовательные препятствия. В качестве механизмов преодоления этих барьеров предложены деятельность консультативных советов сообществ, организованные практики краудсорсинга и активизация роли этических комитетов. Автор приходит к выводу о необходимости интеграции биоэтических принципов в исследовательские практики, развития междисциплинарного диалога и адаптации международных рекомендаций к национальным контекстам для обеспечения ответственного и социально ориентированного научного процесса.

Ключевые слова: открытая наука, биоэтика, краудсорсинг, вовлечение сообществ, этические комитеты, биомедицинские исследования

Implementing public engagement in scientific research within the open science paradigm: evidence from biomedical studies. VALERIYA N. SOKOLCHIK (National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus)

The article examines current issues of public engagement in biomedical research within the context of the modern open science paradigm. It analyzes the role of bioethics as a practice-oriented tool for the humanistic stewardship of scientific activity, promoting adherence to the principles of transparency, accessibility, and reproducibility of knowledge. Particular attention is paid to the distinctions between crowdsourcing and community engagement, highlighting their methodological and terminological specifics. The author identifies key barriers to public involvement in research – including financial, legal, socio-cultural, and educational obstacles – and proposes mechanisms to overcome them, such as the activities of community advisory boards, organized crowdsourcing practices, and enhancing the role of ethics committees. The conclusion emphasizes the necessity of integrating bioethical principles into research practices, fostering interdisciplinary dialogue, and adapting international guidelines to national contexts to ensure a responsible and socially-oriented scientific process.

Keywords: open science, bioethics, crowdsourcing, community engagement, ethics committees, biomedical research.

Введение

В постнеклассической науке XXI в. развивается современная парадигма знания – открытая наука. Она характеризуется новыми паттернами

научной деятельности, связанными с использованием искусственного интеллекта (ИИ), требованиями воспроизводимости, доступности и прозрачности знания, широким его распространением

* СОКОЛЬЧИК Валерия Николаевна, кандидат философских наук, докторант Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь, vsokolchik@mail.ru

© Сокольчик В.Н., 2025

в социуме. В вопросах привлечения общества к научным исследованиям и широкой диссеминации их результатов открытая наука пересекается с «гражданской наукой» – формой научной деятельности, усилия которой направлены на развитие социума и популяризацию знания.

Ориентация исследователя на принципы открытости делает взаимодействие ученых с обществом неотъемлемым элементом исследовательского процесса. Это обусловлено прежде всего тем, что наука должна служить интересам общества, способствуя улучшению качества жизни и защите окружающей среды. Кроме того, современная научная мысль не может быть изолированной от социальных и ценностных ориентиров эпохи, которые становятся приоритетами для постановки исследовательских задач. Еще один значимый аргумент в пользу участия социума в науке – это формирование доверия к научным исследованиям. Этот процесс осуществляется не только через глобальные открытия, но и через личную вовлеченность граждан в генерацию и обсуждение научных идей, в их развитие и применение. Доверие и сопричастность – важнейшие условия для гуманизации науки и приближения научных результатов к индивидуальным потребностям и ценностям конкретного человека.

В эпоху открытой науки все большее значение приобретает биоэтическое знание, рассматриваемое сегодня не только с позиции формирования ценностей и норм для «выживания человечества» [14], но и как способ построения междисциплинарного дискурса, как практико-ориентированное гуманистическое сопровождение научных исследований [6]. Открытый характер науки порождает новые проблемы и дилеммы научного знания, решению которых способствует биоэтическое сопровождение современных исследований. В частности, в новых реалиях знания обостряются риски нарушения конфиденциальности личных данных участников исследований, встает вопрос доверия к ИИ, который ранее не фигурировал в этической повестке, артикулируются проблемы актуальности и человеко-ориентированности научных исследований, проблематизируются вопросы корреляции в научной деятельности принципов биоэтики, принципов открытой науки, классических норм научного этоса и современных требований эффективности и добросовестности знания и т.д. Таким образом, биоэтика сегодня выступает не только как философско-мировоззренческое основание современной науки, но и как практический инструмент для разработки алгоритмов и механизмов гуманистического сопровождения научного творчества, учитывающих культурные, социальные и нормативные контексты открытой науки. С нашей точки зрения, современные

биоэтические структуры (включая (био)этические комитеты – ЭК), сегодня должны не только постулировать ценностные установки, но и формировать новые жизнеспособные механизмы гуманистического сопровождения науки, инициировать обучение и консультирование исследователей, совершенствовать процессы экспертизы научных проектов, включая работу с ИИ и привлечение общества к исследованиям.

Разработка практик привлечения социума к науке, составляющая одну из характерных черт открытой науки, акцентирует в биоэтическом дискурсе механизмы вовлечения сообществ (community engagement) в научные исследования, а также привлечение ЭК к решению этих вопросов. В отличие от уже разработанных в гражданской науке стратегий краудсорсинга, вовлечение сообществ нацелено на коллегиальность решений заинтересованных сообществ, объективность и практико-ориентированность постулируемых ими идей. Особенное значение вовлечение сообществ имеет для биомедицинских исследований, где затрагиваются жизненно важные интересы отдельных лиц и социальных групп [18]. Так, для участия в формировании идеи, методологии, дизайна, привлечения в качестве волонтера к биомедицинскому исследованию и т.д. необходим не только интерес, но и понимание сути проблемы. При распространении результатов биомедицинских исследований также неопределима помощь заинтересованных сообществ и ЭК, поскольку наряду с грамотной популяризацией данных здесь особенно значима готовность общества к восприятию полученных результатов.

В целом процесс вовлечения заинтересованных сообществ в биомедицинские исследования, как правило, реализуется через участие в инициации исследований (экспликация актуальной идеи), формулирование приоритетных и социально значимых тем, совместную работу над дизайном исследования, участие в качестве испытуемых (волонтеров), а также постоянное взаимодействие с исследовательской командой, публичное обсуждение промежуточных результатов и распространение знаний среди заинтересованных групп [5]. Итоговое представление результатов и их дальнейшее использование также происходит в открытой научной среде с участием представителей сообществ.

Разрабатывая подходы к интеграции общества в научный процесс, биоэтика стремится предотвратить несправедливое, предвзятое и дискриминационное отношение к участникам исследований, а также к общественным группам, вовлеченным в исследовательскую деятельность. При этом реализуется принцип уважения автономии личности в процессе привлечения индивидов к участию в исследованиях и/или

использовании их данных. Биоэтика также формулирует нормативные основания «включенного наблюдения» и демократического участия общества в оценке научных исследований.

В реальной практике, в силу широкого использования в научной литературе разных терминов для обозначения привлечения общества к исследованиям, существует терминологическая путаница и чаще всего отсутствует понимание разницы между практиками краудсорсинга и вовлечением сообществ.

Краудсорсинг и вовлечение сообществ как способы участия социума в научных исследованиях

Термин «краудсорсинг» впервые появился в 2006 г. в публикации Дж. Хау [11], где он использовался в контексте бизнес-практик. Однако в течение нескольких лет концепт был адаптирован и для некоммерческой сферы, включая научные исследования [2]. К изучению краудсорсинга обращались как российские исследователи (А.А. Аргамасова, Т.Я. Волчкевич, В. Василькова и др.), так и зарубежные ученые (С. Фликер, Н. Диккерт и др.)

Большинство из перечисленных авторов рассматривают краудсорсинг как методологическую основу проектов, имеющих экономическую значимость и развивающихся преимущественно в рамках цифровой экономики [1]. В более широком смысле краудсорсинг трактуется как механизм привлечения к исследованиям непрофессиональных участников и социальных групп, не связанных напрямую с наукой. Основной целью краудсорсинга выступает «инкубация» новых подходов, оригинальных идей, нестандартных решений и альтернативных взглядов на изучаемую проблему [1].

Так, Е.В. Масланов определяет краудсорсинг как новую технологию, основанную на современных методах привлечения неспециалистов к решению исследовательских задач [4]. По его мнению, «создание системы краудсорсинговых площадок позволит сформировать сообщество людей, интересующихся наукой и готовых помогать ученым в их деятельности. Такое сообщество должно сыграть положительную роль как в популяризации научного знания (т.к. участие в краудсорсинговых проектах может быть связано с активным изучением различных научных областей), так и в формировании пространства диалога между учеными и обычными гражданами» [4, с. 151]. Подчеркивая значимость краудсорсинга в научных исследованиях, исследователь также указывает на его потенциал в решении биомедицинских задач. Трудно не согласиться с данным утверждением, особенно ориентируясь на пациентов, страдающих от тяжелых заболеваний, которые являются заинтересованной стороной в изучении конкретных патологий. Привлекаемые на

основе краудсорсинга к биомедицинским научным проектам они могут принести неоценимую пользу исследованию.

Обобщая осмысление понятия краудсорсинга в современном научном дискурсе, необходимо подчеркнуть, что термин, как правило, используется для обозначения привлечения «непрофессионалов» из общественной среды к решению научных и производственных проблем. Однозначно краудсорсинг как привлечение индивидов в науке не артикулируется, хотя на практике чаще всего реализуется именно через работу с конкретными людьми. Согласно Руководству ВОЗ по привлечению общества к исследованиям в сфере здоровья и здравоохранения [8], выделяются два основных вида краудсорсинга. Первый – это краудсорсинг, направленный на привлечение отдельных лиц к участию в конкретном исследовании. Вторым – краудсорсинг, ориентированный на достижение общественно значимого результата путем активного вовлечения различных сообществ в исследовательский процесс. Таким образом, в Рекомендациях ВОЗ акцентируется разница между видами и практиками применения краудсорсинга, в научной же литературе сформировалась практика разделения краудсорсинга и вовлечения сообществ с целью предотвращения терминологической и методологической путаницы [13; 15; 17]. По нашему мнению, несмотря на безусловное сходство целей краудсорсинга и вовлечения сообществ, необходимо разделить эти способы как принципиально разные по методологии и практикам применения.

Вовлечение сообществ имеет приоритетное значение для биомедицинских исследований, акцентируя социальную ценность участия в научных проектах заинтересованных групп (или их представителей). В англоязычной литературе под термином «сообщество» понимаются группы людей, которые имеют общие черты или интересы, связи, доверие друг к другу, социальную сплоченность и социальные взаимоотношения [5; 8; 9]. В подготовленном под эгидой ВОЗ руководстве «Доверие как основа здравоохранения» [12] представители сообществ рассматриваются как «носители» коллективной идеи группы (формальной или неформальной, объединенной общими интересами). Являясь представителями коллективных ценностей, устремлений, планов, надежд, фобий, стереотипов и т. д., сообщества не артикулируют индивидуализм, прагматизм конкретного человека, решающего свои, порой эгоистичные и не всегда осознанные задачи [9]. Например, индивид А., участвующий в качестве испытуемого в биомедицинских исследованиях, может быть заинтересован только в финансовом вознаграждении своего участия, без понимания последствий и перспектив для своего здоровья и качества жизни,

тогда как сообщество мыслит более «глобально», не подчиняясь сиюминутной выгоде, но акцентируя идеи блага, ценности, альтруизма для конкретной группы людей.

Сообщества могут формироваться на основании интересов, общей проблемы, профессиональной принадлежности и т.д. (например, в ракурсе биомедицинских вопросов это могут быть сообщества врачей определенной специальности, пациентов, объединенных проблемой общего заболевания, представителей негосударственных организаций, занимающихся конкретными биомедицинскими вопросами, представителей официальных структур здравоохранения – санитарно-эпидемиологических служб, руководителей ТБ-диспансеров, лечебниц и т.д.).

В 2022 г. автор в составе группы исследователей из четырех постсоветских стран (Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана) [16] принял участие в междисциплинарном международном исследовательском проекте Департамента тропических заболеваний (TDR) ВОЗ «Изучение деятельности комитетов по этике для вовлечения сообществ в исследования в области здравоохранения в странах Восточной Европы и Центральной Азии: социальные инновационные модели для внедрения и передачи результатов исследований, связанных с туберкулезом» («Mapping Ethics Committee (IEC/IRB) Practices for Engaging Communities in Health Research in Eastern Europe and Central Asian countries: social innovative models for implementation and transferring the results of TB-related research») (далее – ВОЗ-2022), в ходе которого было проведено интервьюирование экспертов стран-участниц проекта по проблемам привлечения сообществ и индивидов к научным исследованиям в области изучения туберкулеза. Фрагменты интервью экспертов из стран-участниц проекта ВОЗ-2022 представляют значительный интерес для формирования представления об интересах сообществ и реальности их вовлечения в исследования. Например: «Наш пациент часто не понимает, где заканчивается лечение и начинается исследование. Даже участвуя в научном проекте, они [пациенты] не ожидают новых знаний от исследования. Их ожидания ограничиваются личными бонусами и нет альтруистических целей. В этом контексте полезны пациентские организации, потому что, в отличие от конкретных пациентов, они мыслят более широко, задумываются об общественном благе» (исследователь); «В нашей стране концепция взаимодействия с сообществом относительно новая и поэтому понимается по-разному. В целом, участие сообщества ограничивается приглашениями стать участниками определенных исследований. Нет соответствующих требований или исследовательской

культуры, которые бы сделали процесс исследования максимально прозрачным для общественности» (менеджер здравоохранения) [16].

Парадоксально, но значимость вовлечения сообществ рассматривалась интервьюируемыми экспертами преимущественно в контексте негосударственных (в т.ч. международных) исследований, тогда как в исследованиях, инициированных государственными организациями здравоохранения, как правило, вовлечение сообществ трактовалось как действие излишнее и неоправданное с точки зрения организационных ресурсов [16]. Думается, что такая позиция демонстрирует классические паттерны поведения, однако она не соответствует современным постнеклассическим исследованиям. В парадигме открытой науки ориентиры гуманизма и контроль со стороны общества должны присутствовать как составляющая всех видов исследований, от которых косвенно может зависеть жизнь и благополучие человека, здоровье нации и процветание государства. Отрицание необходимости применения современных стандартов и паттернов исследования означает несоответствие научного дискурса ценностям постнеклассической науки и недостаточное внимание к человеку и обществу, ради которого и существует наука.

Анализируя мнения экспертов, высказанные в ходе интервьюирования, а также практики вовлечения сообществ в современной медицине и научные статьи по соответствующей проблематике, мы приходим к выводу, что участие сообществ в исследованиях становится ключевым фактором для предотвращения дискриминации, нарушения автономии личности субъектов исследования, а также для обеспечения прозрачности сбора и обработки данных, распространения полученных результатов и даже для преодоления неравенств, которые могут возникать в сфере здравоохранения. Участие сообществ может содействовать проведению исследования с учетом культурных особенностей испытуемых, уважения к существующим групповым нормам и возникающим потребностям сообщества [10]. Согласно идеям Э. Нтабе, «для исследователей недостаточно поддерживать высокие этические и научные стандарты в исследовании; во многих случаях не менее важно и необходимо, чтобы они очень тесно сотрудничали с общинами с помощью различных гибких механизмов. В тех случаях, когда необходимо участие сообщества, участие должно начинаться с самого начала разработки протокола. Участие должно быть сосредоточено на методологии, отборе участников, процедурах распространения результатов исследования на различных этапах исследования и, наконец, на расширении информированного участия. Любые консультации с сообществом после разработки протокола могут

рассматриваться как косметические, а не как подлинное вовлечение сообщества» [13].

Барьеры привлечения общества к исследованиям

Анализируя белорусский и международный опыт, важно обозначить наличие препятствий, усложняющих развитие современных стратегий привлечения социума к биомедицинской науке. По нашему мнению, формирование таких барьеров напрямую связано с недостаточным биоэтическим сопровождением научного знания, призванным сформировать и внедрять на практике современные паттерны исследовательской этики, каноны открытой науки, развивать механизмы этико-правового контроля научных исследований.

Глубинной основой «пробуксовывания» механизмов привлечения общества (как и парадигмы открытой науки в целом) в биомедицинской науке становится нарушение реализации в исследованиях принципов биоэтики. Так, несоблюдение (и непонимание) принципа автономии личности проявляется в низком уровне информированности пациентов и испытуемых, невысоком уровне осведомленности о медицинской проблеме. Порой это также обнаруживается и в нарушении конфиденциальности данных участников исследования, незащищенности их информации, в нарушениях и биоэтических несоответствиях при подписании информированного согласия и т.д. Несоблюдение принципа справедливости отражается в дискриминации и стигматизации участников исследований (испытуемых), порой – в отсутствии взвешенного и сбалансированного их подбора. Так, в исследованиях, связанных с туберкулезом, интервьюируемые в рамках проекта ВОЗ-2022 эксперты отмечали определенные трудности доступа к ключевым по туберкулезным патологиям группам населения, наблюдали стигматизацию пациентов с серьезными социально-опасными заболеваниями [16]. Например, при изучении туберкулеза у большинства исследователей возникла сложность привлечения участников в силу того, что значительная часть его носителей – это заключенные, доступ к ним как к заинтересованной группе и как к субъектам исследования значительно затруднен.

Несоблюдение биоэтического принципа «делай добро» отражается в нежелании и (или) неумении государственных и негосударственных организаций сотрудничать при проведении биомедицинских исследований, особенно связанных с социально-опасными заболеваниями. Последние порой даже становятся «табуированными» для общественной огласки и обсуждения. Непонимание биоэтического принципа «не навреди» выявляется через часто встречающееся неумение медицинских работников и исследователей работать с имеющимися экспрес-

тестами и др. девайсами, оборудованием, предоставленным международными организациями, отражается в недостатках работы санитарно-эпидемиологических служб в контексте сохранения ими давно отживших стратегий «навешивания ярлыков» при общении с пациентами и членами их семей, в отсутствии обратной связи между исследователями и обществом и т.д.

К сожалению, расхождение практик привлечения социума к биомедицинским исследованиям и требований открытой науки гораздо шире, нежели неполное соответствие ключевым биоэтическим принципам. Кроме того, для каждого общества существуют свои специфические барьеры и особенности, связанные с экономическими и политическими проблемами, уровнем развития и организации систем здравоохранения, статусом исследовательской этики и биоэтики, спецификой деятельности ЭК и т.д.

Анализируя и обобщая выявленные в ходе исследования ВОЗ-2022 препятствия вовлечения сообществ, можно выделить основные группы таких барьеров, характерные фактически для всех постсоветских стран. Среди них – финансовые, политические, правовые, социально-культурные барьеры, а также методологические пробелы и недочеты подготовки исследователей, недостаток этико-правовых знаний в области биомедицинских исследований и отсутствие понимания парадигмы открытой науки.

Финансовые и политические барьеры, препятствующие проведению биомедицинских исследований, отвечающих требованиям открытой науки, объективно взаимосвязаны. Недостаточность финансирования исследовательских проектов на национальном уровне дополняется неумением (нежеланием) взаимодействовать с международными организациями в исследовательской сфере. Важно отметить также отсутствие или крайнюю слабость связей между государственными и международными научными проектами, почти полное отсутствие широкого распространения в обществе результатов национальных проектов.

Правовые барьеры привлечения общества к исследованиям можно обозначить как несовершенство законодательной базы и (или) ее правоприменения, включая легитимность стандартов биомедицинских исследований (в частности, стандартов конфиденциальности информации, информированного согласия, правил работы с базами данных пациентов и т.д.).

Социокультурные барьеры являются наиболее сложнопреодолимыми. Так, общественное мнение, несмотря на повсеместную просветительскую работу, транслирует явную или скрытую стигматизацию пациентов (соответственно, и участников исследований), страдающих различными заболеваниями,

особенно контагиозными. Например, сформировавшиеся в обществе предрассудки в отношении пациентов с туберкулезом, ВИЧ, гепатитами и т.д., независимо от успехов в излечении этих заболеваний, сложно трансформируются в сознании и психологии общества. Соответственно, вовлечение таких сообществ в исследования (в частности, вовлечение пациентов, страдающих туберкулезом, ВИЧ, гепатитами и др.) рассматривается как своего рода угроза безопасности общества и его членов. Помноженные на отсутствие медицинской грамотности, такие «угрозы безопасности», с одной стороны, порождают дискриминацию и стигматизацию, с другой – фактически исключают участие соответствующих сообществ как на этапе обсуждения, так и на этапе распространения результатов.

В традиционных сообществах в контексте социально-опасных заболеваний возникают также личностные, гендерные барьеры и т.д. Например, женщины более склонны скрывать свои заболевания вследствие предубеждений общества и, соответственно, в меньшей степени готовы влиять на исследования как на стадии формирования последних [4], так и на стадии обсуждения результатов. Также проводимые биомедицинские исследования часто не учитывают половозрастные и социальные особенности субъектов, привлекаемых в качестве испытуемых, и даже формируемые опросники, интервью не учитывают специфики женского и мужского поведения в конкретных медицинских ситуациях [5].

Этот вывод подтверждают фрагменты интервью экспертов из стран-участниц проекта ВОЗ-2022, посвященные социально-культурным (в т.ч. личностным, образовательным и т.д.) проблемам привлечения личностей и сообществ к исследованиям: «В обществе не так много знаний о туберкулезе, а социальной рекламы об этой проблеме практически не существует. Более того, если люди узнают, что кто-то в доме (или в коллективе) болен туберкулезом, возникает серьезное недовольство, страх и даже вспышка паники... Здесь есть серьезные проблемы с врачебной тайной. По моему мнению, диспансер должен приглашать пациентов на лечение, но делать это тайно категорически невозможно, т.к. все жители знают, чем занимается противотуберкулезный диспансер и кто там лечится» (врач); «Особенности мужской и женской психологии не признаются важной проблемой в налаживании связей с представителями сообщества» (менеджер в здравоохранении) [16].

Дополнительно можно отметить существование барьеров привлечения общества к исследованиям, связанных с отсутствием грамотности по вопросам открытой науки, исследовательской этики, с отсутствием (или незнанием) руководящих принципов и рекомендаций на национальном

уровне относительно социокультурных и этических особенностей проведения биомедицинских исследований, недостаточной включенностью в проблему членов ЭК, проводящих экспертизу научных исследований, и т.д.

По нашему мнению, применяемые на практике биоэтические нормы и правила биомедицинских исследований позволяют существенно минимизировать барьеры привлечения общества к исследованиям или даже преодолеть их полностью.

Механизмы привлечения общества к исследованиям

Наряду с непосредственной работой исследователя с заинтересованными индивидами и сообществами, в биомедицинской науке применяются такие механизмы привлечения общества к исследованиям, как создание консультативных советов сообществ (КСС), организованные практики краудсорсинга, а также использование потенциала и средств ЭК для привлечения общества и популяризации актуального научного знания.

КСС – это коллективная инициативная группа членов сообщества и (или) представителей организаций, общин и т.д., которые репрезентируют в конкретном исследовательском проекте рассматриваемое сообщество, выступая своего рода его «голосом». КСС работают над тем, чтобы исследовательские стратегии признавали и уважали ценности участников исследований и испытаний и культурные / этнические различия между ними, информируют совместно с исследовательской командой сообщества о ходе и результатах исследований, принимают участие в обсуждении дизайна исследования, постановке исследовательских задач и т.д. [16]. Чтобы исследователи понимали, соответствует ли цель их проекта императивным потребностям общества, воспринимали культурную (в т.ч. религиозную, гендерную, языковую и т.д.) специфику предполагаемых участников исследования, а также изучаемых общественных групп, опирались на сбалансированную объективную информацию о субъектах исследования и существующих для испытуемых в контексте исследования проблемах, КСС разрабатывает и реализует тактику постоянного общения членов сообществ с исследователями. В ходе международных биомедицинских исследований и испытаний большинство спонсоров, следуя международным рекомендациям, требуют от исследовательской команды обеспечить практику вовлечения сообществ. В случае крупномасштабных исследований, в т.ч. распространенных на больших территориях, общение с КСС становится оптимальным сценарием организации такой практики, с одной стороны, способствующим привлечению к участию в науке, с другой – предлагающим реальный механизм

такого привлечения. Интересные практики деятельности КСС, применимые для распространения в странах СНГ, были предложены представителями Казахстана [16], где работа с КСС приобрела распространение при развитии исследований, связанных с социально-опасными заболеваниями. КСС в таких исследованиях интегрирует разные организации, общины и группы, ориентированные на пересекающиеся интересы, артикулируя социальные, культурные, этические вопросы и проблемы, ассоциированные с изучаемыми заболеваниями.

Организованные практики краудсорсинга для привлечения сообществ и заинтересованных индивидов в биомедицинские исследования также являются механизмом, широко используемым в современной науке. Согласно специальной программе ВОЗ по краудсорсингу [8], общая цель этой практики в сфере здравоохранения заключается в улучшении общественного здравоохранения путем генерирования «мудрости общества» для развития биомедицинской науки. Организованные практики краудсорсинга включают в себя прохождение трех основных этапов: организация руководящего комитета, организация соответствующих конкурсов (хакатонов или форумов идей и т.д.), призванных собрать заявки и идеи заинтересованных граждан и общественных групп, а также обсуждение заявок, подведение итогов и реализация предложенных идей на практике [8].

Важный биоэтический механизм привлечения общества к исследованиям – деятельность ЭК. Сегодня в системе здравоохранения ЭК являются полномочным органом реализации вопросов открытой науки, защиты прав участников исследований и испытаний, а также вопросов соблюдения биоэтических принципов и норм исследовательской этики. ЭК, осуществляя процесс экспертизы и сопровождения исследования, помогают ученому в организации взаимодействия с заинтересованными сторонами (сообществами), что осуществимо, если члены ЭК задумываются не только о формальной стороне экспертизы, но также о своей ключевой роли в гуманистическом сопровождении исследования [7; 17].

Изучая мировые примеры привлечения сообществ к исследованиям посредством деятельности ЭК, мы приходим к выводу, что в решении данного вопроса необходимо не только подготовить членов ЭК к включению задачи привлечения сообществ в их деятельность, но и разработать для них соответствующие рекомендации. В первую очередь в обществе в целом, среди ученых и членов ЭК целесообразно сформировать понимание важности процесса привлечения общества, знания в отношении различных практик и механизмов участия социума в науке, стимулировать

осознание целесообразности совместных усилий заинтересованных сторон для получения качественного, социально-взвешенного и полезного обществу научного результата. Как минимум, члены ЭК должны контролировать исследовательский процесс на всех этапах его развития, включая интерпретацию и распространение результатов. Также членам ЭК необходимо учитывать, что в исследованиях открытой науки биоэтические проблемы становятся еще более сложными, а четко определенные роли (например, участник исследования) «размываются». Так, субъекты исследования становятся одновременно исполнителями и членами команды, которые не только дали согласие на участие, но также передали свои знания и идеи для формирования исследовательских целей, методов, гипотезы и т.д. [17]. Кроме того, участие ЭК предполагает специальные действия по защите интересов сообществ, задействованных на всех этапах исследования, и обеспечение поддержки их включенности в научный процесс. Для реализации поставленной задачи ЭК формируют собственную стратегию биоэтической экспертизы исследований, а также проходят соответствующее обучение [16].

В целом, ЭК играют важнейшую роль в развитии и непосредственной реализации привлечения общества к исследованиям, имея возможность контролировать этот процесс, консультировать исследователей и направлять их усилия, формируя гуманистически ориентированное и биоэтически корректное научное знание. Поощряя участие социума в научных исследованиях, ЭК не только способствуют становлению открытой науки, но и гарантируют ответственные научные исследования, отвечающие ценностям и интересам общества.

Заключение

Таким образом, рассматривая различные практики привлечения общества к исследованиям, можно констатировать, что в открытой науке разработаны различные способы и механизмы такого привлечения, которые тесно связаны со спецификой и областью исследований, национальным менталитетом, развитостью в обществе инструментов вовлечения сообществ и краудсорсинга.

Наряду с объективными причинами, препятствующими привлечению общества к научным исследованиям, в числе которых – политические, финансовые, правовые, социокультурные барьеры и сложности, в современном обществе складывается и ряд образовательных, мировоззренческих и методологических причин. Это, во-первых, неподготовленность исследователей в контексте применения парадигмы открытой науки и ее составляющих. По нашему мнению, это требует не только включения в научный дискурс обсуждения

открытой науки, но и введения специальных занятий по открытой науке и ее биоэтическому сопровождению для молодых ученых, включая магистрантов, аспирантов, докторантов. Во-вторых, формальное отношение к вовлечению социума связано с отсутствием в обществе релевантных этико-правовых рекомендаций, руководств, пособий и достаточного количества практико-ориентированных научных исследований по изучаемой проблеме. Это, в свою очередь, требует привлечения к рассмотрению заявленной темы представителей биоэтики, специалистов в области исследовательской этики и права, а также организации соответствующих междисциплинарных проектов с участием биомедицинского сообщества, философов, биоэтиков, социологов, психологов и т.д. Внимательного отношения в этом контексте заслуживают и существующие международные рекомендации по вовлечению сообществ, краудсорсингу, которые необходимо не только перевести, но и адаптировать к национально-культурному контексту. В-третьих, препятствием для привлечения общества к исследованиям становится несформированность культуры дискуссий и обсуждений лучших отечественных и международных практик участия социума в науке. Отсутствие дискуссионности вопроса негативно сказывается как на исследовательских командах, так и на представителях сообществ, не имеющих ни возможности, ни навыков для артикуляции и рационализации своих идей. Решением этой проблемы могло бы стать формирование постоянных дискуссионных площадок как реальных, так и виртуальных, по проблемам биомедицинских исследований (с привлечением всех интересующихся), а также обязательное обучение исследователей навыкам ведения дискуссии, аргументации и т.д. [8]. Наконец, значимым консультативным и регулирующим инструментом по многим вопросам биоэтики и исследовательской этики, в частности – вопросам вовлечения сообществ, могут стать ЭК [15], которые в соответствии с законодательством имеют статус независимых структур, обладают соответствующими знаниями, включают представителей разных сообществ и в целом способны стать проводниками актуальных идей открытой науки. Однако для реализации этих постулатов члены ЭК должны быть соответствующим образом подготовлены и обучены, понимать важность своей деятельности, а также постоянно участвовать в дискуссиях и обмене передовым опытом по консультированию исследователей, экспертизе и сопровождению научных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэйкер Д. Инновация модели бизнеса через «краудсорсинг» с использованием социально-сетевых платформ // Проблемы управления в социальных системах. 2012. Т. 4. № 6. С. 87–99.
2. Волчкевич Т.Я., Скуратович А.Л. Краудсорсинг как социальная инновация // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 11. Ч. 2. С. 55–59.
3. Кудайбергенова Т.А. и др. Этические основания взаимодействия с местными сообществами в обеспечении готовности к чрезвычайным ситуациям в общественном здравоохранении // Здравоохранение Кыргызстана. 2023. № 2. С. 49–57.
4. Масланов Е.В. Краудсорсинг в науке: новый элемент научной инфраструктуры // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. С. 141–155.
5. Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей. Женева, 2016 // Council for International Organizations Of Medical Sciences. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3-027-cioms-ethicalguidelinesrussianlayout2019-1.pdf>
6. Сокольчик В.Н. Открытая наука как новая парадигма научных исследований: проблемы и перспективы (на примере биомедицинских исследований) // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 6: История, философия. 2023. № 1. С. 163–169.
7. Bekbergenova, Zh. et al., 2019. Activities of the local bioethical committee of the Republic of Kazakhstan. *European Journal of Public Health*, Vol. 27, no. suppl_3. URL: <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckx186.094>
8. Crowdsourcing in health and health research: a practical guide. 2018 // World Health Organization. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/273039/tdr-stra-18.4-eng.pdf>
9. Green, L.W. and Mercer, S.L., 2001. Can public health researchers and agencies reconcile the push from funding bodies and the pull from communities? *American Journal of Public Health*, Vol. 91, no. 12, pp. 1926–1929.
10. Han, H.R. et al., 2021. Exploring community engaged research experiences and preferences: a multi-level qualitative investigation. *Research Involvement and Engagement*, Vol. 7, no. 1. URL: <https://doi.org/10.1186/s40900-021-00261-6>
11. Howe, J., 2006. Crowdsourcing: a definition. URL: http://crowdsourcing.typepad.com/cs/2006/06/-crowdsourcing_a.html
12. McKee, M. et al., 2024. Trust: The foundation of health systems. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/379318/9789289059992-eng.pdf>
13. Ntobe, A.C., 2020. Rethinking the practice of community engagement in health research: the case of the tenofovir trials in Cambodia and Cameroon. Research project submitted in partial fulfilment of the requirements for the Master of Social Science.

University of KwaZulu-Natal. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/304374342.pdf>

14. Potter, V.R., 1988. *Global bioethics: Building on the Leopold legacy*. East Lansing: Michigan State University Press.

15. *Principles of community engagement*. 2nd ed. URL: <https://www.atsdr.cdc.gov/community-stress-resource-center/php/resources/principles-of-community-engagement2.html>

16. Sokolchik, V. et al., 2023. The social model for research ethics committees regarding engaging communities in health research in Eastern Europe and Central Asian countries (based on tb-related research). *Clinical Trials and Case Studies*, Vol. 3, no. 1. URL https://clinicsearchonline.org/uploads/articles/1703672123ctcs-23-cr-045-galley_proof.pdf

17. Tindana, P.O., De Vries, J. and Kamuya, D., 2020. Ethical challenges in community engagement practices in research during the COVID-19 pandemic in Africa. *AAS Open Research*, Vol. 3. URL: <https://openresearchafrica.org/articles/3-23>

18. Van Niekerk, L. et al., 2020. Crowdsourcing to identify social innovation initiatives in health in low- and middle-income countries. *Infectious Diseases of Poverty*, Vol. 9. URL: <https://doi.org/10.1186/s40249-020-00751-x>

REFERENCES

1. Baker, D., 2012. Innovatsiya modeli biznesa cherez «kraudorsing» s ispol'zovaniem sotsial'no-setevykh platform [Crowdsourcing business model innovation using social media platforms], *Problemy upravleniya v sotsial'nykh sistemakh*, Vol. 4, no. 6, pp. 87–99. (in Russ.)

2. Volchkevich, T.Ya. and Skuratovich, A.L., 2016. Kraudsorsing kak sotsial'naya innovatsiya [Crowdsourcing as a social innovation], *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, no. 11, part 2, pp. 55–59. (in Russ.)

3. Kudaibergenova, T.A. et al., 2023. Eticheskie osnovaniya vzaimodeistviya s mestnymi soobshchestvami v obespechenii gotovnosti k chrezvychnym situatsiyam v obshchestvennom zdravookhranении [Ethical grounds for community engagement in public health emergency preparedness], *Zdravookhranenie Kyrgyzstana*, no. 2, pp. 49–57. (in Russ.)

4. Maslanov, E.V., 2018. Kraudsorsing v nauke: novyi element nauchnoi infrastruktury [Crowdsourcing in science: a new element of research infrastructure], *Filosofiya nauki i tekhniki*, Vol. 23, no. 1, pp. 141–155. (in Russ.)

5. Mezhdunarodnye eticheskie rukovodyashchie printsipy dlya issledovaniy v oblasti zdorov'ya s uchastiem lyudei [International ethical guidelines for health-related research involving humans]. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027->

[cioms-ethicalguidelinesrussianlayout2019-1.pdf](https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027-cioms-ethicalguidelinesrussianlayout2019-1.pdf) (in Russ.)

6. Sokolchik, V.N., 2023. Otkrytaya nauka kak novaya paradigma nauchnykh issledovaniy: problemy i perspektivy (na primere biomeditsinskikh issledovaniy) [Open science as a new paradigm of scientific research: problems and perspectives (the case of biomedical research)], *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya 6: Istoriya, filosofiya*, no. 1, pp. 163–169. (in Russ.)

7. Bekbergenova, Zh. et al., 2019. Activities of the local bioethical committee of the Republic of Kazakhstan. *European Journal of Public Health*, Vol. 27, no. suppl_3. URL: <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckx186.094>

8. *Crowdsourcing in health and health research: a practical guide*. 2018// World Health Organization. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/273039/tdr-str-18.4-eng.pdf>

9. Green, L.W. and Mercer, S.L., 2001. Can public health researchers and agencies reconcile the push from funding bodies and the pull from communities? *American Journal of Public Health*, Vol. 91, no. 12, pp. 1926–1929.

10. Han, H.R. et al., 2021. Exploring community engaged research experiences and preferences: a multi-level qualitative investigation. *Research Involvement and Engagement*, Vol. 7, no. 1. URL: <https://doi.org/10.1186/s40900-021-00261-6>

11. Howe, J., 2006. Crowdsourcing: a definition. URL: http://crowdsourcing.typepad.com/cs/2006/06/-crowdsourcing_a.html

12. McKee, M. et al., G., 2024. Trust: The foundation of health systems. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/379318/9789289059992-eng.pdf>

13. Ntabe, A.C., 2020. Rethinking the practice of community engagement in health research: the case of the tenofovir trials in Cambodia and Cameroon. Research project submitted in partial fulfilment of the requirements for the Master of Social Science. University of KwaZulu-Natal. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/304374342.pdf>

14. Potter, V.R., 1988. *Global bioethics: Building on the Leopold legacy*. East Lansing: Michigan State University Press.

15. *Principles of community engagement*. 2nd ed. URL: <https://www.atsdr.cdc.gov/community-stress-resource-center/php/resources/principles-of-community-engagement2.html>

16. Sokolchik, V. et al., 2023. The social model for research ethics committees regarding engaging communities in health research in Eastern Europe and Central Asian countries (based on tb-related research). *Clinical Trials and Case Studies*, Vol. 3, no. 1. URL https://clinicsearchonline.org/uploads/articles/1703672123CTCS-23-CR-045-Galley_Proof.pdf

17. Tindana, P.O., De Vries, J. and Kamuya, D., 2020. Ethical challenges in community engagement practices in research during the COVID-19 pandemic in Africa. *AAS Open Research*, Vol. 3. URL: <https://openresearchafrica.org/articles/3-23>
18. Van Niekerk, L. et al., 2020. Crowdsourcing to identify social innovation initiatives in health in low- and middle-income countries. *Infectious Diseases of Poverty*, Vol. 9. URL: <https://doi.org/10.1186/s40249-020-00751-x>

*Статья поступила в редакцию /
received 22.06.2025;
рекомендована к печати /
accepted 04.08.2025*

